

СТО
СОВЕТОВ
УЧИТЕЛЮ

Эта книга подсказана сотнями встреч и бесед с молодыми, начинающими учителями, тысячами писем от них, полученных мною за годы работы в Павлышской средней школе.

Я знаю работников десятков специальностей, но нет — я в этом уверен — людей более пытливых, неутомимых, более одержимых мыслями о творчестве, чем учителя. Никогда не забуду молодую учительницу из далекого кабардинского аула. В первый год работы после окончания университета, преподавая английский язык, она встрети-лась со многими трудностями. Девушке, которая с нетерпением ожидала своих первых шагов в творческом труде, мечтала о радости духовного общения с учениками, показалось, что у нее нет призвания к учительскому труду, что она взялась не за свое дело. Несколько тревожных писем, через которые красной нитью проходит вопрос: что же такое призвание? как определить его в себе? как утвердить, создать в себе любовь к делу? Мои ответы не удовлетворяли ее, и вот она приезжает, чтобы в живой беседе выяснить то, что ее волнует. «Я в ста школах побываю, с тысячами учителей встречаюсь, — говорила молодая учительница, — но мне надо узнать, есть ли у меня призвание к работе с детьми».

Радость творческого труда, полнота жизни, достигаемая благодаря творчеству — к этому стремится каждый культурный, образованный человек. Вопрос о том, как раскрыть свои способности в благородном деле воспитания молодого поколения, как найти себя в этой одной из самых интересных, самых сложных, самых гуманных специальностей — глубоко волнующий вопрос, он повторяется в

сотнях писем и бесед, найти ответ на него стремится и семнадцатилетняя девушка, только что окончившая среднюю школу, и выпускник педагогического института, и педагог, уже узнавший первую радость успеха и первую горечь неудачи. С этого вопроса я и начну свои сто практических советов учителю.

**1. ЧТО ТАКОЕ ПРИЗВАНИЕ К ТРУДУ УЧИТЕЛЯ?
КАК ОНО ФОРМИРУЕТСЯ?**

Как и всякий квалифицированный, целенаправленный, планомерный и систематический труд, воспитание человека является профессией, специальностью. Но это особенная, не сравнимая ни с каким другим делом, профессия. Она отличается рядом специфических свойств и качеств:

а) Мы имеем дело с самым сложным, бесценным, самым дорогим, что есть в жизни,— с человеком. От нас, от нашего умения, мастерства, искусства, мудрости зависит его жизнь, здоровье, разум, характер, воля, гражданское и интеллектуальное лицо, его место и роль в жизни, его счастье.

б) Конечный результат педагогического труда можно увидеть не сегодня, не завтра, а через очень продолжительное время. То, что вы сделали, сказали, сумели внушить ребенку, иногда сказывается через пять, десять лет.

в) На ребенка оказывают влияние многие люди и явления жизни, на него воздействуют мать, отец, школьные товарищи, так называемая «уличная среда», прочитанные книги и просмотренные кинофильмы, о которых вы и не знаете, совершенно непредвиденная встреча с человеком, сумевшим сильно повлиять на юную душу, и т. д. Воздействие на ребенка может быть положительное и отрицательное. Бывают семьи, в которых тяжелая, гнетущая обстановка накладывает неизгладимый отпечаток на всю жизнь человека. Миссия школы, наша с вами важнейшая задача, дорогой коллега,— бороться за человека, преодолевать отрицательные воздействия и давать простор положительным. А для этого необходимо, чтобы личность учителя оказывала наиболее яркое, действенное и благотворное влияние на личность ученика. «Человеческая природа

до такой степени богата, сильна и эластична, — писал Д. И. Писарев, — что она может сохранить свою свежесть и свою красоту посреди самого гнетущего безобразия окружающей обстановки»¹. Но человеческая природа может раскрыться в полной мере лишь тогда, когда у ребенка есть умный, умелый, мудрый воспитатель.

г) Объект нашего труда — тончайшие сферы духовной жизни формирующейся личности — ум, чувства, воля, убежденность, самосознание. Воздействовать на эти сферы можно только тем же — умом, чувством, волей, убежденностью, самосознанием. Важнейшие инструменты нашего воздействия на духовный мир школьника — слово учителя, красота окружающего мира и искусства, создание обстоятельств, в которых наиболее ярко выражаются чувства — весь эмоциональный диапазон человеческих отношений.

д) Одной из важнейших особенностей творчества педагога является то, что объект его труда — ребенок — постоянно меняющийся, всегда новый, сегодня не тот, что вчера. Наш труд — формирование человека, и это возлагает на нас особую, ни с чем не сопоставимую ответственность.

Такова специфика педагогического труда. В чем же заключается призвание к нему, какие объективные данные необходимы для него, как воспитывать, утверждать, развивать и отшлифовывать это призвание?

Неискоренимой духовной потребностью любого человека является общение с людьми, в нем он находит радость и полноту жизни. Но у одних в силу самых различных обстоятельств эта потребность очень мало развита, у других же она является как бы чертой характера, доминирующей над другими чертами. Есть люди, как говорят, «по природе» своей нелюдимые, замкнутые, молчаливые, стремящиеся больше к уединению или к общению с узким кругом друзей («природа», конечно, здесь ни при чем — решающее значение имеет воспитание, особенно в годы раннего детства). Если общение с многолюдным коллективом приносит вам головную боль, если вам лучше работать наедине или с двумя-тремя друзьями, чем рядом с большой группой товарищей, — не избирайте своей профессией учительский труд.

Учительская профессия — это человековедение, постоянное, никогда не прекращающееся проникновение в сложный духовный мир человека. Замечательная черта —

постоянно открывать в человеке новое, изумляться новому, видеть человека в процессе его становления — один из тех корней, которые питают призвание к педагогическому труду. Я твердо убежден, что этот корень закладывается в человеке в детстве и отрочестве, закладывается и в семье, и в школе. Он закладывается заботами старших — отца, матери, учителя, — которые воспитывают ребенка в духе любви к людям, уважения к человеку.

У вас зародилась мечта стать учителем. Проверьте, испытайте себя. Вы учитесь в девятом или десятом классе, попросите в комитете комсомола назначить вас пропервожатым отряда или воспитателем октябрятской группы. Вот перед вами сорок малышей — с первого взгляда они покажутся вам очень похожими друг на друга даже внешними чертами, но уже на третий, четвертый, пятый день, после нескольких походов в лес, в поле вы убедитесь, что каждый ребенок — это целый мир, неповторимый и своеобразный. Если этот мир откроется перед вами, если в каждом ребенке вы почувствуете его индивидуальность, если в ваше сердце постучатся радость и горечь каждого ребенка и отзовутся вашими думами, заботами, тревогами — смело избирайте своей профессией благородный учительский труд, вы найдете в нем радость творчества. Потому, что творчество в нашем деле (я еще остановлюсь на этом) — это прежде всего узнавание, познание человека, изумление перед многогранностью и неисчерпаемостью человеческого.

Если же четыре десятка детей покажутся вам уныло однообразными, если вы с трудом будете запоминать их лица и имена, если каждая пара детских глазенок не скажет вам чего-то глубоко личного, неповторимого, если по звонкому голосу ребенка, раздавшемуся где-то в глубине сада, вы не узнаете — не узнаете и через неделю, и через месяц, — кто это кричит и что в этом крике, — семь раз, как говорят, подумайте, а потом решайте, быть ли вам учителем. Потому что нет ни одной педагогической закономерности, нет ни одной истины, которая была бы абсолютно *одинаково применима* ко всем детям. Потому что практическая педагогика — это знания и умения, доведенные до степени мастерства, но и поднятые до уровня искусства. Потому что воспитывать человека — это прежде всего знать его душу, видеть и чувствовать его индивидуальный мир.

«Если бы в моих руках была власть, я отрезал бы язык всякому, кто говорит, что человек неисправим»², — эти слова великого мыслителя Абая Кунанбаева глубоко запали мне в душу, они загораются передо мной огненными буквами каждый раз, когда я думаю о педагогическом призвании, когда приходится говорить с молодым учителем о его радостях и горестях, успехах и неудачах. Безграничная вера в человека, в доброе начало в нем — вот что должно жить в нашей душе, если вы думаете посвятить свою жизнь благородному учительскому труду. Вера не в какого-то абстрактного человека — такого в природе нет — а в нашего советского ребенка, развивающегося в социалистическом обществе.

Краеугольный камень педагогического призвания — это глубокая вера в возможность успешного воспитания каждого ребенка. Я не верю в то, что есть неисправимые дети, подростки, юноши, девушки. Ведь перед нами существо, которому только открывается мир, и в нашей власти сделать так, чтобы ничто не подавило, не искалечило, не убило в маленьком человеке хорошего, доброго, человеческого. Поэтому каждый, кто решает посвятить свою жизнь воспитанию человека, должен быть терпимым к детским слабостям, которые, если внимательно к ним присмотреться и вдуматься, если познать их не только умом, но и сердцем, — окажутся очень незначительными, не заслуживающими ни гнева, ни возмущения, ни наказания. Не поймите меня так, что я проповедую всеобщую терпимость, абстрактную терпимость, призываю учителя терпеливо «нести крест». Речь идет совершенно о другом: о мудрой способности старшего человека — матери, отца, учителя — понимать и чувствовать тончайшие побудительные мотивы и причины детских проступков. Понимать и чувствовать именно то, что это детские проступки. Не ставить ребенка на одну доску с собой, не предъявлять ему таких требований, какие предъявляются к взрослым, по и самому не оребячиваться, не опускаться к уровню ребенка, понимая вместе с тем сложность детских поступков и отношений в детском коллективе.

Если у вас вызывает досаду и сердцебиение каждая детская шалость, если вам кажется: вот они, дети, уже дошли до предела, вот надо делать что-то такое чрезвычайное, предпринимать какие-то «пожарные» меры — семь раз взвесьте, быть ли вам педагогом. Вам не быть воспи-

тателем, если у вас будут бесконечные конфликты с детьми. Умение погасить конфликт прежде всего пониманием того, что вы имеете дело с ребенком — это умение вырастает из глубокого корня, питающего педагогическое призвание, — из понимания и чувствования того, что ребенок — постоянно меняющееся существо.

Еще одна черта, без которой, по-моему, невозможно педагогическое призвание. Я бы назвал эту черту гармонией сердца и разума. Вряд ли есть другие профессии, кроме профессий педагога и врача, которые требовали бы столько сердечности. У вас может быть не только сорок воспитанников. Если вы преподаете предмет в старших классах, у вас будет сто, сто пятьдесят питомцев. И каждому надо дать частичку своего сердца, для радостей и горестей каждого надо найти место в своем сердце. Отзывчивость, сердечное беспокойство о человеке — это плоть и кровь педагогического призвания. Учителю нельзя быть холодным, равнодушным человеком. Холодная рассудочность и дотошное взвешивание всего происходящего, боязнь допустить неточность в соблюдении всевозможных регламентаций вызывает у детей настороженное отношение к учителю, недоверие. Слишком рассудочного учителя дети не только не любят, они никогда не раскрывают перед ним своего сердца.

При любых обстоятельствах поступайте так, как велит первый сердечный порыв — он всегда наиболее благороден. Но в то же время учителю надо уметь контролировать свои сердечные порывы разумом, не поддаваться эмоциональной стихии. Особенно важно это тогда, когда надо принимать решения в связи с ошибочными, опрометчивыми, одним словом, неправильными поступками ваших школьников.

Искусство и мастерство педагога как раз и заключается в умении сочетать сердечность с мудростью.

Иногда надо повременить с принятием решения, дать «отстояться» чувству. Каждый раз, когда надо побеседовать с учеником о его поступке, в котором выразились сложные, противоречивые движения его души, я всегда откладываю эту беседу на несколько дней. Уверяю вас, мои уважаемые коллеги, эмоциональность ваших слов, вашего обращения к разуму и сердцу воспитанника от этого станет еще полнее, потому что чувство в таких случаях как бы облагораживается мудростью ваших суждений.

И суждения ваши, слова ваши доходят при этом до глубины сердца воспитанника, потому что они прочувствованы как бы насыщены волнениями вашего сердца. Это умение — умение *настраивать* себя на задушевный разговор с учеником, в особенности с подростком, исключительно важно в той мастерской педагогических средств, которую должен создать для себя каждый учитель. Это умение надо воспитывать в себе, создавать, совершенствовать, «отшлифовывать», делать более тонким и действенным.

Воспитывая это умение, необходимо глубоко пропитать в душу ребенка, вдумываться в то, чем он живет, как он смотрит на мир, что представляют собой для него люди, окружающие его.

Дорогой мой коллега, чтобы стать настоящим воспитателем, надо пройти эту школу сердечности — в течение длительного времени *познавать сердцем* все, чем живет, что думает, чему радуется и чем тревожится ваш питомец. Это одна из самых тонких вещей в нашем педагогическом деле. Если вы настойчиво овладеваете ею — вы будете настоящим мастером.

2. О ЗДОРОВЬЕ И ПОЛНОТЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ УЧИТЕЛЯ. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РАДОСТИ ТРУДА

Мне вспоминается один торжественный вечер, посвященный проводам педагога на пенсию. Учительница, пригласившая меня на этот вечер, была еще сравнительно молода, работать она начала с 20-ти лет, и в день ухода на пенсию ей было всего 45 лет. Почему Анастасия Григорьевна уходит на пенсию? — недоумевали все. Странным казалось и то, что учительница не захотела работать ни одного лишнего дня; ушла с работы точно в день, когда минуло 25 лет ее работы в школе. Все недоумения развеяла сама Анастасия Григорьевна в своем прощальном слове, обращенном к нам, тогда еще молодым педагогам. «Милые друзья, — сказала она, — я ухожу потому, что работа в школе не была моим любимым делом. Я не находила в этой работе удовлетворения. Она не давала мне никакой радости. Это беда, это трагедия моей жизни. Каждый день был днем ожидания: скорее бы окончились уроки, исчез бы этот шум, скорее бы уединиться. Вы удивляетесь: женщине 45 лет, и она уже уходит от труда, ведь

у нее еще цветущее здоровье. Пет, не цветущее у меня здоровье. Оно надорвано. И надорвано тем, что труд не давал мне радости. У меня очень больное сердце. Советую вам, молодым: проверьте сами себя,— если труд не дает вам радости, уйдите из школы, определите себя в жизни правильно, найдите любимое дело. Иначе годы труда ступут для вас адом».

Задумаемся над этой грустной историей, дорогой друг. Здоровье, настроение, полнота духовной жизни, радость творческого труда, удовлетворение от любимого дела — тесно связаны между собой, взаимозависимы. И на первом месте здесь стоит гармония здоровья и силы духа. Здоровье — как оно нужно педагогу, какая трагедия приходит в его жизнь, если незаметно подкрался недуг, от которого нет спасения! А ведь нередко бывает так, что учителю 45—47 лет, а он уже *выдохся*. Только вступил в зенит педагогической мудрости, постиг сокровенные тайны мастерства и искусства воспитателя, выработал свои педагогические убеждения — а сил-то уже и нет. «Как я боюсь годам к 45 стать «почетным членом президиумов», «свадебным гепералом», — пишет мне учитель с 25-летним стажем, пачавший свою педагогическую деятельность 16-летним юношей. Как работать, чтобы не надрывалось здоровье? Ведь здоровье-то нужно прежде всего для труда, для творчества, без труда я не представляю себе счастья».

Я беседовал с четырьмя сотнями учителей в возрасте от 45 до 50 лет. Когда речь шла о здоровье, многие жаловались: «сердце стало слабым», «пошаливает сердце». Сердечные и нервные расстройства, ослабление сердца — как раз с этой стороны незаметно подкрадывается к учителю недуг, не только ограничивающий, но зачастую и совершенно прекращающий его творческий труд, заставляющий преждевременно уходить «на покой». Учителю надо беречь сердце и нервы. Работать нам надо так, чтобы к 60-летнему возрасту быть здоровым, жизнерадостным. Трудно представить себе что-либо более трагическое для учителя, чем чувствовать себя полным умственных сил, замыслов и бессильным физически.

Но как беречь сердце и нервы? Не отворачиваться же от всего, что требует личного эмоционального отношения, не воспитывать же в себе равнодушие. Здесь прежде всего надо учитывать специфические профессиональные условия нашего труда.

Наша работа — это работа сердца и нервов, это буквально ежедневное и ежечасное расходование огромных душевных сил. Наш труд — это постоянное изменение ситуаций, вызывающих то усиленное возбуждение, то торможение. Поэтому умение *владеть собой, держать себя в руках* — одно из самых необходимых умений, от которого зависят и успех деятельности педагога, и его здоровье. Неумение правильно тормозить ежедневные и ежечасные возбуждения, неумение *владеть ситуациями* — вот что прежде всего издергивает сердце, разматывает нервную систему учителя.

Но *как же* воспитывать в себе это умение? Прежде всего надо *знать* свое здоровье, знать особенности своей нервной системы и сердца. Нервная система человека по самой природе своей очень гибкая, и учителю надо уметь довести эту гибкость до степени искусства властвовать над эмоциями. Я воспитывал в себе это умение тем, что не допускал, чтобы дали ростки семена таких отрицательных явлений, как угрюмость, преувеличение чужих пороков, гиперболизация «ненормальных» детских намерений и действий — это трудно выразить словами, но это большой недостаток нашей культуры, технологии педагогического труда — дурная привычка требовать от ребенка, что можно требовать только от взрослого, делать маленького ребенка то ли резонером, то ли равнодушным вместилищем истин и поучений. Я всегда стремлюсь не вызывать в себе возбуждение, не нагнетать его, а давать ему разрядку. Что для этого необходимо, как избегать постоянного принуждения сдерживать самого себя? Наиболее радикальными средствами являются, во-первых, переключение энергии всего коллектива, с учителем вместе, на дело, требующее духовного единства, коллективного творчества, трудовой сосредоточенности всех и каждого, взаимного обмена интеллектуальными ценностями. Опыт убедил меня в том, что именно такая коллективная деятельность как бы ослабляет те *пружины*, которые учитель часто вынужден сжимать, чтобы затормозить возбуждение, не дать вырваться наружу раздражению. Если не ослаблять эти пружины, если сжимать, как говорят, сердце в кулак, оно издергивается, раздражается, становится чересчур беспокойным, неуравновешенным стражем эмоциональных опасностей, возникающих в нашем труде каждый раз, когда

то ли дается полная воля чувствам, то ли, наоборот, чувства гасятся, подавляются.

Я пошел с детьми в лес. Есть в нашем коллективе маленький такой, шустрый, шаловливый, подвижный, как ртуть, курносый, веснушчатый, снеглазый Юрко. В то время, когда дети, собравшись на поляне, слушали мое наставление: куда мы дальше пойдем, как не потеряться и не заблудиться в лесу, Юрко убежал в лесную чащу, спрятался где-то в овраге и — слышно уже всем нам — аукает... С первого взгляда может показаться, что мальчик все это делает с недобрым намерением: внести разлад в наш лесной поход. Но — говорю я сам себе — нельзя преувеличивать детских намерений. Ведь Юрко — маленький ребенок, второклассник, и не может быть у него столь далеко идущих намерений. Вот я не буду нервничать, не буду сердиться и раздражаться, а устройю из всего этого очень интересную игру. Давайте, дети, замолчим и спрячемся от Юрка. Не мы его, а он нас будет искать. Тихонько, чтобы и трава под ногами не шелестела, мы пробираться к известной мне одному лесной пещере, спрячемся в ней. Дети с восторгом рассматривают свое убежище. Юрко аукнул несколько раз и умолк. Вот он уже в другом месте — подражает песне иволги, приближается к той поляне, где мы сидели. Вот он аукнул и в его голосе я уже услышал тревогу. Вот он уже на поляне. Уже не аукает и не подражает пению птиц, а тревожно зовет нас: «Где вы? Отзовитесь!»

Вместо того, чтобы заставлять себя сдерживать возбуждение, найдите деятельность, которая представит совершенно в ином свете то, что вызывает возбуждение, раздражение, заставляет держать пружину торможения сжатой. Сделайте неприятное, раздражающее — смешным, и вы станете полным властелином мыслей и чувств коллектива.

Второе средство снимать возбуждение и раздражение, ослаблять пружину торможения — это юмор. Самую напряженную ситуацию, которая может вызвать иногда очень длительное раздражение, можно разрядить, если вы обладаете чувством юмора. Веселого, не унывающего, не впадающего в отчаяние учителя дети любят и уважают уже потому, что они народ веселый, обладающий чувством юмора. Они умеют в каждом поступке, в каждом жизненном явлении видеть черточку смешного. Умение беззлобно, доброжелательно высмеивать отрицательное, шуткой

поддерживать и поощрять положительное — важная черта хорошего учителя и хорошего ученического коллектива.

Отсутствие у учителя чувства юмора воздвигает стену взаимного непонимания: учитель не понимает детей, дети не понимают учителя. Сознание того, что дети тебя не понимают, раздражает, и это раздражение — то состояние, из которого учитель часто не находит выхода. Поверьте, дорогой мой коллега, что добрая половина конфликтов, которые разъедают живое тело школы, отравляют жизнь ученическому коллективу, кроется именно в таком взаимном непонимании.

Особенностью труда педагога является чередование периодов большой напряженности умственных усилий с периодами сравнительно спокойными. Многолетняя практика твердо убеждает: сердцу и нервам педагога необходимы продолжительные периоды прекращения отдачи, прекращения расходования нервных и духовных сил. Эти силы необходимо пополнять. Обязательное условие такого пополнения — разумное использование времени отдыха. Правильный отдых, особенно летом и зимой, развивает и укрепляет компенсаторные способности нервной системы, служит выработке выдержки, уравновешенности, умения подчинять эмоциональные порывы контролю разума. Многие опытные учителя, проработавшие в школе 30, 40 и больше лет, рассказывают, что выдержку, самообладание воспитывает у них, в частности и в особенности, длительное общение с природой, в котором физическое напряжение сочетается с мыслью, наблюдениями.

Вместе с тем, надо уметь бережно расходовать нервные силы в повседневном труде — это тоже очень важный залог здорового сердца и здорового духа.

3. КАК ПРЕДОТВРАТИТЬ ИСТОЩЕНИЕ НЕРВНЫХ СИЛ В ПРОЦЕССЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Наш труд проходит в мире детства — вот о чем нельзя забывать ни на минуту. А это особый, ни с чем не сравнимый мир. Надо знать этот мир, — но этого мало. Надо *вжиться* в мир детства; если хотите, в каждом учителе должна сиять и никогда не угасать маленькая искорка ребенка.

Что же это такое — мир детства? Я даю здесь только некоторые практические советы учителю и не претендую

на научно-психологическое определение всех особенностей детства. Я бы сказал, что детство — это прежде всего эмоциональное познание окружающего мира. Мир детства — это в первую очередь познание сердцем того, что ребенок видит вокруг себя, что он сам делает. Яркая, полнокровная, выразительная жизнь сердца, игра чувств, эмоциональных движений — вот что такое детство как объект нашего педагогического труда, как среда, в которой нам приходится работать.

Жизнь детского сердца ежечасно несет нам удовлетворение и неудовлетворение, радость и горечь, грусть и восхищение, недоумение и изумление, ласку и гнев. В том широчайшем диапазоне чувств, который несет нам мир детства, есть приятные и неприятные, радующие и огорчающие мелодии. Уметь разобраться в этой гармонии — важнейшее условие духовной полноты, радости и успеха в педагогическом труде. Огорчения, гнев, негодование, — если кроме этих чувств общение с детьми ничего учителю не приносит, — не только откладываются неприятными переживаниями в его душе, но и нарушают работу внутренних органов. У учителей, не умеющих видеть и чувствовать мир детства с его сложной эмоциональной гармонией часто наблюдаются неврогенные разлады, среди них самым неприятным и зачастую грозным бывает истощение нервных сил.

«У меня всего три урока в день, — пишет Лидия Н. из Тамбовской области. — Но домой прихожу разбитой, уставшей; нет сил не только готовиться к урокам или читать, но и думать. В чем дело? В часы работы в школе я — как натянутая струна. Ребячьи шалости не дают покоя. Кажется, что каждый мальчишка только и думает о том, чтобы сделать мне какую-нибудь неприятность. Вижу, на уроке Федя толкнул Ваню под бок, а Ваня дал Феде сдачи — ударил линейкой по голове... Все это, говорят другие учителя, мелочи, а я не могу спокойно на все смотреть: по всему телу разливается горячая волна, сердце едва ли не выскочит из груди, руки и ноги немеют. Делаю замечание ученику, хочу быть спокойной, но голос дрожит, дети это замечают и, кажется мне, улыбаются, назло досаждают новыми затеями. Что мне делать?»

Это уже неврогенный разлад, причина которого — непонимание мира детства. В целом этот мир прекрасный, дорогой мой коллега, и если вы знаете его, если чувствуете себя в нем, как рыба в воде, он будет приносить вам

положительных переживаний и состояний несравненно больше, чем отрицательных. Так умеете же услышать, понять, почувствовать сердцем в той музыке, которая называется детством, прежде всего светлые, жизнерадостные мелодии. Будьте не только слушателем, потребителем музыки детства, но и ее творцом — композитором. Создавайте светлые, жизнерадостные мелодии в музыке детства, от которой зависит ваше здоровье, сила вашего духа, состояние вашего сердца. Ваш рояль и ваша нотная тетрадь, где вы пишете музыку детства, ваша дирижерская палочка, которая повелевает мелодиями, — это очень простая и в то же время очень сложная вещь — *оптимизм*. Помните, что нет среди детей, подростков, юношей и девушек злоумышленников, а если и появляются иногда такие — одни на тысячу, на десять тысяч человек — то творит их зло, а излечивает добро, человечность и опять та же волшебная скрипка и волшебная дирижерская палочка — *оптимизм*.

Нет в ребенке ничего такого, что требовало бы от педагога жестокости. А если и возникают пороки в детской душе, то это зло вышибается прежде всего добром. Это не проповедь непротивления злу, а реальный взгляд на мир детства. Мне ненавистна скрипящая подозрительность по отношению к детям, ненавистна формалистическая регламентация требований и запрещений. Это не проповедь разгильдяйства и «свободного воспитания», а твердое убеждение в том, что добро, ласка, любовь — по отношению к ребенку — не абстрактные добро, ласка и любовь, а человеческие, реальные, проникнутые верой в человека, — это могучая сила, способная утвердить в человеке все прекрасное, сделать его идеальным. Я не верю в то, что ребенок, которого правильно воспитывают, может стать хулиганом, тунеядцем, циником, существом лживым и развращенным.

Оптимизм, вера в человека — неисчерпаемый источник творческой энергии, нервных сил, здоровья воспитателя и воспитанника. Не давайте прорасти в своей душе семенам неверия в человека, подозрительности. Неверие в человека, каким бы маленьким, незначительным оно ни было вначале, разрастается в то, что я — поскольку здесь речь идет о здоровье физическом и душевном — назвал бы страшной раковой опухолью недоброжелательности. Недоброжелательность — опасный недуг души, который отражается и на сердце, и на нервах. Он, этот недуг, закрывает глаза

педагога пеленой, за которой тот не видит в человеке хорошего. Недоброжелательность — это фантастические очки, стекла которых уменьшают хорошее до микроскопических размеров и делают невидимым, а плохое увеличивают до уродливых размеров, до того, что оно закрывает тончайшие черточки человеческого. Разлад здоровья у педагога начинается, мой юный друг, с того, что он позволяет разрастись недоброжелательности, подкармливая ее намерениями и поступками, ничего общего не имеющими с оптимистической верой в человека. Недоброжелательность — мать озлобленности, а озлобленность — это уже, образно говоря, острый шип, постоянно делающий уколы в самые чувствительные уголки сердца, изнуряющий душу, ослабляющий нервы.

Пуще огня бойтесь малейшего злорадства. Вам — пусть этого не будет никогда — удалось, допустим, «пробрать» школьника, «задеть» его за живое: вы записали в дневник о его неблагоприятном поступке и где-то в глубине вашего сознания зашевелилась радостная мысль: вот прочитает отец мою запись, он требовательный, отец твой, задаст он тебе... Мельком взглянув в печальные глаза ребенка, вы не встревожились, а остались спокойным. Поймите, дорогой друг, что с таких вот моментов начинается ваша большая беда: в глубине вашего сердца поселяется злорадство. Оно кажется вначале безобидным, слабеньким зверьком, а в самом деле — подобно ядовитой змее. Злорадство в свою очередь рождает нетерпимость, злорадствующее сердце становится глухим и немым, оно не улавливает тонких движений детской души; злорадствующий человек видит зло и злонамеренность там, где речь идет об обычной детской шалости. Нетерпимость к детским проказам, шалостям делает учителя холодным резонером, рассудочным надзирателем, ненавистным детям. И они платят ему за мелочные придирки тем, что пытаются вывести его из себя, «насолить» ему. Если уж началось это — сердце педагога постепенно сгорает от того, что ему ежедневно приходится подавлять свою озлобленность. Бойтесь этого, как большого несчастья, мой друг. Если вам не удастся избежать этого, вы станете желчным, раздражительным, мрачным существом, труд превратится для вас в каторгу, у вас появятся сто язв и сто пороков.

Доброжелательность, разумная доброта — вот что должно быть атмосферой жизни детского коллектива, главным

качеством взаимоотношений педагога и детей. Какое это прекрасное слово и вместе с тем, какое это глубокое, сложное, многогранное человеческое отношение — *доброжелательность*. Если она взаимна, — человек открывается навстречу человеку всеми глубинами своей души.

Я тысячу раз говорил и буду твердить до смерти, что взаимная доброжелательность учителя и детей — это тончайшие нити, которые соединяют сердца и благодаря которым — заметьте, это исключительно важно в нашем педагогическом труде — человек понимает человека без слов, чувствует тончайшие движения души другого человека. Многие годы работы в школе твердо убедили меня, что если я доброжелателен к детям и воспитал у них доброжелательность, они щадят мое сердце и мои нервы, понимают, когда у меня тяжело на душе, когда мне трудно даже говорить. Чувствуя мое состояние, почувствовав, что у меня очень тяжело на душе, дети даже говорят тихо, избегают шума, стремятся дать мне как можно больше покоя и на уроках, и на перерывах. В этом взаимном чувствовании сердца, в умении читать в душе человека — неисчерпаемый источник вашего здоровья, мой дорогой коллега. Но здесь мы вступаем в совершенно особую сферу школьной жизни, — в сферу, о которой очень мало говорят, но о ней надо много и разумно говорить. Речь идет о самой сущности доброжелательности, как об одном из важнейших аспектов эмоционального воспитания.

4. БУДЬТЕ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫ

Этот совет относится к азбуке педагогической культуры вообще и эмоциональной стороне культуры воспитания в частности. Быть доброжелательным — означает относиться к ребенку так, как вы отнеслись бы к собственному сыну. Ребенок плохо успевает, отстает; ребенку трудно заниматься так, как занимаются его одноклассники; ребенок или подросток совершил хулиганский поступок — все это беда, беда, беда... Как бы вы поступили, если бы в эту беду попал ваш сын? Вряд ли предложили бы такие решения, как исключение из школы, снижение отметки по поведению... Конечно, умному отцу, умной матери разум подсказал бы, что и *это* необходимо, но прежде всего сердце подсказало бы что-то такое, что крайне необходимо для спасения сына — ведь наказанием одним человека не

спасешь. Сердце потребовало бы чего-то такого, что создало бы в душе сына моральную чистоту и красоту, сделало бы его настоящим человеком. Вот это желание сердца и есть доброжелательность. Доброжелательность педагога выражается, прежде всего, в умении не допустить, чтобы ребенок стал плохим, предостеречь его от ошибочных шагов. По-отцовски, по-матерински желать добра — это значит преградить злу дорогу к детскому сердцу, закрыть сердце ребенка от зла. Если в нашем сердце живет *такая* тревожная забота о каждом ребенке, если каждый ребенок для вас — не строчка и помер в классном журнале, а живой человек, личность, неповторимый человеческий мир, — можете быть уверены: сердце подскажет вам, что делать, если у ребенка беда. Это веление сердца — доброжелательность в действии.

Легко сказать: будьте доброжелательны. Но доброжелательность надо воспитывать, и воспитывается это состояние души только тогда, когда оно — взаимное, то есть, когда педагог желает добра ученику, а ученик — педагогу. Это самая тонкая гармония школьной жизни. Взаимность доброжелательности воспитывается в атмосфере большой эмоциональной культуры. Я всегда считал одной из самых важных воспитательных задач учить детей познавать мир сердцем, чувствовать сердцем состояние, в котором находится человек — не только родной, близкий, но и любой соотечественник, встретившийся на жизненном пути. Научить маленьких детей чувствовать, что у встретившегося им человека тяжело на душе, что у него какое-то горе — это одно из самых тонких педагогических умений. Я хочу поделиться опытом, как учителю воспитывать это умение у самого себя, как воспитывать эмоциональную культуру у детей и как эту культуру сделать основой взаимной доброжелательности.

Весна, в поле рядом со школой работают на свекловичной плантации колхозницы. Каждое утро, как только из-за горизонта выплывает красный диск солнца, женщины одна за другой идут в поле. А мои первоклассники тоже приходят в это время в школьный сад. Мы встречаем восход солнышка в своем Уголке Красоты — в зеленом классе под голубым небом — это большой зеленый шалаш, укрывающий нас от палящего солнца сплошной листвой винограда. Мимо нас, в двух-трех метрах проходят колхозницы. Мы видим их — каждую черточку их лиц, их глаза,

слышим их дыхание, если сидим тихо, затаив свое дыхание. Они нас не видят. Я учу детей: смотрите в глаза женщинам, учитесь чувствовать и понимать, что на душе у каждой из них — безоблачное спокойствие или мрачная туча горечи. Каждый день мы видим одних и тех же девушек и женщин. Мы уже привыкли к тому, что синеглазая, с толстыми русыми косами молодая женщина, мать двух маленьких ребят, идет на работу, напевая то одну, то другую песенку. Часто она останавливается на холмике, смотрит в лазурное небо, слушает песню жаворонка, улыбается. «Она радуется жизни, она счастлива», — говорю я детям, и всем нам при виде человеческого счастья тоже становится радостно. Другая женщина, свернув на узкую полевою тропинку, срывает каждый день несколько полевых цветов, в ее глазах мы читаем мысль о чем-то светлом, жизнерадостном. Две девушки подходят к источнику, тихо струящемуся на лугу, смотрят в него, как в зеркало, поправляют прически, любуются своей красотой, — смотрите, дети, в глазах у них радостная мечта. А эта черноглазая женщина не только нарвала полевых цветов, но и присела на пенек, сплела маленький веночек — конечно, такой веночек сплетают только маленькой девочке; присмотритесь к ее глазам, дорогие дети, вы почувствуете теплоту материнской любви. Но вот — смотрите, дети, внимательно, седая женщина. Поглядите в ее глаза — какие они грустные, печальные. Сколько горечи, тоски в ее взгляде. Вот она остановилась, смотрит на солнышко, на утопающее в зеленых садах село и тяжело вздыхает. Видите, она идет не по полевою тропинку, а на дорогу, ведущую в центр села. Срывает на обочине дороги полевые цветы и несет их к памятнику воинам, погибшим здесь в бою с фашистами. Возлагает цветы на могилу и — смотрите — плачет.

Перед вами, дети, самое великое в мире человеческое горе — материнское горе. Вот она еще раз пройдет мимо нашего Уголка Красоты — присмотритесь внимательно, взгляните еще раз в ее глаза.

Дети сидят, затаив дыхание. Ни листок не шелохнется, ни травинка — все тихо вокруг. Перед нами печальные глаза матери. Мы слышим, как она тяжело вздыхает, еще раз оглянувшись на памятник воинам...

Без каких бы то ни было слов и объяснений детям ясно, что у матери погиб на войне сын. Я рассказываю о большом материнском горе: у нее погибли два сына и муж..

Потом следуют один за другим все новые и новые уроки познания человека сердцем. Мы отправляемся в поле, садимся у проселочной дороги, мимо нас время от времени проходят люди.

Взглянув в лицо, в глаза человеку, дети чувствуют его внутренний мир. У одного — радость бытия, у другого — мечта о чем-то волнующем, дорогом, у третьего — просто усталость и какая-то безучастность — нет, у этого человека тоже на душе не совсем хорошо...; у четвертого — озабоченность, может быть, это какие-то незначительные житейские, бытовые заботы, а может быть и тревога о чем-то большом. А вот у этого дедушки какое-то горе. Дети встрепнулись, насторожились. Такого горя в человеческих глазах они еще никогда не видели. «Он страдает... У него большое несчастье... надо спросить, чем ему помочь...» — говорят дети.

Они подходят к дедушке, спрашивают: «Чем вам помочь?» Дедушка опускает ласковую руку на белую головку моей маленькой Зины, тяжело вздыхает и говорит: «Ничем вы не поможете мне, дорогие детки... жена у меня в больнице только-что умерла... иду за машиной... Сорок семь лет прожили... Ничем вы не поможете, а все-таки легче, что вы — хорошие люди...»

Так воспитывается эмоциональная культура. Это очень тонкий, длительный процесс, требующий от педагога большого такта, внимания, вдумчивости, глубокого знания внутреннего духовного мира каждого ребенка.

Ребенок, чувствующий сердцем другого человека, становится доброжелательным. Но очень важно также и то, что он восприимчив к доброжелательности учителя: чувствует ее, платит добром за добро — важность этого обстоятельства в воспитательной работе трудно переоценить. Душа ребенка должна быть подготовлена к воспитанию лаской, добротой, сердечностью. Вам, наверное, приходилось слышать сетования учителей (а, может быть, вы и сами высказывали такую мысль): «Что делать? Не понимает ребенок доброго слова... Я к нему с лаской, с открытым сердцем, — а он, бессердечный, насмехается над моей добротой». Такое, к сожалению, бывает, и корни этой сердечной толстокожести — в эмоциональной невоспитанности, в том, что в годы раннего детства ребенок не учился познавать человека сердцем.

Если же вы паучили своего питомца чувствовать человека сердцем, ваша доброжелательность способна творить чудеса. На что направляется доброжелательность учителя? Прежде всего на умственный труд ребенка. Желать добра в умственном труде — это значит понимать все сильные и слабые стороны ребенка, чувствовать тонкости его умственного труда. Ваша доброжелательность как могучее средство воспитания действует до тех пор, пока питомцу вашему хочется быть хорошим, пока у него есть и постоянно развивается чувство собственного достоинства. В педагогическом деле, как видим, между явлениями и фактами существуют самые тесные связи: успеваемость ребенка отражается на состоянии его духа; состояние духа ребенка отражается на полноте духовной жизни, на здоровье педагога. Если ученик стремится быть хорошим, хочет хорошо овладеть знаниями — это уже половина радости вашего труда.

Чувство собственного достоинства ребенка зависит от его успехов в учении, а успехи в учении — от доброжелательности педагога и, конечно, от того, насколько подготовлена душа ребенка к восприятию доброжелательности педагога. Помните, что успехи ребенка в учении, его чувство собственного достоинства — это огонек радости вашего творческого труда, уважаемый мой коллега. До тех пор, пока этот огонек горит, вы будете чувствовать полноту своей духовной жизни, радость творчества.

Но, — опять возникает вопрос, — как же достигнуть того, чтобы у ребенка постоянно были успехи в учении? Как воспитывать у него чувство собственного достоинства? Как одухотворить его этой огромной духовной энергией — желанием быть хорошим? Перехожу к совету, который кратко можно выразить словами:

5. ПОМНИТЕ, ЧТО НЕТ И БЫТЬ НЕ МОЖЕТ АБСТРАКТНОГО УЧЕНИКА

Почему часто уже в I классе появляются неуспевающие, отстающие, а во II и III классах иногда уже можно встретить безнадежно отстающего, на которого учитель, как говорят, махнул рукой? Потому что нет индивидуального подхода к детям в самой важной сфере школьной жизни — в сфере умственного труда.

Представим себе, что всех семилетних детей, только что ставших школьниками, заставили выполнять один и тот же физический труд — например, носить воду. Один принес пять ведерок — и выдохся, а другой может и двадцать принести. Заставь слабенького ребенка принести двадцать ведерок — это надорвет его силы, он завтра уже ничего не сможет делать, а то и в больницу сляжет. Так же неодинаковы и детские силы, необходимые для умственного труда. Один воспринимает, осмысливает, запоминает быстро, храпит в памяти долго и прочно; у другого же умственный труд происходит совсем по-другому: материал воспринимается очень медленно, память сохраняет знания недолго и непрочно, — хотя в дальнейшем — это бывает нередко — именно этот ученик достигает более значительных успехов в учении, в интеллектуальном развитии, чем тот, кто учился на первых порах лучше. Нет абстрактного ученика, к которому можно было бы приложить механически все закономерности обучения и воспитания. Нет каких-то единых для всех школьников предпосылок *успехов в учении*. И само понятие *успехи в учении* — вещь относительная: у одного показателем успехов являются «пятерки», для другого и «тройка» — большое достижение. Умение правильно определить, на что способен каждый ученик в данный момент, как развивать его умственные способности в дальнейшем, — это исключительно важное слагаемое педагогической мудрости.

Сохранение и воспитание чувства собственного достоинства каждого ученика зависит от того, как представляет учитель его личные успехи в учении. Нельзя требовать от ребенка невозможного. Любая программа по любому предмету — это определенный уровень, круг знаний, но не живой ребенок. К этому уровню, к этому кругу знаний разные дети идут по-разному. Один ребенок уже в первом классе может совершенно самостоятельно прочитать задачу и решить ее; другой же сделает это в конце второго, а то и третьего года обучения. Надо уметь определить, каким путем, с какими замедлениями и трудностями ребенок может подойти к уровню, предусмотренному программой, как конкретно реализовать программу в умственном труде каждого ученика.

Искусство и мастерство обучения и воспитания заключается в том, чтобы, раскрыв силы и возможности каждого ребенка, дать ему радость успеха в умственном труде.

А это значит, что в учении должна быть индивидуализация — и в содержании умственного труда (в характере заданий), и во времени. Опытный педагог дает одному ученику две, три, а то и четыре задачи на урок, другому же — только одну. Один получает более сложную задачу, другой — более простую. Один выполняет творческую письменную работу по языку, например, пишет сочинение, другой работает над текстом литературного произведения.

При таком подходе все ученики продвигаются вперед — одни быстрее, другие — медленнее. В оценке, полученной за свою работу, ребенок видит собственный труд, напряжение усилий; учение приносит ему моральное удовлетворение, радость открытия. Взаимная доброжелательность учителя и ученика при этом сочетается с взаимным доверием. Ученик не видит в учителе только строгого контролера, а в оценке — палку. Он откровенно говорит учителю: вот это у меня не вышло, этого я не смог сделать. Его совесть очень чуткая, он не может идти на списывание, использование шпаргалки; ему хочется утвердить свое достоинство.

Успех в учении — это, образно говоря, тропинка, ведущая к тому уголку детского сердца, в котором горит огонек желания быть хорошим. Берегите эту тропинку и этот огонек.

У меня есть друг — прекрасный учитель математики И. Г. Ткаченко (Богдановская средняя школа Кировоградской области). Он так говорит о своей подготовке к урокам: «Я продумываю, что будет делать каждый ученик. Для всех подбираю такую работу, которая принесла бы успех. Если ученик не сделал хотя бы маленького шага по пути к овладению знаниями, — это пропавший для него урок. Безрезультатный труд — вряд ли есть более серьезная опасность, подстерегающая и ученика, и учителя».

Посмотрите на уроки математики у преподавателей Павлышской средней школы А. Г. Арищенко и М. А. Лысак. Во время решения задач (а решение задач занимает 90% времени) класс у них как бы разделяется на несколько групп. В первой группе — наиболее подготовленные дети, которые легко решают без какой-бы то ни было помощи любую задачу, и в этой группе — один-два ученика, которые могут решать задачу устно, не прибегая к записям: учитель не успел прочитать условие, — ученик уже поднимает руку; для этой группы, кроме программных, учитель

подбирает задачи, выходящие за пределы программы: надо дать уму этих учащихся работу посильную, но и нелегкую, требующую напряжения; иногда надо дать и такую задачу, чтобы ученик не мог ее решить самостоятельно, но помощь учителя может заключаться лишь в незначительном совете, намеке.

Вторая группа — прилежные, старательные ученики, для которых отличное выполнение задания связано с определенным напряжением умственных сил, с поиском, с преодолением трудностей. Это ученики, о которых учителя говорят: берет трудолюбием, усидчивостью; успевают потому, что прилежны и пастойчивы.

Третья группа — дети, которые без помощи справляются с задачами средней трудности, но сложные задачи иногда не могут решить. Помощь этим школьникам в процессе их работы требует большого педагогического мастерства.

Четвертая группа — ученики, которые медленно осмысливают задачу, медленно решают. Они могут в два, в три раза меньше сделать в течение урока, чем ученики второй и третьей группы, и их ни в коем случае нельзя торопить.

Пятая группа — отдельные ученики, которые вообще не могут справиться с задачей средней трудности; учитель подбирает для них специальные задачи, всегда рассчитанные на какой-то, пусть незначительный, успех.

Эти группы учащихся не являются чем-то застывшим, окостеневшим: умственный труд, дающий радость успеха, всегда имеет своим результатом развитие способностей.

Присмотритесь к умственному труду учащихся на уроках у педагога, которому удалось добиться того, что каждый его питомец достигает успехов. Здесь царит та атмосфера взаимной доброжелательности, о которой шла речь выше, царит интеллектуальное вдохновение. Каждый стремится достигнуть цели своими собственными усилиями, вы видите в детских глазах то напряженную сосредоточенность мысли, то радостный огонек (найден правильный путь!), то задумчивость (с какой же стороны подойти к задаче?). Работать педагогу в такой атмосфере — большое наслаждение. Поверьте, мой дорогой коллега, что каким бы напряженным ни был труд учителя на *таком* уроке, у него есть время для той *передышки*, без которой трудно провести четыре — пять уроков подряд.

Несколько лет я преподавал математику в V—VII классах, и, поверьте, эти уроки, чередуясь с уроками литера-

туры и истории, были для меня настоящим отдыхом. Уроки, на которых каждый ученик познает индивидуальную, личную радость успеха, не издегивают, не изматывают учителя: он не знает напряженного ожидания неприятности, ему не надо следить за теми шустрými, беспокойными ребятами, которые от нечего делать время от времени «угощают» учителя шалостями,— их энергия направляется на таких уроках в нужное русло. Как прилежно, сосредоточенно работают шалуны и проказники, если учителю удалось «запрячь» их в посильный умственный труд, сулящий и дающий успех! В напряженном труде раскрывается их деятельная душа; они становятся неузнаваемыми: все их внимание сосредоточено на том, чтобы как можно лучше выполнить работу.

У меня всегда вызывают досаду и недоумение жалобы кое-кого из учителей: ребенок шалит на уроке, занимается посторонними делами... Да не может этого быть, дорогие товарищи, если вы по-настоящему подумали о том, как заставить трудиться каждого ученика!

Вот мы частично и коснулись острого в нашем труде вопроса: как же добиться того, чтобы труд не приносил нам изнурения, бесконечного напряжения нервов и сердца, вызванного тем, что ежеминутно на горизонте вырисовывается то «чрезвычайное событие», то «невинная шалость» — маленькая, почти незаметная, но если их множество — они не дают ни работать, ни жить нормально.

6. ГДЕ БРАТЬ ВРЕМЯ? СУТКИ ИМЕЮТ ТОЛЬКО 24 ЧАСА

Эти слова я взял из письма учительницы из г. Красноярска... Да, *нет времени* — это бич педагогического труда. Он бьет не только по школьным делам, но и по жизни семьи педагога. Педагог — такой же человек, как и все люди, ему нужно время для семьи, для воспитания своих детей. У меня есть совершенно точные данные о том, что многие выпускники средней школы страшатся поступления в педагогический вуз от мысли, что люди этой профессии не имеют свободного времени, несмотря на продолжительный отпуск.

У меня есть еще интересные цифровые данные: 500 учителям, чьи дети поступили в высшие учебные заведения, был поставлен вопрос: «В каких учебных заведениях, на каких факультетах учатся ваши дети? Лишь 14 человек дали ответ: «В педагогическом институте» или «Учится в

университете, готовится стать учителем». После этого был поставлен вопрос: «Почему ваш сын не захотел стать учителем?» 486 человек ответили: «Потому, что он видит, насколько нелегкий наш труд. Нет ни минуты свободного времени».

Можно ли вообще учителю работать так, чтобы у него было свободное время? — даже в такой форме нередко выражается этот исключительно большой вопрос. В самом деле, создалось такое положение, что, работая 3—4 часа ежедневно в школе, учитель языка, математики вынужден готовиться к урокам и проверять тетради ежедневно не меньше 5—6 часов, к тому же он занят каждый день внеклассной работой не меньше 2 часов.

Как решить проблему времени? Это одна из тех всеобъемлющих проблем школьной жизни, которая, как и проблема умственного развития школьников, зависит буквально от *всего*, что делается в школе.

Главное — в самом стиле, характере педагогического труда. Один учитель истории, проработавший в школе тридцать три года, провел открытый урок на тему «Моральный идеал молодого советского человека». Присутствовали участники районного семинара, инспектор райОНО. Урок прошел блестяще. Учителя и инспектор, намеревавшиеся делать заметки по ходу урока, чтобы потом высказать критические замечания, забыли о своих блокнотах. Они сидели, затаив дыхание, слушали, увлеченные, как и школьники.

После урока один из учителей соседней школы сказал: «Да, вы отдаете своим питомцам душу. Каждое ваше слово несет огромный идейный заряд. Сколько же, скажите, пожалуйста, Вы готовились к этому уроку? Наверное, не один час?»

«К этому уроку я готовился всю жизнь, — ответил учитель. — И вообще к каждому уроку я готовился всю жизнь. Ну, а непосредственная подготовка к данной теме, лабораторная, можно сказать, подготовка, — заняла минут пятнадцать».

Этот ответ проткрывает окошко в одну из тайн педагогического мастерства. Таких педагогов, как этот учитель истории, я знаю только в своем районе человек тридцать. Они не жалуются на отсутствие свободного времени. Каждый из них сказал бы о каждом своем уроке, что готовился он к нему всю жизнь.

В чем же заключается эта подготовка? Это — чтение. Повседневная, на всю жизнь дружба с книгой. Не прекращающееся ни на один день журчанье ручейка, пополняющего реку мысли. Чтение не для завтрашнего урока, а из органической потребности, из жажды знаний. Если хотите, чтобы у вас было больше свободного времени, чтобы подготовка к уроку не выливалась в однообразное, скучное сидение над учебником, читайте научную литературу. Надо, чтобы школьный учебник основ науки, которую вы преподаете, был для вас азбукой. Чтобы в море ваших научных познаний, основы которых вы даете школьникам, учебник был каплей. Тогда на подготовку к урокам не будет уходить несколько часов.

Совершенствование педагогического мастерства у лучших учителей как раз и обусловлено тем, что постоянное чтение непрерывно пополняет море их знаний. Если знания, которыми обладает учитель в первые годы своей педагогической деятельности, относятся к тому минимуму знаний, которые надо дать детям, как 10:1, то к 15—20 годам педагогического стажа это соотношение меняется — 20:1, 30:1, 50:1 — и все это благодаря чтению. Школьный учебник становится с каждым годом каплей все меньшей и меньшей в море знаний педагога. Дело здесь не только в количественном росте теоретических знаний учителя. Количество переходит в качество: чем шире фон, на котором школьный учебник выглядит, как маленький луч в ярком потоке света, тем заметнее то профессиональное качество, которое создает фундамент педагогического мастерства: способность распределять внимание при изложении материала на уроке (рассказа, лекции). Учитель объясняет, например, тригонометрические функции, но главная его мысль — не о функциях, а об учениках: он наблюдает, как работает каждый школьник, какие трудности восприятия, мышления, запоминания встречаются отдельные воспитанники. Он не только учит, но и умственно воспитывает в процессе учения.

Проблема времени учителя тесно связана с рядом других элементов и сторон педагогического процесса. Это как бы ручейки, питающие реку — время педагогического труда и творчества. Как добиться, чтобы эти ручейки были всегда живыми, журчащими — об этом хочется дать несколько советов.

7. ВРЕМЯ УЧИТЕЛЯ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ЭТАПОВ ОБУЧЕНИЯ

Этот совет адресован преимущественно учителям начальных классов. От того, как вы работаете, уважаемый коллега — учитель начальной школы, — зависит бюджет времени учителя средних и старших классов. Если внимательно присмотреться к процессу обучения во втором (IV—VIII классы) и третьем (IX—X классы) концентраторах средней школы, то можно сделать вывод, что беспощадным пожирателем времени учителя является здесь бесконечное и бесплодное «подтягивание хвостов»: не успел учитель изложить новый материал, как уже выясняется, что часть учеников его не усвоила; приходится думать не столько о том, как продвигаться дальше по тропинке познания, сколько о том, как устранять отставание части школьников (иногда эта часть бывает такой, что учитель вынужден проводить дополнительные занятия чуть ли не со всем классом). Это убивает массу времени учителя — и в школе, и дома.

Почему же так происходит, что процесс обучения отягощается этой как будто бы уже неизбежной работой — устранением уже имеющегося отставания многих учеников?

Хочется посоветовать учителю начальных классов:

Помните, дорогой коллега, что от вас зависит бюджет времени всех учителей средних и старших классов, вы творец духа творчества в обучении и воспитании. Среди многих важных задач, стоящих перед начальной школой, на первом месте — научить детей учиться. Одна из главных ваших забот — установить правильное соотношение между объемом теоретических знаний, которыми овладевают дети, и практическими умениями и навыками.

Помните, что отставание в средних и старших классах — это главным образом результат неумения учиться, овладевать знаниями. Вы, конечно, должны заботиться о том, чтобы общее развитие детей стояло на высоком уровне, по... научите ребенка, прежде всего хорошо *читать* и *писать*. Без умения бегло, сознательно, выразительно читать и воспринимать прочитанное, бегло и безошибочно писать — не может быть и речи об успешном учении в средних и старших классах, — таком учении, при котором учителю не приходилось бы без конца «подгонять» отста-

вапне. Научите в начальных классах всех детей читать так, чтобы они умели читая думать и думая читать. Умение читать надо довести до такой ступени автоматизма, чтобы восприятие зрением и сознанием значительно опережало произношение вслух. Чем значительнее это опережение, тем тоньше будет способность думать во время чтения — а это исключительно важное условие успешного учения и умственного развития вообще. Я тысячу раз убежден в том, что успешное учение в средних и старших классах зависит прежде всего от умения сознательно читать — читая думать и думать читая. Поэтому учителю начальных классов надо внимательно изучать, как развивается это умение у каждого школьника. Тридцатипятилетний опыт убедил меня, что от умения хорошо читать зависит умственное развитие школьника. Ученик, умеющий думать читая, с любой работой справляется быстрее, успешнее, чем тот, кто не овладел не таким уж простым, как кажется с первого взгляда, умением бегло читать. В его умственном труде нет зубрежки. У него чтение учебника или другой книги совершенно не то, что у школьника, не умеющего читать и думать одновременно. Прочитав, он представляет себе предмет в целом и его составные части, взаимозависимость и взаимообусловленность.

У школьника, умеющего читать думая и думать читая, не бывает отставания, а если нет отставания учащихся, — учителю легко работать. Практика убеждает, что если чтение стало для ученика важнейшим окошком в мире знаний, нет надобности проводить дополнительные занятия, требующие много времени. У учителя появляется возможность проводить индивидуальные беседы с отдельными детьми, но эти беседы — не длительные занятия, а инструктаж, советы о том, как самостоятельно овладевать знаниями и предотвращать неуспеваемость и отставание.

Если ученик не знает, в чем именно он отстает, в какой помощи нуждается, индивидуальную беседу с ним назначает учитель.

Успешное учение в средних и старших классах зависит также от того, насколько бегло и сознательно ученик научился писать в младших классах и как развивается это умение в дальнейшем. Наряду с чтением письмо — это инструмент, с помощью которого ребенок овладевает знаниями. От того, в каком состоянии этот инструмент, зависит успех и рациональное расходование времени. Советую учи-

телю начальных классов: поставьте целью достигнуть того, чтобы ребенок на момент окончания IV класса овладел беглым, полуавтоматическим письмом, — лишь при таком условии он будет успешно учиться, отпадет постоянная необходимость устранять отставание. Надо стремиться к тому, чтобы ученик писал думая, чтобы написание букв, слогов и слов не стояло в центре его внимания. Поставьте перед собой более конкретную цель: вы ученикам что-нибудь рассказываете, а они, слушая, вдумываясь в то, что вы рассказываете, одновременно пишут, кратко, в сжатом виде выражая *свою* мысль. Этому надо научить детей уже в III классе. Если вам удалось достигнуть этой цели, уверяю вас: ученики ваши никогда не будут отстающими, неуспевающими; умея *добывать* знания, они будут оберегать время и здоровье учителей средних и старших классов.

8. О СОХРАНЕНИИ В ПАМЯТИ ШКОЛЬНИКА ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ЗНАНИЙ

Тридцать лет работы в школе открыли мне один важный, на мой взгляд, секрет — своеобразную педагогическую закономерность: в средних и старших классах отставание, неуспеваемость появляются главным образом потому, что в годы учения в начальных классах ученик не запомнил на всю жизнь, не сохранил твердо в памяти тех элементарных истин, которые являются как бы фундаментом знаний. Представьте себе, что под задуманное стройное здание фундамент заложен на очень непрочном цементе, раствор все время рассыпается, камни вываливаются; люди каждодневно устраняют недоделки и вечно находятся под угрозой того, что здание рухнет. Вот в таком положении находятся многие преподаватели языка и математики в IV—X классах: они строят здание, а фундамент рассыпается.

Учителя начальной школы! Ваша важнейшая задача — построить прочный фундамент знаний. Настолько прочный, чтобы учителям, работающим после вас, вообще не надо было думать о фундаменте. Вы приступаете к работе с I классом. Возьмите в руки программу IV класса — прежде всего по языку и математике, а также программу V класса по математике. Возьмите в книге для чтения материал по истории, естествознанию, географии и программы по этим предметам для IV класса. Сопоставьте все

это, сравните. Подумайте, что надо знать ученику III класса, чтобы успешно учиться в IV, а потом и в V классах.

Прежде всего обратите внимание на элементарную грамотность. В языке есть 2—2,5 тысячи орфограмм, которые представляют собой как бы каркас знания, грамотности. Опыт убеждает, что если в начальной школе ребенок твердо запомнил эти орфограммы, он станет грамотным человеком. Но дело не только в этом. Грамотность, приобретенная в начальной школе, является инструментом овладения знаниями в средних и старших классах.

Обучая детей в начальных классах, я всегда имел перед собой список главнейших орфограмм. Это — своеобразная программа элементарной грамотности. Две с половиной тысячи орфограмм я распределил так: на каждый рабочий день приходится три слова. Дети записывают их в тетрадь и запоминают. На эту работу ежедневно уходит несколько минут. Память в детские годы очень гибкая, острая, и если ею умело управлять и не перегружать ее, она становится вашим первым помощником. То, что запомнил ученик в первые годы, никогда не забывается. «Техника управления памятью» в данном случае заключается в следующем. В начале рабочего дня (перед первым уроком) я записываю на доске три *сегодняшних* слова: например, *степь, тепло, шелестеть*. Дети, зайдя в класс, сразу же записывают эти слова в орфографический словарь, который ведут все три года. Думают над этими словами, рядом с ними пишут несколько однокоренных слов. Вся эта работа продолжается минуты три-четыре. Учащиеся постепенно привыкают к ней.

Дальше работа приобретает характер игры, в которой ярко выражен элемент самовоспитания, самопроверки. «По дороге домой, — говорю я детям, — припомните, какие три слова мы сегодня записали, как они пишутся. Воспроизведите в памяти начертание этих слов. Утром, проснувшись, сразу же вспомните написание этих слов и запишите их по памяти в тетрадь» (речь идет об общей тетради, представляющей собой как бы второй экземпляр словаря). Нет ученика, который бы не увлекся этой игрой, если она начата уже в 1 классе, если учитель верит в успех этого дела, если он любит детей, если в его жизни не бывает таких моментов, когда ему падает что-либо из того, что делают ученики.

На занятиях, из урока в урок, проводятся упражнения — самые разнообразные, чтобы орфограммы, которые уже запомнились, систематически повторялись, применялись. Одним из очень важных упражнений я считаю запоминание четырехсот стилистических оборотов, представляющих собой, по моему убеждению, тоже своеобразный каркас элементарной речевой культуры. За годы обучения в начальных классах дети запоминают те стилистические обороты, в которых в силу разнообразных влияний повседневной речевой практики допускаются типичные ошибки.

Еще раз подчеркиваю: очень большое значение имеет игровой элемент в процессе обучения. У меня есть шестьсот «сказочных» слов, т. е. слов, часто повторяющихся в детских сказках. Мы с детьми в течение четырех лет обучения в начальной школе *рисует* несколько десятков сказок, под ними дети делают подписи, в которые входят эти шестьсот слов. Это одна из очень удачных форм закрепления орфографического минимума.

По математике за годы обучения в начальных классах дети запоминают те действия, которые в силу частой повторяемости становятся как бы математическими обобщениями, настолько привычными, что тратить на них мыслительные усилия каждый раз, когда к ним прибегаешь, совершенно нецелесообразно. Это не только таблица умножения, но и наиболее часто употребляемые случаи сложения, вычитания, деления, умножения в пределах тысячи. Это также наиболее типичные измерения и превращения величин. Я исхожу из того, что в средних и старших классах разум учащегося не должен загружаться однообразными операциями, чтобы как можно больше умственной энергии шло на творческий труд.

Вся работа, конечно, основывается на сознательном усвоении материала, однако нельзя не учитывать того, что не все возможно объяснить. Я стремлюсь к тому, чтобы сочетались произвольное и непроизвольное внимание и запоминание.

9. «ДВЕ ПРОГРАММЫ ОБУЧЕНИЯ», РАЗВИТИЕ МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКА

У учителя не хватает времени прежде всего потому, что детям трудно учиться. Много лет я думал над тем, как облегчить труд школьника. Практическими умениями как

фундаментом знаний эта проблема только начинается. Запоминание и сохранение знаний в памяти — продолжение проблемы. Я советую каждому учителю: *анализируя содержание знаний, четко выделяйте в них то, что ученики должны твердо запомнить и прочно хранить в памяти.* Очень важно умение учителя правильно определить в программе те «узлы» знания, от крепости которых зависит развитие мышления, умственных способностей, умение пользоваться знаниями. Эти «узлы» — важные выводы и обобщения, формулы, правила, законы и закономерности, отражающие специфику предмета. У опытных педагогов ученики ведут специальные тетради для записи материала, который надо твердо запомнить и прочно хранить в памяти.

Чем сложнее материал, который надо запомнить, чем больше обобщений, выводов, правил, которые необходимо хранить в памяти, тем значительнее должен быть «интеллектуальный фон» процесса учения. Другими словами, чтобы прочно запоминались формулы, правила, выводы и другие обобщения, ученику надо прочитать, продумать много материала, не подлежащего запоминанию. Чтение должно быть тесно связано с учением. Если оно является углублением в факты, явления, предметы, представляющие собой основу для обобщений, сохраняемых в памяти, то такое чтение помогает запоминанию. Это чтение и можно назвать созданием *интеллектуального фона*, необходимого для учения, для запоминания материала. Чем больше ученик читает только из интереса к материалу, из желания узнать, продумать, осмыслить, тем легче ему запомнить обязательный для заучивания и сохранения в памяти материал.

Учитывая эту очень важную закономерность, я в своей практической работе всегда имею в виду *две программы* обучения: первая — это обязательный для заучивания и сохранения в памяти материал, вторая — внеклассное чтение, а также другие источники информации.

Физика — один из предметов, самых трудных для запоминания, сохранения в памяти, особенно в VI—VIII классах. Программа на этом этапе обучения содержит множество понятий. В течение шести лет я преподавал этот предмет и всегда стремился к тому, чтобы каждому вновь усваиваемому понятию соответствовало внеклассное чтение. Чем сложнее понятие, которое изучается в данный

момент, тем интереснее, увлекательнее должны быть книги, которые читает ученик. При изучении законов электрического тока я составил специальную библиотечку для внеклассного индивидуального чтения. Она включала 55 книжек о явлениях природы, в основе которых — самые разнообразные электрические свойства материи.

Я добивался подъема, большой интенсивности мышления ребят. Они буквально засыпали меня вопросами: что? как? почему? Среди всех заданных вопросов примерно 80% начинались словом *почему?* Дети очень многого не понимали. И чем больше в окружающем мире было для них непонятого, тем ярче выражалось желание знать, тем острее проявлялась *восприимчивость к знаниям*. Дети буквально «схватывали на лету» все, что я рассказывал им. Когда пришло время дать первое научное понятие об электрическом токе как потоке свободных электронов, оказалось, что у подростков — множество вопросов именно об этом сложном физическом явлении. Ответы на них представляли собой как бы кирпичики для тех пустот, которые были в картине мира, уже сложившейся в представлении школьников на основе чтения, а также на основе другой информации, полученной ранее.

Три года я преподавал биологию в старших классах. Этот курс изобилует множеством теоретических понятий, очень трудных для понимания и, конечно, тем более трудных для запоминания, сохранения в памяти. В те моменты, когда ученики изучали первые научные понятия *жизнь, живое вещество, наследственность, обмен веществ, организм* и др., я подбирал для них специальный материал из научных и научно-популярных журналов, книг, брошюр. «Вторая программа обучения» включала в себя чтение таких брошюр, книг, статей, ознакомление с которыми вызывало волну интереса к ряду сложных вопросов науки, а следовательно и к новым книгам. У юношей и девушек, изучавших биологию, пробуждался интерес к явлениям окружающей природы, в частности, к такому явлению, как исключительное разнообразие форм обмена веществ. Чем больше было вопросов, тем глубже были знания моих воспитанников. Не было у них ни одного ответа, который оценивался бы баллом ниже «4».

Советую всем учителям: создавайте интеллектуальный фон для запоминания, заучивания, сохранения в памяти программного материала. Ученик прочно усваивает лишь

тогда, когда он думает. Думайте над тем, как сделать предметом мышления, анализа, наблюдения то, что в данный момент изучается или будет скоро изучаться па уроках.

10. О РАБОТЕ С «ТРУДНЫМИ» ШКОЛЬНИКАМИ

Вряд ли кто из учителей не согласится с тем, что один из наиболее «крепких орешков» нашего педагогического творчества — работа с «трудными» школьниками. С теми, кому надо в три-пять раз больше времени для осмысливания и запоминания материала, чем основной массе учащихся, кто на второй день забывает изученное, кому упражнения для предотвращения забывания надо выполнять не через три-четыре месяца после изучения материала, а через две-три недели.

Свыше тридцати лет педагогического труда убедили меня в том, что для этих детей как раз «вторая программа», о которой шла речь выше, играет исключительно важную роль. Для этих детей ограничение обучения материалом, обязательным для заучивания, особенно губительно — оно отупляет их, воспитывая привычку к зубрежке. Я испытывал много средств облегчения умственного труда этих школьников и пришел к выводу, что наиболее эффективным средством является расширение круга чтения. Да, этим детям необходимо как можно больше читать. Работая с III—IV и V—VIII классами, я всегда заботился о том, чтобы для каждого «трудного» ребенка подобрать книги и статьи для чтения, в наиболее яркой, занимательной, увлекательной форме раскрывающие смысл понятий, обобщений, научных характеристик. У этих детей должно возникнуть как можно больше вопросов о вещах и явлениях окружающего мира, с этими вопросами они должны обратиться ко мне — это очень важное условие их умственного воспитания.

В том, что читает «трудный» ребенок, с чем он встречается в окружающем мире, время от времени должно открываться что-то такое, что удивляло бы, изумляло его. Этого требования я всегда придерживался в воспитательной работе с «трудными» детьми и это мой совет всем учителям. Вялость, инертность, хилость первых клеток коры полушарий головного мозга можно излечить удивлением, изумлением, как вялость мускулов излечивают физические

скими упражнениями. Трудно сказать, что происходит в голове ребенка, когда перед ним открылось что-то изумившее, удивившее его. Но сотни наблюдений привели к выводу: в момент удивления, изумления вступает в действие какой-то могучий стимул, как бы пробуждающий мозг, заставляющий его усиленно работать.

Я никогда не забуду маленького Федю. Мне довелось учить его пять лет — от III до VII класса. Камнем преткновения для него были арифметические задачи и таблица умножения. Я убедился, что ребенок просто не успевает запомнить условие задачи, в его сознании не успевает сложиться представление о предметах, вещах, явлениях, положенных в основу условия: как только ребенок мысленно пробует перейти к последующему, забывает предыдущее. Дети, в чем-то похожие на Федю, были и в других классах, хотя их было в общем и не так много. Я составил специальный задачник для этих детей. В нем — около двухсот задач, взятых, главным образом, из народной педагогики. Каждая из этих задач — это увлекательный рассказ. Подавляющее большинство из них не требует арифметических действий; решить такую задачу означает прежде всего размышлять, думать. Вот две задачи из моего *«Задачника для рассеянных и невнимательных»*.

1. Три пастуха, уставшие от летнего зноя, легли под деревом отдохнуть и уснули. Шаловник-подпасок вымазал спящим лбы дубовыми «чернильными шариками». Проснувшись, все трое стали смеяться. Но каждый думал, что два других смеются друг над другом. Вдруг один пастух перестал смеяться — он догадался, что и его лоб также вымазан. Как он мыслил?

2. В широких украинских степях недалеко одно от другого были в старые времена два села — Правдуны и Брехуны. Жители Правдунов всегда говорили правду, а жители Брехунов — всегда лгали. Если бы кому-нибудь из вас удалось вдруг перенестись в древние времена и попасть в одно из этих сел, вы могли бы, поставив лишь один вопрос к первому встретившемуся местному жителю, узнать, в какое село вы попали. Какой вопрос вам надо было бы поставить?

Сперва мы просто читали задачи, как маленькие увлекательные рассказы о птицах и животных, насекомых и растениях. Прошло немало времени, пока Федя понял, что рассказы — задачи. Над одной из самых простых мальчик

задумался и с моей помощью решил ее. Его изумила простота решения. «Значит, каждую из этих задач тоже можно решить?» — спрашивал Федя. Он целые дни не расставался с задачкой. Каждое решение переживал как большую победу. Решенную задачу переписывал в специально заведенную для этой цели общую тетрадь, рядом с текстом *рисовал* задачу — птиц, животных и растения.

Для Федя я укомплектовал специальную библиотечку. В ней было около ста книжек и брошюр, которые мальчик читал с III по VII класс. Потом была создана другая библиотечка (около двухсот книжек), которой, кроме Федя, в течение двух лет пользовались еще три ученика. Одни книжки и брошюры имели прямую связь с содержанием того, что изучалось на уроках, в других непосредственной связи не было, и их чтение я рассматривал как своеобразную гимнастику ума.

Уже в V классе успеваемость Федя выравнилась: он стал решать такие же арифметические задачи, как и другие школьники. В шестом классе у мальчика неожиданно появился интерес к физике. Федя стал одним из активистов кружка юных конструкторов. Чем больший интерес вызывал у мальчика творческий труд, тем больше он читал. У него встречались затруднения в учении и дальше, особенно по истории, литературе. И каждое затруднение облегчалось чтением.

После окончания VII класса Федя поступил в техникум, стал хорошим специалистом высокой квалификации — мастером по наладке станков.

Никогда, ни разу я не проводил ни с этим, ни с такими же другими учениками дополнительных занятий, цель которых сводилась бы к выучиванию того, что не усвоено на уроках. Я учил ребенка читать и думать. Чтение как бы индуктировало, пробуждало мысль.

Помните, что чем труднее ребенок, чем больше, казалось бы, непреодолимых затруднений встречает он в учении, тем больше ему надо читать. Чтение учит его мыслить, мышление становится стимулом, пробуждающим силы разума. Книга и живая мысль, пробужденная книгой, являются самыми сильными средствами, которые предупреждают зубрежку — большое зло, отупляющее разум. Чем больше ученик думает, чем больше видит в окружающем мире непонятного, тем восприимчивее становится он к знаниям, тем легче вам, учителю, работать.

Я тысячу раз убеждался: одной из причин трудностей, которые встречаются дети в учении, является то, что знания остаются часто для них неподвижным грузом, накапливаются как бы «про запас», «не идут в оборот», не применяются (прежде всего с целью добывания новых знаний). В практике учебно-воспитательной работы для многих учителей понятие *знать* означает уметь отвечать на поставленные вопросы. Такой взгляд толкает учителя на одностороннюю оценку умственного труда и способностей учащихся: способным и знающим считается тот, кто умеет хранить знания в памяти и по первому требованию учителя «выложить» их. К чему это ведет на практике? К тому, что знания как бы отчуждаются от духовной жизни школьника, от его интеллектуальных интересов. Владение знаниями превращается для школьников в тягостное, надоедливое занятие, от которого хочется поскорее освободиться.

Надо прежде всего изменить взгляд на сущность понятий *знания*, *знать*. Знать — это значит уметь применять знания. О знаниях можно говорить лишь тогда, когда они становятся фактором духовной жизни, захватывают мысль, пробуждают интерес. Активность, жизненность знаний — это решающее условие того, чтобы они постоянно развивались, углублялись. Знания лишь тогда и живут, когда развиваются и углубляются. Только при условии развития знаний осуществляется закономерность: чем большими знаниями обладает ученик, тем легче ему учиться. На практике, к сожалению, нередко бывает наоборот: с каждым годом ученику учиться все труднее и труднее.

Какой же практический совет вытекает из этих истин?

Стремитесь к тому, чтобы знания учащегося были не конечной целью, а средством, чтобы они не превращались в неподвижный, мертвый багаж, а жили в умственном труде школьника, в духовной жизни коллектива, во взаимоотношениях между школьниками, в том живом и непрерывном процессе обмена духовными богатствами, без которого нельзя себе представить полноценного интеллектуального, нравственного, эмоционального, эстетического развития.

Что и как практически делать для этого?

В начальных классах, уже с первых шагов обучения наиболее важным элементом знаний становится *слово*,

точнее, реальный, окружающий мир, выражающийся в слове, которое открывается перед ребенком новыми, совершенно не знакомыми ему до поступления в школу, гранями. Первые и, на мой взгляд, самые широкие шаги по лестнице знания ребенок делает, познавая мир через слово. Как важно, чтобы слово жило, трепетало в сознании ребенка, чтобы оно стало инструментом, с помощью которого ребенок овладевает знаниями. Если вы хотите, чтобы знания не превращались в мертвый, неподвижный багаж, сделайте слово одним из самых главных инструментов творчества.

В практической работе опытных учителей эта направленность обучения и воспитания выражается в том, что в умственном труде учащихся на первом месте стоит не заучивание, не запоминание чужих мыслей, а размышление самого ученика как живое творчество, как познание предметов, вещей, явлений окружающего мира с помощью слова, как познание в связи с этим тончайших оттенков самого слова.

Мы с детьми пришли в осенний сад. Яркий, солнечный день «бабьего лета», ласковые лучи греют землю и неподвижные деревья, ветви яблонь, груш, вишен в разноцветном убранстве. Я рассказываю детям о золотой осени, о том, как готовится к долгой и холодной зиме все живое в природе: деревья, упавшие на землю семена, зимующие у нас птицы, насекомые. Убедившись, что дети переживают, чувствуют богатство смысла и эмоциональной окраски слов и словосочетаний, я предлагаю малышам рассказать о том, что они видят и чувствуют. На моих глазах, вот сейчас рождаются изумительно тонкие и яркие мысли об окружающей природе: «В голубом небе растаяла стая белых лебедей...», «Дятел стучит по коре дерева, и дерево звенит...», «У дороги цветет одинокая ромашка...», «Аист стоит в гнезде и смотрит куда-то далеко, далеко...», «На цветок хризантемы села бабочка, греется на солнышке...» Дети не пересказывают мои слова, а высказывают свое. Мысль живет, обогащается, у ребенка вырабатывается умение думать, он испытывает ни с чем не сравнимое чувство радости мышления, наслаждения от познания. Он чувствует себя мыслителем.

Приходилось ли вам наблюдать (или слышать от других учителей), что ребенок бывает безразличным, равнодушным к слову учителя? Вы ему рассказываете что-нибудь

интересное, а он сидит с потухшим взглядом, ваше слово не доходит до его сердца. Вы имеете все основания беспокоиться: это равнодушие, невосприимчивость к слову — большая беда в учении; если эта беда пустила глубокие корни, человек как бы отчуждается от учения.

Отчего бывает эта беда, где ее корни?

Ребенок становится безразличным, равнодушным, невосприимчивым к слову, если слово не живет в его душе, как средство творчества, если он только заучивает чужие мысли и не творит своих и не выражает их словами. Бойтесь равнодушия, бойтесь потухшего взгляда ребенка! Научите его активно, страстно относиться к слову!

12. О ДОБЫВАНИИ ЗНАНИЙ

Об активности умственного труда учащихся говорят много и часто. Но активность может быть разная. Ученик бойко отвечает, заучив прочитанное или запомнив рассказанное учителем — это тоже активность, но вряд ли она может способствовать развитию умственных способностей. Педагогу надо стремиться к активности мысли ученика, к тому, чтобы знания развивались благодаря их применению.

Учить так, чтобы знания *добывались* с помощью уже имеющихся знаний — в этом, на мой взгляд, заключается высшее мастерство дидакта. Посещая и анализируя уроки, я делаю вывод о педагогическом мастерстве учителя как раз по этой черте умственного труда школьников.

Как же достигнуть того, чтобы учение было работой мысли — добытием знаний? Что здесь наиболее важно?

Добывать знания — это значит открывать истину, отвечать на вопрос. Добивайтесь того, чтобы ученики ваши увидели, почувствовали, ощутили непонятное — чтобы перед ними предстал вопрос. Если вам удалось этого достигнуть — палица половина успеха.

Но достигнуть этого не просто. Готовясь к уроку, надо продумывать материал под этим углом зрения — найти те незаметные с первого взгляда узелки, где происходит сцепление причинно-следственных связей, из которых и рождаются вопросы. Ведь вопросы пробуждают желание знать.

Вот передо мной материал урока «Фотосинтез». Надо рассказать ученикам, что происходит в зеленом листке

растения. Можно все это изложить с научной достоверностью, теоретической и дидактической последовательностью, но не будет выполнена задача: достигнуть определенной умственной активности школьников. Я вдумываюсь в материал: где узелки сцепления причинно-следственных связей? Вот он, самый главный узелок — превращение неорганического вещества в органическое. Изумительная, таинственная картина: растение берет из почвы и воздуха неорганические вещества и превращает их в своем сложном организме в вещества органические. Что представляет собой этот процесс строительства органического вещества? Что происходит в растительном организме, этой непостижимо сложной лаборатории, превращающей на солнечном свете мертвое вещество минеральных удобрений в сочную мякоть помидора, в благоухающий цветок розы?

Я рассказываю так, чтобы *подвести* учеников к осознанию этого вопроса, чтобы каждого взволновало: как же это так — все происходит на моих глазах, а я и не задумывался над этим?

Как подвести учеников к вопросу?

Для этого необходимо знать, что надо рассказать, а что оставить недосказанным. Недосказанное — это как бы «затравка» для мышления школьников. Здесь нет никаких рецептов, подходящих на все случаи. Все зависит от содержания конкретного материала и от фактических знаний, уже имеющихся у школьников. В одном классе надо недосказать одно, в другом — другое (по тому же самому материалу).

Но вот перед сознанием школьников предстал вопрос. Дальше я стремлюсь к тому, чтобы из всего запаса знаний, которыми овладели ученики и на предыдущих уроках биологии, и в процессе труда, и при чтении книг — извлечь знания, необходимые для получения ответа на вопрос. Вот это привлечение уже имеющихся знаний для ответа на вопрос и есть добывание знаний. Здесь не обязательно вызывать одного за другим школьников и выслушивать, кто что говорит, чтобы из разрозненных ответов складывался общий ответ. При таком подходе к делу есть видимость активности, но не всегда есть действительная мыслительная активность каждого ученика: одни припоминают, отвечают, другие же только слушают. Мне же надо, чтобы думали, напрягали умственные силы все. Поэтому чаще всего бывает так, что, подводя учеников к вопросу, я объ-

ясняю материал сам, без вызовов для ответа на отдельные частные («маленькие») вопросы.

Для того, чтобы ученики добывали знания думая, учителю надо хорошо *знать их знания*. Один очень хорошо помнит изученное, другой кое-что забыл. Вот здесь мне надо быть таким руководителем умственного труда, чтобы каждый, вслушиваясь в мое объяснение, следовал своим путем, извлекал из кладовых сознания то, что там хранится, а если в ином месте этих кладовых — пустота, если нить мысли у кое-кого обрывается, мне надо заполнить пустоту дополнительным объяснением, устранить разрыв в мысли. Но это тоже требует большого искусства и мастерства. Я искал такие формы повторного объяснения уже изученного раньше, чтобы самый сильный ученик находил здесь что-то новое. Там же, где никаких пустот и разрывов в знаниях нет, я прибегаю к сокращенному объяснению. Здесь нет показной активности, ученики молчат, не отвечают на вопросы, не дополняют друг друга, по это — добывание знаний. Такую форму их добывания я бы назвал экскурсом школьника в собственные мысли, «исследованием» своей кладовой знаний.

13. КАК ВЕСТИ УЧЕНИКОВ ОТ ФАКТОВ К АБСТРАКТНЫМ ИСТИНАМ

Вам, конечно, приходилось встречаться с таким явлением: ученик хорошо запомнил (заучил) правило, закон, формулу, вывод, но не умеет пользоваться своими знаниями, применять их, а бывает и так, что не понимает сущности того, что заучил. Это зло особенно сказывается в изучении грамматики, арифметики, алгебры, геометрии, физики, химии, т. е. предметов, содержание которых представляет собой систему обобщений, а знания по которым выражаются прежде всего в умении применять эти обобщения в практической работе.

Обычно в таких случаях говорят: ученик вы зубрил, не понимая. Но почему же он вы зубрил? Что необходимо для предотвращения зубрежки — этого большого зла?

Запоминание (заучивание) должно основываться на понимании. Ведите учеников к запоминанию через осмысливание (осознание), понимание многочисленных фактов, вещей, предметов, явлений. Не допускайте запоминания того, что еще не понятно, не осмыслено. Путь от осмы-

сливания фактов, вещей, явлений до глубокого понимания абстрактной истины (правила, формулы, закона, вывода) лежит через практическую работу, которая как раз и представляет собой овладение знаниями.

Опытные учителя умеют учить детей так, что запоминание происходит в процессе осмысливания — мысленного углубления в факты, предметы, явления. Вот перед учениками правило о правописании твердого знака в русском языке. Учитель ведет к запоминанию правила и сознательному умению пользоваться им путем анализа многочисленных фактов — разбора слов, в которых пишется твердый знак, объяснения написания этих слов. По существу правило много раз осмысливается на все новых и новых фактах. Ученики постепенно убеждаются, что они имеют дело с истиной обобщающего характера. Применение этой истины ко многим словам понимается как правило. Оно и запоминается благодаря тому, что осмысливается много раз.

У опытного учителя правило, вывод запоминается без специальной работы по заучиванию: осмысливание фактов является в то же время постепенным запоминанием обобщения. И чем ярче выступает единство осмысливания и заучивания, тем более сознательные знания, тем больше умеет ученик применять знания в практике. Умение применять знания в практической работе вообще зависит от того, как, каким путем ученик пришел к запоминанию знаний. Если они заучены без осмысливания, анализа фактов, явлений, ученик не умеет их применять.

Это очень важная закономерность педагогического процесса. Многолетний опыт привел меня к выводу, что если ученик уже в начальной школе овладевает абстрактными истинами в процессе осмысливания фактов, явлений, он приобретает очень важную черту умственного труда — умение мысленно охватывать ряд взаимосвязанных вещей, предметов, фактов, обстоятельств, явлений, событий, другими словами он *умеет думать* над причинно-следственными, функциональными, временными и другими связями. Я на многочисленных фактах убедился, что умение думать над условием арифметической задачи (особенно в IV—V классах) как раз и зависит от того, как ребенок овладевает абстрактными обобщениями. Не умеют думать над задачей, не умеют мысленно охватывать зависимость между величинами те школьники, которые заучивают аб-

страктные обобщения без осмысливания достаточного количества фактов. И наоборот, если запоминание абстрактной истины в умственном труде школьника основывается на мысленном углублении в факты, если он, не заучивая, запомнил — он видит в арифметической задаче не какую-то комбинацию цифр, а зависимость между величинами. Читая условие задачи, осмысливая его, он вначале отвлекается от чисел, решает задачу в общем виде, без конкретных арифметических действий.

На многочисленных фактах, на судьбах детей я убедился, что отставание учеников по арифметике (а потом и по алгебре) — это результат трудно уловимых недостатков в умственном труде, о которых идет речь. О межпредметных связях говорится очень много. Каждому учителю ясно, что надо искать в своем предмете точки соприкосновения с материалом других предметов. Но межпредметные связи заключаются не только в этом. Наиболее глубокие связи — я в этом твердо убежден — лежат не столько в содержании фактического материала, сколько в характере умственного труда. Построенный на научных основах умственный труд школьников приводит к тому, что математика помогает детям усваивать историю, а история содействует развитию математических способностей.

Известно, что камнем преткновения для многих учителей начальных классов и преподавателей языка и литературы является борьба за сознательное усвоение грамматических правил. Неграмотность значительной части учеников — большое зло для школы. Я знаю такой факт: ученик при первом изучении материала по русскому языку не усвоил твердо правописания приставок *раз-*, *без-*, и *рас-*, *бес-*. Он допускал много ошибок на это правило. Стремясь устранить отставание, учитель время от времени давал ученику упражнения на соответствующие правила. Он учил: сначала повтори хорошенько правила, а потом выполни упражнение. Как будто бы эта работа должна была привести к положительному результату, но этого не происходило: ученик X класса допускал ошибки и в экзаменационном сочинении написал: «*разцветает*», «*расбежался*».

В чем же дело? Где причина этого странного явления? Многолетний опыт привел к выводу: зависимость между умением (или неумением) применять знания и осмысливанием фактов в процессе овладения знаниями наиболее

ярко проявляется при изучении грамматики. Здесь решающее значение имеет *первое ознакомление* с абстрактной истиной, обобщением (грамматическим правилом). Не допустить, чтобы при первом изучении материала ученик наделал много ошибок и в то же время добиться, чтобы он заучил правило и правильно формулировал его — задача не столь простая, как кажется с первого взгляда.

Поэтому о первом изучении материала надо говорить специально.

14. ПЕРВОЕ ИЗУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Один из корней отставания, неуспеваемости школьников — недостаточное первое изучение материала.

Что я имею в виду, говоря о первом изучении материала, правомерен ли этот термин? По-моему правомерен. Ведь знания постоянно развиваются, изучение материала продолжается длительное время, и каждый факт применения знаний будет в то же время и развитием и углублением их. А первое изучение — это первый значительный шаг от незнания к знанию, к пониманию сущности фактов, явлений, качеств, признаков.

С формулами сокращенного умножения, например, ученики будут иметь дело на многих уроках. Опыт убеждает, что от того, насколько глубоко осмыслил ученик формулу на первом уроке, где изучался данный материал, зависит очень многое: зависит, прежде всего, постоянная готовность быть средством добывания новых знаний, иначе говоря, зависит первое изучение новых, следующих понятий, истин. Это тоже одна из важных закономерностей: чем меньше в сознании ученика неясностей, туманных, поверхностных представлений, чем меньше на его плечах груз отставания, тем больше его мысль готова к первому изучению нового материала, тем эффективнее будет умственный труд на уроках.

Урок первого изучения материала должен быть особенным — в том смысле, что здесь необходима *особенная ясность*, здесь приобретает *особенное* значение эффективность самостоятельного умственного труда школьника. Стремитесь к тому, чтобы при первом изучении материала вы увидели результат умственного труда *каждого ученика*. При первом изучении материала исключительно важно видеть самостоятельную работу «трудных» школьников —

тех, кто медленно мыслит, медленно соображает, тех, кому для осмысливания сущности материала необходимо сравнительно больше и фактов, и времени (нередко и факты для осмысливания им надо давать не те, что основной массе школьников).

Опытные учителя всегда стремятся к тому, чтобы на уроке, посвященном первому изучению материала, увидеть, как ученик самостоятельно выполняет работу. Обязательно должна быть на таком уроке самостоятельная работа, в процессе которой осмысливаются факты и происходит переход к обобщающей истине (речь идет об уроках естественного цикла, а также об уроках грамматики).

Очень важно, чтобы в осмысливании был уже и элемент применения знаний. Вот здесь и должна проводиться работа с «трудными» школьниками. К каждому из них надо подойти, у каждого надо увидеть его трудность, каждому необходимо дать только для него предназначенное задание. Иногда на уроке выясняется, что тому или другому ученику необходимо дать индивидуальное домашнее задание; опытный учитель обычно и дает его здесь же, на уроке. Эффективность умственного труда трудноуспевающего школьника зависит прежде всего от того, насколько регулярно, систематически работает он при первом изучении материала именно *на уроке*; нельзя допускать, чтобы он только слушал хорошие ответы учеников, списывал с доски; надо обязательно заставлять его самостоятельно думать и побуждать — терпеливо, тактично — достигать на каждом уроке хотя бы незначительного успеха в умственном труде.

Преподавая грамматику, я всегда добивался, чтобы уже на уроке первого изучения материала и непосредственно после этого урока ученик не допускал в своих письменных упражнениях ошибок. Может, это звучит несколько парадоксально, но это истина: ученик станет грамотным, когда он на уроках не будет делать ни одной ошибки. А если нет ошибок в классе, то не будет их и в домашних упражнениях (или же будет очень мало). Одна из основных причин трудностей работы словесника — то, что ученики допускают уже на уроках ошибки в своих письменных работах; ошибка учителя в том, что он не ставит цели добиться, чтобы ошибок не было.

Как же практически достигнуть безошибочного письма и этим заложить прочную основу знаний? Это зависит от

очень многого, и, может быть, прежде всего от беглости чтения школьника. Чтобы грамотно, безошибочно писать, ученик должен уметь бегло читать. Есть и другие зависимости — от структуры урока, методов и приемов работы на нем. Готовясь к урокам грамматики, я стремился предвидеть, где, в каком слове ученик может допустить ошибку и кто конкретно может ее допустить. Ни одно «сомнительное» слово не оставалось без предварительного разъяснения.

Советую: не допускайте, чтобы при первом изучении материала ученик поверхностно осмыслил факты, явления, закономерности, чтобы уже при первом изучении, например, грамматического правила он делал ошибку, при первом изучении математической закономерности неправильно выполнил пример, неправильно решил задачу и т. д.

15. ОСМЫСЛИВАНИЕ НОВОГО МАТЕРИАЛА КАК ЭТАП УРОКА

Наверное, каждому учителю приходилось встречаться с таким явлением: вчера на уроке все очень хорошо поняли правило (определение, закон, формулу), хорошо отвечали, приводили примеры; а сегодня, смотришь, добрая половина класса представляет изученное как-то туманно, а кое-кто уже и забыл материал. Оказывается, что, выполняя домашнее задание, многие ученики встретились с большими затруднениями. В классе же этих затруднений не замечалось.

Понять — это еще не означает *знать*, понимание — еще не знание. Для того, чтобы были твердые знания, необходимо *осмысливание*.

Что значит осмысливание? Ученик думает над тем, что он воспринял, проверяет, насколько правильно он понял материал, пробует применять приобретенные знания на практике.

Приведу пример. На уроке геометрии ученики получают первое представление о тригонометрических функциях. Учитель дает определение двух функциональных зависимостей — синуса и косинуса. Материал не представляет трудностей, как будто бы сразу все понятно. Но понятно — еще не означает, что прочно усвоено. После объяснения дается время для обдумывания нового. Ученики открывают тетради для черновых записей, чертят

прямоугольные треугольники, записывают все то, что объяснял учитель, повторяют определения синуса и косинуса, на собственных примерах показывают функциональные зависимости. Здесь как бы сливается повторение знаний с их первым, элементарным применением. Оказывается, что при самопроверке многие учащиеся не могут воспроизвести ход объяснения, повторить его. Убедившись, что забыл то или иное звено в объяснении, ученик прибегает к помощи учебника, но прежде чем сделать это он старается все сам припомнить.

Особенно необходим этап специального осмысливания нового материала для самых «слабых», трудноуспевающих учеников. Опытные педагоги уделяют большое внимание тому, чтобы трудноуспевающие ученики сосредоточили свое внимание на тех «точках» материала, которые по существу являются причинно-следственными связями, то есть основой знаний. Многолетний опыт убедил: источник непрочности знаний у трудноуспевающих учеников — в том, что они не видят, не понимают сцепления фактов, явлений, истин, закономерностей — «точек», где рождаются причинно-следственные, функциональные, временные и другие связи. Вот на эти «точки» и надо обращать внимание трудноуспевающих учеников.

Ученикам, например, объясняется деепричастный оборот. Трудноуловимой «точкой» является в данном случае то, что деепричастие служит как бы вторым, второстепенным сказуемым при главном сказуемом — глаголе. Дав ученикам время для осмысливания, я обращаю внимание трудноуспевающего ученика на то, что, составляя предложения с деепричастным оборотом, он должен представлять два действия, выполняемых одним и тем же предметом, причем одно действие — ведущее, главное, а другое — зависимое, второстепенное. Ученик думает над реальными действиями, составляет предложения.

Каким бы чисто теоретическим ни был материал, изученный на уроке, всегда есть возможность дать практическую работу для его лучшего усвоения. На уроках истории и литературы осмысливание нового чаще всего представляет поиски причинно-следственных, смысловых связей в материале, который только что объяснен. Например, учитель рассказал об освобождении крестьян в России от крепостной зависимости в 1861 году. Для осмысливания нового (5—7 минут) даются вопросы: по какому пути

пошло бы развитие сельского хозяйства России, если бы царское правительство не освободило крестьян? Какая взаимосвязь существовала между развитием капитализма в сельском хозяйстве и в промышленности России до 1861 года, и как эта взаимосвязь проявилась после освобождения крестьян? Что продолжало тормозить развитие капитализма в России после 1861 года? Каковы причины живучести феодальных пережитков в сельском хозяйстве России — даже после реформы 1861 года? Эти вопросы написаны на большом листке бумаги, который вывешивается на доске сразу же после объяснения. Начинается, по моему твердому убеждению, один из наиболее напряженных, интересных этапов урока. Ученики припоминают материал изученных раньше разделов, «роются» в учебнике (кстати, учебник на уроке гуманитарных предметов нужен прежде всего для осмысливания нового). Происходит самое нужное, на мой взгляд, самое полезное в процессе учения — повторение изученного ранее материала *без чтения всего подряд*. Такое повторение наиболее эффективное, потому что по самой сущности своей оно — думание.

Итак, не бойтесь выделять на каждом уроке как можно больше времени на освоение нового! Это окупится страницей. Чем эффективнее умственный труд во время осмысливания знаний, тем меньше времени необходимо ученику на выполнение домашнего задания, тем меньше времени расходуется на проверку домашнего задания на следующем уроке, тем больше времени остается на объяснение нового материала. Поймите сущность этой зависимости — и вы разорвете заколдованный круг: времени на изучение нового материала не хватает потому, что оно уходит на проверку домашнего задания, а проверка домашнего задания требует много времени, так как материал недостаточно хорошо изучен.

16. КАК ПРОВЕРКУ ВЫПОЛНЕНИЯ ДОМАШНИХ ЗАДАНИЙ СДЕЛАТЬ ЭФФЕКТИВНЫМ УМСТВЕННЫМ ТРУДОМ

Не один год меня беспокоило неблагоприятное положение с проверкой домашних заданий: время зачастую уходило впустую. Получалась знакомая каждому из нас картина: как только вызванный ученик начинал отвечать, все занимались своим делом, во всяком случае, думал над ответом только тот, кто ожидал вызова. Мне не давала покоя

мысль: как же добиться того, чтобы во время проверки задания над поставленными вопросами думали все ученики и чтобы учитель имел возможность проверять работу всего класса?

На помощь пришла черновая тетрадь. Урок геометрии; класс готов к проверке домашней работы. Всему классу учитель дает задания: вывести формулу площади круга, составить задачу на площадь круга и решить ее, кратко сформулировать признаки равенства треугольника. Все ученики записывают задания в черновую тетрадь. Тетрадь заменяет здесь доску, к доске не вызывается пока никто. Учитель внимательно наблюдает, как работает каждый ученик. Если ему надо убедиться, насколько глубоко понимает тот или иной ученик формулу, которую выводит, учитель предлагает ученику объяснить, что делается, для чего, как и т. д. При этом нет надобности вызывать ученика. Каждый работает так, как будто он вызван к доске. Учитель каждую минуту — на том или ином этапе выполнения задания — может прекратить работу всего класса или части учеников.

Преимущества этой формы работы заключаются прежде всего в том, что знания проверяются без повторения вслух всего, что знают ученики. Учитель имеет возможность получить информацию о знаниях учеников как бы в сокращенном виде. При этом каждый работает совершенно самостоятельно. Важны здесь еще два момента: во-первых, то, что проверка знаний является активным применением их; во-вторых, то, что учителю предоставляется возможность внимательно следить за работой трудноуспевающих учеников, учитывать их индивидуальные силы и возможности.

У нас в школе во время проверки домашнего задания в III—X классах все ученики используют черновые тетради. Без этого мы не представляем теперь проверки заданий. Опыт убеждает, что такая проверка, приучая к сжато-му, экононому выражению мысли, предостерегает от зубрежки. Тот, кто стремится вы зубрить, никогда не сможет ответить на вопрос кратко, сжато, сказать самое главное. Наша проверка заданий приучает школьников думать читая, заучивая.

Эффективность умственного труда во время проверки знаний значительно возрастает, если знание обобщений (правил, формул, законов, выводов) проверяется новым

осмысливанием обобщений на новых фактах. В начальных классах у нас, как правило, не выделяется специально время для проверки знаний в начале урока. Проверка знаний сливается с их углублением, развитием, применением. Учителю, например, надо проверить, как ученики усвоили определения: главные и второстепенные члены предложения, грамматические связи между подлежащим и сказуемым, главными и второстепенными членами. Ученики открывают тетрадь для черновых записей. Учитель дает задание практического характера: составить 6 предложений, в которых бы слово *дорога* стояло в именительном и во всех косвенных падежах, определить грамматические связи между главными и второстепенными членами. Для того, кто очень быстро выполнит задание, предлагается еще одна работа: составить три предложения — с одним, двумя, тремя однородными сказуемыми. Выполняя эту практическую работу, ученики применяют знания и еще глубже осмысливают их.

Не допускайте, чтобы единственной целью проверки знаний было — поставить ученику оценку. Пусть как можно чаще оценивание знаний сочетается с другими целями, и, прежде всего, с новым осмысливанием, развитием, углублением знаний. Не допускайте крайности — оценивания каждого ответа, каждой письменной работы — это приводит к отрицательным результатам. Почему это так — следует объяснить специально.

17. ОЦЕНКИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВЕСОМЫМИ

Нельзя допускать, чтобы оценивание знаний выделялось из педагогического процесса как нечто обособленное. Оценка лишь тогда становится стимулом, побуждающим к активному умственному труду, когда отношения между учителем и ребенком построены на взаимном доверии и доброжелательности. Если хотите, оценка — это один из наиболее тонких инструментов воспитания. По тому, как относится ученик к оценке, поставленной учителем, можно сделать безошибочный вывод о том, как он относится к учителю, насколько верит ему и уважает его. По поводу оценивания знаний хотелось бы дать несколько советов.

Во-первых, пусть оценок будет меньше, по каждая из них пусть будет весомее, значительнее. Мне приходилось

за свою долгую педагогическую жизнь преподавать почти все предметы учебного плана средней школы (за исключением черчения), и я никогда не ставил оценку за ученический ответ на одном уроке (пусть даже на два, три и больше вопросов). Оценка всегда охватывала труд ученика за какой-то период и включала оценивание нескольких видов труда — и ответ (может быть, несколько ответов), и дополнение к ответу товарища, и письменную работу (небольшую), и внеклассное чтение, и работу практического характера. Определенный период времени я изучаю знания школьника, и он чувствует это. Приходит время, и я говорю: «Вот теперь я тебе ставлю оценку». Начинается следующий период изучения знаний, и ученик знает: ничто не ускользнет из моего внимания. У кое-кого из читателей может возникнуть вопрос: разве удержав все в памяти? Возможно, кто-то и затрудняется помнить все, касающееся умственного труда школьника, но мне всегда это казалось самым важным. Разве можно воспитывать обучая и обучать воспитывая, забыв о чем-то заслуживающем внимания?

Во-вторых, я никогда не ставил неудовлетворительной оценки, если ученик *не мог* в силу тех или иных условий, обстоятельств овладеть знаниями. Ничто так не угнетает ребенка, как сознание бесперспективности, мысль о том, что он ни на что не способен. Уныние, удрученность — эти чувства накладывают свой отпечаток на весь умственный труд школьника, его мозг как бы цепенеет. Только светлое чувство оптимизма является живительным ручейком, питающим реку мысли. Безрадостность, угнетенность приводят к тому, что подкорковые центры, ведающие эмоциональными импульсами, эмоциональной окраской мысли, перестают побуждать разум к труду, наоборот, они как бы сковывают его. Я всегда стремился к тому, чтобы ученик верил в свои силы. Если ученик хочет знать, но не может, надо помочь ему сделать хотя бы маленький шаг вперед, и этот шаг станет истоком эмоционального стимула мысли — радости познания.

Никогда не спешите выставлять неудовлетворительную оценку. Помните, что радость успеха — это могучая эмоциональная сила, от которой зависит желание ребенка быть хорошим. Заботьтесь о том, чтобы эта внутренняя сила ребенка никогда не истощалась. Если ее нет, не помогут никакие педагогические ухищрения.

В-третьих, вообще не ставьте никаких оценок, если вы видите, что знания учеников туманные, что в их представлении о вещах и явлениях, которые изучаются, есть какие-то неясности. В каждом классе у меня есть ученик, духовную жизнь которого я до тонкости изучил, по глазам которого вижу, понимает он или не понимает то, о чем я спрашиваю. Если глаза этого школьника говорят о том, что он не готов к ответу, я вообще не оцениваю знаний — надо сперва добиться, чтобы ученики знали.

В-четвертых, надо избегать вопросов, которые требовали бы ответа совершенно точно повторяющего то, что излагалось учителем или заучено из книги. Есть в педагогическом процессе одна очень интересная вещь — я бы назвал ее трансформацией знаний. Имеется в виду такое постепенное мысленное углубление в знания, в результате которого ученик каждый раз, возвращаясь к изученному раньше, видит в фактах, явлениях, закономерностях что-то новое, рассматривает, анализирует какие-то новые стороны, черты, особенности фактов, явлений, закономерностей. Трансформация знаний должна быть положена в основу повторения. Об этом хочется дать отдельный совет.

18. МАТЬ УЧЕНИЯ НЕ ДОЛЖНА СТАТЬ МАЧЕХОЙ

Повторение — мать учения, утверждает народная педагогика. Но нередко бывает, что добрая мать становится злой мачехой. Это происходит тогда, когда ученик вынужден в течение дня или нескольких дней сделать то, что делалось недели и месяцы, например, повторить материал, изучавшийся в течение десяти, двадцати и больше уроков. Масса фактов и выводов обрушивается на плечи ученика, в голове у него все перемешивается. А ведь вместе с повторением материала по одному предмету надо изучать и другие предметы! Нормальный умственный труд становится невозможным, силы ученика надрываются.

Как же педагогически правильно организовать повторение? Прежде всего, я советую учитывать специфику предмета и конкретного материала. Повторить несколько параграфов по физике и несколько параграфов по истории, скажем, в IX классе — далеко не одно и то же.

Задавая повторять правила, законы, формулы, выводы по таким предметам, как физика, алгебра, геометрия, химия, опытные педагоги берут в основу выполнение прак-

тических заданий — упражнений, задач, рисунков, схем и др. При этом учитель особенно заботится о том, чтобы для выполнения одного практического задания требовалось знание двух или больше обобщений. При выполнении работы такого характера происходит очень нужный для умственного развития процесс трансформации знаний — обобщающие истины переосмысливаются в их взаимосвязях и взаимозависимостях. Ученик смотрит на факты, предметы, явления с новой, неизвестной ранее для него стороны. Например, преподаватель математики дает для повторения ряд задач, решая которые, ученик мысленно повторяет и объем геометрических фигур, и тригонометрические функции. Многолетний опыт убеждает: если одно теоретическое обобщение соприкасается, связывается, «сцепляется» с другим, происходит как бы скачок в трансформации знаний: обе истины глубже осмысливаются, ученик видит в теоретических обобщениях то, чего он раньше не видел, ясность одного как бы делает более ясным другое.

По таким предметам, как алгебра, геометрия, физика советую прибегать к повторению, которое в практической работе лучших преподавателей нашей школы называется *комплексным*. Оно может иметь много разновидностей. Например, каждому ученику дается задание сделать модель геометрической фигуры, с помощью которой повторяют ряд важных формул. Или по заданию учителя ученики делают схематические построения геометрических фигур, на которых можно показать наглядно несколько теорем.

Другой характер имеет повторение по гуманитарным предметам, например, по истории, литературе. Повторить материал, изученный на 7—8 уроках — это значит прочитать 40—50 страниц. Здесь, конечно, нельзя повторять с той же установкой, что и в процессе изучения материала. Повторяя значительный по объему материал, надо как бы отдалиться от него с тем, чтобы более четко было видно главное и незаметным стало второстепенное. Если ученики, повторяя, перечитывают все подряд, происходит перегрузка, а главное — от внимания школьников ускользают ведущие идеи материала, снижается их воспитательное воздействие.

Надо учить детей *отдаляться* от материала — не замечать деталей и присматриваться к главному. Посвящайте

отдельные уроки повторению тем, разделов по истории, литературе, показывайте, как повторять без чтения всего подряд. Чем значительнее круг знаний, «сцепляющихся» с повторяемым на уроке (а потом и дома) материалом, тем глубже его усвоение.

Учите своих питомцев, особенно старшекласников, отвлекаться от второстепенного и сосредоточивать внимание на главном. Это умение — одна из основ формирования мировоззрения.

Есть еще один вид повторения. Преподавая математику, физику, химию, биологию, я всегда придерживался одного важного, на мой взгляд, требования: в рабочей тетради по каждому предмету на специально отведенном поле красным карандашом записывается то, что навсегда надо запомнить. Эти правила, формулы, законы и другие обобщения ученик повторяет, просматривая рабочую тетрадь (по математике и физике — раз в неделю, по химии — раз в две недели, по биологии — раз в три недели).

19. КАК БЫТЬ С ПРОВЕРКОЙ ТЕТРАДЕЙ?

«Проверка тетрадей поглощает все свободное время». Это слова из письма одной учительницы. Под ним могли бы подписаться тысячи педагогов. При виде стопок тетрадей, которые надо проверить, не у одного учителя содрогнется сердце, и не только потому, что это многие часы труда — удручает то, что это труд однообразный, нетворческий.

Мысль учителей и работников народного образования устремлена к тому, чтобы максимально сократить время проверки тетрадей, но «ничего не получается». Почему? Потому что в тетрадях ученических множество ошибок. Проблема проверки тетрадей — одна из тех школьных проблем, решение которых зависит от сотен условий, предпосылок. Здесь не может быть какого-то одного совета: «Делайте вот так», но можно все-таки на проверку тетрадей отводить примерно в три раза меньше времени, чем отводится, если в работе всей школы, всего педагогического коллектива будут соблюдаться определенные условия.

В школе должна быть прежде всего *высокая речевая культура*, должна царить атмосфера большой чуткости к слову: сказанное или написанное неправильно должно

звучать не только для учителя, но и для школьника таким же диссонансом, как фальшивая нота для человека, обладающего высоким музыкальным слухом. Следует посоветовать учителю начальных классов: *воспитывайте у детей чуткость к эмоциональной окраске слова. Добивайтесь, чтобы слово звучало для ученика, как музыка!* Образно говоря, ученик должен быть музыкантом слова, дорожить его правильностью, чистотой, красотой. Ведите детей в природу, показывайте им тончайшие оттенки цветов, звуков, движений, раскрывайте перед ними человеческий труд как творчество, и пусть все это отражается в слове, в откликах речи.

У нас посвящаются специальные уроки таким словам, как *заря, вечер, степь, поле, река, журчит, мерцает, гремит...* По каждому слову мы с детьми составляем сочинения. Слово глубоко входит в духовную жизнь ребенка, он учится выражать словом самые тонкие чувства, передавать в нем впечатления от окружающего мира. Это нелегкая, даже, пожалуй, самая сложная школьная наука. И основы этой пауки даются в начальной школе. То, что упущено там, никогда уже не наверстаешь.

Ведите своих питомцев от книги и мысли к деятельности, от деятельности к мысли и слову. Деятельность должна трансформироваться в собственную мысль ученика, а собственная мысль должна найти выражение в слове. Практически это сводится к следующему: пусть как можно чаще предметом мысли, суждений ученика будет его собственная деятельность. Пусть ваш питомец рассказывает, рассуждает, отчитывается о том, что он сделал собственными руками, о том, что он наблюдал. Ученик путается в словах, когда эти слова не связаны с тем, что он сам делал, видел, наблюдал, думал. Надо давать такие задания, которые бы предполагали рассказ, отчет, доклад ученика, которые требовали бы, чтобы имеющиеся знания были *пущены в оборот*, а значит, чтобы слово стало средством творчества.

Почему ученики допускают много ошибок, почему пишут неграмотно? Корень зла, по моему убеждению, в диспропорции между умениями и знаниями. Умения отстают от знаний в системе изучения подавляющего большинства предметов, особенно же таких, как грамматика, литературное чтение, математика. Знания оказываются тяжелым,

непосильным грузом при слабости, «хилости» умений, которые призваны «обслуживать» знания.

Облегчение проверки тетрадей связано с рядом коренных вопросов обучения, но есть некоторые предпосылки этого облегчения. Это, во-первых, выделение на каждом уроке грамматики времени для записи и запоминания слов, в которых могут быть допущены грамматические ошибки; во-вторых, это тщательная, продуманная подготовка к выполнению домашних заданий с целью предупреждения ошибок; в-третьих, надо сказать, что опытный преподаватель языка, литературы, математики, физики имеет свою методику проверки тетрадей; наиболее рациональной, как показывает опыт, является выборочно-периодическая проверка: учитель время от времени берет тетради нескольких учеников; фронтально у всех проверяются только контрольные работы.

20. СОДЕРЖАНИЕ АКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРЕДМЕТА

Приступая к работе с учащимися, опытный учитель намечает на весь период изучения предмета (в начальной школе — на весь цикл обучения) содержание активной деятельности своих питомцев. Цель — не только выработка практических умений, необходимых в жизни, в труде, но и активная деятельность ученика в системе изучения предмета, прежде всего умственное воспитание, развитие мысли и речи. Мы уже говорили, что от характера активной деятельности ученика в большой мере зависит его грамотность и роль слова в его духовной жизни.

Как организовать активную деятельность учащегося, чтобы она способствовала его умственному развитию, развивала мысль, культуру слова, воспитывала грамотность?

Активная деятельность — это как бы мостик, соединяющий речь и мысль. Готовясь к работе в начальной школе, я намечал такую активную деятельность для всех учеников, в которой бы ярко выражались и, конечно, осмысливались отношения, взаимосвязи между фактами, предметами, явлениями, трудовыми процессами. Другими словами, я стремился к тому, чтобы в труде рождалась мысль учащегося, а не только закреплялись знания, полученные на уроках. Деятельность при изучении предмета должна быть не только иллюстрацией к знаниям (это тоже необ-

ходимо), по и источником новых истин, открытий, закономерностей. Например, каждый школьник в течение нескольких лет обучения выращивает плодородное деревцо. При этом он делает все новые и новые «открытия», новые мысли волнуют его, он высказывает их; слово становится средством, инструментом выражения собственной мысли об отношениях, взаимосвязях, подмеченных благодаря труду, оно входит в активный словарный запас, подталкивает чувство и мысль.

Я на сотнях судебных убеждался, что не может быть хаотичной мысль и косной речь у того, кто увлечен интересным трудом, в котором раскрываются все новые и новые отношения и взаимосвязи: ученик не только трудится, но и мыслит, рассуждает о причинно-следственных связях, намечает работу на будущее. С каждым годом я все больше убеждался, что активная деятельность, в которой ярко выражена мысль, развивает речь, повышает общую культуру учеников. Надо сказать, что труд играет свою роль в умственном развитии лишь при том условии, когда он начинается с первых же дней школьного обучения и организуется обдуманно.

Каждый учитель средних и старших классов у нас, готовясь к изучению предмета, намечает такую активную деятельность для учащихся, которая бы воспитывала умственно, обогащала понятиями, закономерностями. Я тысячу раз убеждался, что без взаимодействия человека с природой немислимо умственное развитие, как без мелодии невозможна музыка, без слова — речь, без книги — наука. Единство труда и мысли, деятельности и слова в системе изучения таких предметов, как биология, физика, химия, математика, — это один из краеугольных камней, на которых держится школа как очаг мысли. Готовясь к преподаванию этих предметов, опытные учителя продумывают, каким образом, в каком труде будут раскрываться те отношения и взаимосвязи, на которых построено мышление в системе изучения предмета. Например, основные отношения и взаимосвязи в системе преподавания физики заключены, в частности, в таких явлениях и понятиях, как вещество, энергия, движение, превращение энергии, изменение состояния, взаимодействие явлений. Преподаватель физики находит возможности для организации такого труда, в котором все эти понятия реализуются в конкретных отношениях. Так, одному ученику дается задание

сделать принципиальную модель прибора, в котором механическая энергия превращается в электрическую, электрическая — в тепловую. Другой ученик работает над моделью, в которой механическое воздействие приводит к изменению состояния вещества. Этот труд — не просто иллюстрация к знаниям, а, можно сказать, *знания в действии*.

Я советую учителям: если хотите, чтобы ваши питомцы были людьми мыслящими, чтобы стройная, ясная, логическая последовательная мысль находила свое выражение в четком объяснении, истолковании, — вовлекайте их в труд, насыщенный мыслью, реализуйте отношения и взаимосвязи системы знаний в труде. Помните, что труд — это не только практические умения и навыки. Это прежде всего умственное развитие, культура мышления и речи.

21. УЧИТЕ НАБЛЮДАТЬ, УЧИТЕ ВИДЕТЬ

Надо сказать, что наблюдение в некоторых школах рассматривается не как один из видов активной умственной деятельности, не как путь развития умственных сил, а как средство для иллюстрации определенных тем, разделов.

Культура педагогического труда во многом определяется тем, какое место в умственном развитии школьников занимает наблюдение. Из наблюдений не только черпаются знания, — в наблюдениях знания *живут*, благодаря наблюдениям они, можно сказать, *идут в оборот*, применяются как инструменты в труде. Если повторение — мать учения, то наблюдение — мать осмысливания и запоминания знаний. Наблюдательный ученик никогда не бывает неуспевающим или неграмотным. Учитель, умеющий помочь ученику использовать ранее усвоенные знания для все новых и новых наблюдений, достигает того, что чем «старше» знания ученика, тем они прочнее.

В начальных классах наблюдения необходимы ребенку, как солнце, воздух и влага необходимы растению. Здесь наблюдения — важнейший источник *энергии ума*. Чем больше надо ребенку осмыслить и запомнить, тем больше необходимо ему увидеть отношений и взаимосвязей в окружающей природе, в труде.

Воспитывая учеников печальной школы, я учил их видеть в обычном необычное, искать и открывать причинно-следственные связи, отвечая на вопросы *почему?*

...Февраль, зима, стужа. Но вот выдался солнечный денек. Мы идем в тихий, заснеженный сад. «Присмотритесь, дети, внимательно ко всему, что вокруг вас, — видите ли вы первые признаки приближения весны? Даже самый невнимательный из вас может заметить два-три признака, а тот, кто не только посмотрит, но и подумает, увидит двадцать признаков. Первые мелодии весеннего пробуждения услышит тот, кто умеет слушать музыку природы. Смотрите, слушайте, думайте», — говорю я учащимся. Я вижу, как присматриваются дети к заснеженным ветвям, к коре деревьев, прислушиваются к звукам. Их радует каждое маленькое открытие. Каждому хочется найти что-то новое. Потом мы приходим в сад через неделю, снова и снова через неделю, — и каждый раз перед пытливым детским взором открывается что-то новое. Ученик, который в младших классах проходил школу наблюдательности, умеет четко разграничивать понятное и непонятное, и, что особенно ценно, активно относиться к слову. Умные, неожиданно «философские» вопросы слышит учитель от школьников, которых учили наблюдать, видеть.

Учите наблюдать и видеть явления окружающего мира. Ведите детей в природу в те переломные для нее периоды, когда происходят бурные, стремительные изменения — пробуждается жизнь, обновляются животворные внутренние силы живущего, накапливается энергия для могучего жизненного рывка.

Школа наблюдения в младшем возрасте — необходимое условие умственного развития.

22. КАК ЧТЕНИЕМ РАЗВИВАТЬ ЗНАНИЯ

В среднем и старшем возрасте чтение научно-популярной и научной книги играет ту же роль, что наблюдения в младшем возрасте. У ученика, умеющего видеть, наблюдать, вырабатывается восприимчивость и к научной книге. Интерес к знаниям немислим без постоянного чтения научной и научно-популярной литературы. Не может быть и речи о стойком интересе к знаниям, если ученик не выходит за рамки учебника.

Наука развивается невиданными темпами, но постоянно вводить в программы средней школы все новые и новые понятия, закономерности невозможно. Поэтому чтение научной литературы становится в современной школе

одной из важнейших составных частей процесса обучения.

Умейте пробудить у учеников интерес к чтению научной литературы. Для этого надо, излагая новый программный материал, какие-то вопросы освещать огоньками внепрограммных знаний. Опытный преподаватель биологии, физики, химии, математики, объясняя урок, как бы приоткрывает окошко в необъятный мир науки, что-то оставляет не до конца разъясненным. Ученик видит возможность перехода за черту обязательного программного материала, его волнует перспектива плавания по безграничному морю знаний, — вот это и есть побуждение к чтению: подростку, юноше, девушке хочется знать.

В школьной или в личной библиотеке учителю надо иметь книги, развивающие знания по программному материалу. Таких книг издано и издается много. Особенно важно чтение научных и научно-популярных книг, посвященных проблемам переднего края современной науки. Чтение этих книг освещает элементарные школьные знания.

Исключительно большое значение имеет чтение, развивающее знания по наиболее трудным разделам программы, — по тем, от которых зависит знание других разделов. Опытный педагог стремится к тому, чтобы чтение научно-популярной литературы предшествовало изучению этих разделов, сопутствовало ему и следовало за ним. Нет ничего страшного в том, что ученики, не изучив еще элементарных понятий кваптовой теории, зачитываются книжками по этой проблеме, хотя им многое непонятно. Чем больше у учеников вопросов, тем выше будет интерес к знаниям на уроке, в процессе изучения нового материала. Это вообще очень интересная проблема дидактики — процесс накопления вопросов перед изучением материала на уроках.

23. ЧТЕНИЕ — ВАЖНОЕ СРЕДСТВО УМСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ «ТРУДНЫХ» УЧЕНИКОВ

Имеются в виду ученики, которые трудно, медленно воспринимают, осмысливают, запоминают изучаемый материал: не осмыслено одно — а уже надо учить другое; одно выучил — другое забывается. Кое-кто из учителей уверен, что облегчить учение этих школьников можно, максимально сузив сферу их умственного труда (иногда

трудпоуспевающему учепику говорят: читай только учебник, не отвлекайся чтением чего-то другого). Это совершенно неправильное мнение. Чем труднее учиться школьнику, чем больше затруднений встречается он в умственном труде, тем больше ему надо читать: как фотопленка слабой чувствительности требует более продолжительной выдержки, так разум слабоуспевающего ученика требует более яркого и длительного сияния света научных знаний. Не дополнительные занятия, не бесконечное «подтягивание», а чтение, чтение и еще раз чтение — вот что играет решающую роль в умственном труде тех, кому трудно учиться.

У прекрасного учителя математики из Богдановской средней школы Кировоградской области, заслуженного учителя УССР И. Г. Ткаченко нет неуспевающих. Замечательная черта его творческого труда — умная организация чтения, о котором здесь идет речь, — чтения, развивающего умственные способности. Отдельные ученики в каждом из V—X классов, где работает Иван Гурьевич, никогда не были бы успевающими, если бы не чудесная библиотека: в ней не одна сотня книг, в яркой, увлекательной форме рассказывающих о самой интересной в мире, по его убеждению, науке — математике. Прежде чем начать изучение уравнений, ученики читают десятки страниц об уравнениях — это прежде всего увлекательные рассказы о том, как уравнения сложились в народной мудрости как задачи-головоломки.

И дело не только в том, что чтение спасает ученика от неуспеваемости. Благодаря чтению развивается его интеллект. Чем больше «трудный» ученик читает, тем яснее становится его мысль, тем активнее его умственные силы.

Специально продуманное, предусмотренное, организованное чтение научно-популярной литературы слабоуспевающими учениками — это одна из больших забот педагога. По существу, это главное в том деле, которое в практике школьной жизни называется индивидуальной работой с отстающими.

24. НЕ ДОПУСКАЙТЕ ДИСПРОПОРЦИИ МЕЖДУ УМЕНИЯМИ И ЗНАНИЯМИ

Диспропорция между умениями и знаниями заключается в том, что у школьника еще нет умений, представляющих собой инструмент овладения знаниями, а ему

учитель преподносит все новые и новые знания: усваивай, не зевай. Такой ученик — все равно, что человек без зубов: вынужденный глотать непережеванные куски, он сначала чувствует недомогание, а потом заболевает, ничего не может есть...

Выше я уже останавливался на том, что многие ученики не могут овладеть знаниями, потому что не умеют бегло и сознательно читать, читая — думать. Это одна из наиболее печальных диспропорций. Умение бегло и сознательно читать — и выразительно, и про себя — это не просто элементарная грамотность. Это одно из важнейших условий полноценного логического мышления на уроках и при самостоятельной работе над книгой.

Тот, кто не умеет бегло и сознательно читать, не может успешно овладевать знаниями. Бегло и сознательно читать — это значит воспринять глазами и мысленно часть предложения или небольшое предложение целиком, оторвать свой взгляд от книги, произнести то, что запомнилось, и в то же время думать — не только о том, что читается, но и о каких-то связанных с читаемым материалом картинах, образах, представлениях, фактах, явлениях.

До такой ступени совершенства надо доводить чтение уже в начальной школе. Иначе не будет никакого сознательного овладения знаниями. Больше того, стремление овладеть знаниями без умения бегло читать притупляет умственные способности школьника, порождает хаотичность, бессвязность, отрывочность, примитивность мышления. Вам, поверное, приходилось встречать учеников V, VI класса, которые, как говорят, не умеют связать двух слов. Я записывал дословную речь таких школьников и анализировал ее: она представляет собой как бы вырванные из контекста отдельные слова, между которыми нет никакой связи. Часть своих представлений ученик вообще не может выразить словом, и от этого в его речи — *провалы*, неясности. Многолетнее изучение этих печальных фактов привело меня к выводу, что умственное косноязычие (так я называю этот недостаток) порождается неумением бегло и сознательно читать, читая — думать. Многие слова не могут быть осмыслены по той простой причине, что ребенок, не успевая хорошенько прочитать и воспринять их звучание, тем более не может связать их в своем сознании с соответствующими представ-

лствиями. Не умея бегло и сознательно читать, ученик не успевает думать. Чтение без вдумчивости, без мысли притупляет ум ребенка.

Как же добиться того, чтобы чтение было беглым и сознательным, чтобы ребенок быстро воспринимал зрением и мыслью целую группу слов, связанную по смыслу? Для этого необходима система упражнений. Работая с маленькими детьми, я вот каким образом проверяю беглость и сознательность чтения. Ученик читает (первый раз) сказку или рассказ, например, рассказ о жизни первобытного человека. Перед его глазами, на классной доске, я помещаю яркую, красочную картину, на которой изображена жизнь первобытного человека: здесь и очаг, и приготовление пищи, и ловля рыбы, и детские игры, и забота об одежде. Если ученик — речь идет в данном случае о третьекласснике — читая рассказ вслух, не мог отрывать взгляд от книги на такое время, чтобы к концу чтения хорошенько рассмотреть картину, запомнить те детали, о которых нет ни слова в рассказе, — значит, он не умеет читать. Читать, не отрывая ни на мгновение взгляд от книги — это еще не чтение. Ученик, который в процессе чтения не может ничего воспринять, по существу не умеет одновременно читать и думать, а это как раз и не может быть названо сознательным чтением.

На каком-то этапе обучения ученик должен овладеть умением настолько беглого письма, чтобы он одновременно писал и думал. Если нет этого умения, создается еще одна диспропорция. Овладеть таким темпом письма можно тоже при условии достаточного количества упражнений. Процесс письма надо довести до такой степени автоматизма, чтобы ученик уже не думал над тем, как соединить буквы в слово, какую букву написать. В центре внимания должно быть содержание того, что пишется. При достаточном количестве упражнений этого можно достигнуть на четвертом году обучения. Но автоматизм письма зависит от чтения. Неграмотно пишут всегда те, кто плохо читает.

Упражнения, помогающие вырабатывать беглое и сознательное письмо, можно проводить (при условии, что ученик хорошо читает) по такой методике. Учитель рассказывает детям о каком-нибудь явлении природы, событии, трудовом процессе; в рассказе четко выделяются логические составные части, каждая из которых пред-

ставляет собой что-то главное и детали, подробности, относящиеся к главному. Во время рассказа ученики записывают главное в той последовательности, в какой излагает материал учитель. Без умения слушать и одновременно кратко записывать содержание рассказа (лекции, объяснения) немисливо овладение знаниями. Во многих случаях отставание как раз и объясняется тем, что ученику недоступно это элементарное и в то же время очень сложное умение.

Роль этого умения не сводится к практическому применению. Оно является необходимым условием развития умственных способностей. Без умения одновременно слушать, писать и думать (так же, как и без умения одновременно читать и думать) невозможно развитие знаний.

Одним из очень важных умений, от которых в большой мере зависит успешное овладение знаниями, является умение отбирать, систематизировать, анализировать факты. Опытные учителя предметов естественного цикла, а также грамматики заботятся о том, чтобы не было диспропорции между знаниями и навыками, возникающей тогда, когда мышление ученика ограничивается фактами, которые привел в своем изложении (объяснении, лекции) учитель. Диспропорция эта ведет к тому, что знания остаются в голове ученика мертвым грузом, без развития, так как они не трансформируются, не обогащаются новыми фактами, не применяются для объяснения новых фактов. Происходит то, что хочется назвать окостенением знаний. При таком состоянии знаний можно встретить странные, на первый взгляд, явления. Ученик, например, заучил понятие о четырех состояниях вещества, но в жизни он не обратил внимания на множество фактов, которые можно использовать для объяснения этого понятия с новых, неизвестных раньше сторон. И вот при проверке знаний ученик встречается с фактом перехода вещества из твердого в газообразное состояние, он теряется перед фактами, встречающимися в жизни на каждом шагу, не может понять и объяснить их сущности.

Для того, чтобы уметь сознательно применять обобщения в жизненной практике, необходимо самостоятельно собрать значительное количество фактов, осмыслить их, систематизировать, сопоставить, подвергнуть анализу. Собираание и обработка фактов — это само по себе *состояние* знаний — состояние подвижности, состояние созна-

тельного выбора нужных закономерностей, характеристик, определений из системы знаний, приобретенных на уроках. Как важно приводить знания в это состояние! Многолетний опыт педагогического труда убедил меня в том, что собирание и обработка фактов является тем своеобразным умением, благодаря которому знания постоянно находятся в развитии, и это развитие глубоко своеобразно: ученик анализирует не только то, что находится вокруг него, но и свои собственные мысли. Собирая и обрабатывая факты, ученик вступает на путь умственного самовоспитания.

Специфика фактов в системе данного предмета — это, на мой взгляд, один из очень важных вопросов методики, вместе с тем это и общепедагогическая проблема. Анализируйте программу с точки зрения фактов, составляющих, образно говоря, воздух для крыльев мысли. Думайте над тем, какую часть фактов отобрать для урока и какую часть оставить для собирания и обработки ученикам. Составляйте методические указания для самого процесса собирания фактов. Учите школьников думать над фактами.

25. В ЧЕМ СЕКРЕТ ИНТЕРЕСА

Каждый учитель мечтает о том, чтобы учение на его уроках было интересным для учащихся. Как же сделать урок интересным? Все ли уроки могут быть интересными? В чем истоки интереса?

Урок идет интересно — это значит, что учению, мышлению сопутствуют чувства приподнятости, взволнованности ученика, удивление, иногда даже изумление перед открывающейся истиной, осознание и чувствование своих умственных сил, радость творчества, гордость за величие разума и воли человека.

Познание само по себе является самым изумительным, удивительным, чудесным процессом, пробуждающим живой и неугасимый интерес. В природе вещей, в их отношениях и взаимосвязях, в движении и изменении, в человеческих мыслях, во всем, что создал человек — неисчерпаемый источник интереса. Но в одних случаях этот источник, как журчащий ручеек, струится на наших глазах — подходи, смотри, и перед тобой открывается изумительная картина тайн природы; в других — источник интереса скрыт в глубине, к нему надо добраться,

докопаться, и часто бывает так, что самый процесс «подходов», «подкопов» к сущности природы вещей и их причинно-следственных связей является главным источником интереса.

Если вы будете надеяться только на видимые, заметные стимулы, пробуждающие интерес к учению, к урокам, вы никогда не воспитаете подлинного интеллектуального трудолюбия. Стремитесь к тому, чтобы ученики *сами* открывали источники интереса, чтобы в этом открывании они чувствовали собственный труд и успех — само по себе это представляет один из важнейших источников интереса. Без активного умственного труда немислимы ни интерес, ни внимание школьников.

Первый источник, первая искорка интереса к знаниям — в подходе учителя к материалу, который объясняется на уроке, к фактам, подвергающимся анализу. Знание истины рождается в сознании ученика из познания точек соприкосновения между фактами и явлениями, нитей, которыми эти факты и явления связываются. Готовясь к уроку, я всегда стремлюсь продумать, осмыслить как раз те точки соприкосновения, те нити, где благодаря сцеплению мыслей раскрывается что-то новое, неожиданное в смысле познания истин и закономерностей окружающего мира. На следующем уроке будет, например, изучаться корневая система растений, ее роль в жизненных процессах. Ученики сотни раз видели корни растений, и казалось бы, в материале вряд ли может быть что-либо интересное для них. Но интерес — в познании скрытого, не видимого с первого взгляда. Я рассказываю детям о том, как тончайшие корневые волоски добывают в почве вещества, необходимые растению. Обращаю внимание вот на какую точку соприкосновения, сцепления фактов: в почве идет ни на минуту не прекращающаяся жизнь, в глубине она не угасает ни летом, ни зимой; миллиарды микроорганизмов как бы обслуживают множество корневых волосков, без этой сложной жизни не могло бы жить дерево. «Присмотримся, дети,— говорю я,— к этой сложной *жизни почвы*, задумаемся, как она зависит от веществ, поступающих из окружающей среды. Перед вами откроется взаимодействие между живым и неживым». Как неживое служит строительным материалом для живого — это и есть та точка соприкосновения, сцепления фактов, освещающая которую, сосредоточивая внимание на которой, я открываю

перед воспитанниками что-то новое, пробуждающее чувство удивления перед тайнами природы. Чем больше захватывает подростков это чувство, тем больше им хочется знать, осмыслить, понять.

Источник интереса — и в применении знаний, в переживании чувства власти разума над фактами и явлениями. В самой глубине человеческого существа есть нескоренная потребность чувствовать себя открывателем, исследователем, искателем. В детском же духовном мире эта потребность особенно сильна. Но если нет пищи для нее — живого общения с фактами и явлениями, радости познания — эта потребность гложет, а вместе с ней угасает и интерес к знаниям. Я вижу очень важную воспитательную задачу в том, чтобы постоянно поддерживать, углублять желание ученика быть открывателем, реализовать это его желание специальными методами работы. После урока, на котором у детей пробудился интерес к скрытым от непосредственного наблюдения процессам в почве, мы идем в поле — специально для того, чтобы посмотреть разрез почвы. Дети с изумлением рассматривают двухметровой длины корни маленьких злаковых растений. Для них это настоящее открытие. Но на тропу открывателей, искателей они по существу только еще вступают. Я показываю детям корни нескольких видов луговых и степных трав. Мы сажаем эти корни — без единого стебелька, многие из них кажутся с первого взгляда совершенно засохшими, погибшими — и они оживают, дают ростки, зеленеет трава. Прорастает и корень винограда — тоже дает росток.

Это воодушевляет детей, мысль их становится пылкой, неутомимой. Они переживают ни с чем не сравнимую человеческую гордость: мы властвуем над фактами и явлениями, знания в наших руках становятся силой. Чувствование *силы* знаний, возвышающей человека, — трудно найти более яркий стимул интереса к знаниям. Как важно, чтобы процесс овладения знаниями не изнурял ученика, не приводил его в состояние усталости и равнодушия ко всему, а наполнял все его существо радостью! Чувство *властелина знаний* пробуждается у ученика сильнее всего, конечно, тогда, когда он непосредственно что-то исследует, открывает, когда ученик схватывает конкретные факты, явления. Но есть и радость чистой мысли, — обобщающей, систематизирующей деятельности разума.

У ученика, много читавшего, всякое новое понятие, явление, изучающееся на уроках, *укладывается* в систему знаний, почерпнутых из книг, — и тогда научные знания, сообщаемые на уроках, имеют особую привлекательность: они осознаются как что-то необходимое, помогающее уяснить то, что уже «есть в голове».

20. БОРИТЕСЬ ЗА МЫСЛЬ И СЕРДЦЕ СВОИХ ПИТОМЦЕВ

В школе, где учит прекрасный математик, любимым, наиболее интересным предметом становится математика, открываются незаурядные математические способности у многих учеников. Приехал в школу талантливый биолог — смотрите, через два года любимый предмет в школе — биология, появился десяток одаренных юных биологов, влюбленных в растения, в опыты и исследования на школьном участке.

Ключем бьет интеллектуальная жизнь в той школе, где преподавание предметов выливается как бы в доброе соревнование педагогов за мысль, за душу воспитанников. Это соревнование — целая сфера творческого труда педагогического коллектива. Выражается оно в том, что каждый педагог стремится пробудить интерес к своему предмету, утвердить увлеченность своим предметом. Представим себе, что ребенок, начавший учиться в IV классе, попал в руки коллектива, в котором все учителя — талантливые, по крайней мере влюбленные каждый в свой предмет люди, умеющие зажечь огонек любви каждый к своей — самой интересной науке. В таких условиях обязательно раскрываются природные задатки каждого ребенка, происходит становление склонностей, способностей, призвания, одаренности.

Здесь мы вступаем в интереснейшую сферу педагогического процесса, — в ту сферу, которая в практической работе во многих школах является еще неизведанной целиной. Воспитательная сторона учения раскрывается, по моему твердому убеждению, прежде всего в том, что, образно выражаясь, в стройном оркестре основ наук каждый ученик находит свой любимый инструмент и свою любимую мелодию. Нет интеллектуальной полноты, духовного богатства жизни личности без влюбленности в конкретный предмет, в конкретную отрасль научных знаний.

Считайте делом своей чести, чтобы преподаваемый вами предмет ученики находили самым интересным, чтобы как можно больше подростков как о счастье мечтали о творчестве в сфере науки, основы которой вы излагаете им в школе. Боритесь за мысль и сердце своих питомцев; соревнуйтесь со своими коллегами — преподавателями других предметов. Вы преподаете, скажем, физику 200 ученикам VIII—X классов, все они — ваши ученики. Но у вас должно быть еще и другое понятие *мои ученики*. У вас должно быть 10 или больше (может быть меньше, 5—6 человек, бывает и так, ничего здесь нет предосудительного) своих учеников — молодых людей, навсегда отдавших свое сердце физике, твердо решивших связать свою жизнь с трудом в области техники, научно-технической мысли. У вас должно быть, кроме того, десяток-другой подростков, у которых интерес к физике еще только, как говорят, «проклевывается»; одни из них в будущем влюбляются в ваш предмет, другие найдут свою *золотую жилу* где-то в другой области знаний, — нет ничего сложнее в развитии жизненных идеалов, чем становление призвания. Вы учите 200 учеников; дать им всем прочные знания элементарного школьного курса физики — это одна сторона вашей работы. Но не забывайте, что на вашей совести и другая сторона педагогического творчества — забота о становлении призвания к физике — технике, машинам, механизмам, научно-техническим знаниям у юношества, одержимого увлеченностью физикой как наукой, из которой на уроках узнать можно лишь азы. В школе у вас должна быть своя школа — школа юных физиков.

Как же все это делается? Что здесь самое важное, с чего начинать?

У вас, конечно, есть физический кабинет. Вы, конечно, ежедневно работаете в нем час-другой — то ли сидите над книгой, то ли пробуете «в черновике» предстоящую лабораторную работу, то ли ломаете голову над чертежом или моделью прибора. Я скажу вам, что бы я делал в эти часы на вашем месте. Я приглашаю в кабинет Ваню и Колю, Генку и Славку, Петра и Сашу — тех юношей, которые уже влюблены в физику. Сюда же приходят и восьмиклассники, и даже семиклассники — они еще не влюбились в мой предмет окончательно, но я вижу, как у них загораются глаза, когда я рассказываю об античастицах и фотонных ракетах... у них тянутся руки к интерес-

ной книжке о ядерной физике. Есть у меня в физическом кабинете уголок, который я называю Уголок Мысли. Здесь на стенке гравюра — «Мыслитель» Родена, а в шкафу — небольшая библиотечка — книжки и брошюры о новейших проблемах пауки и техники. Это огоньки, маящие юношество за пределы программы, в неизвестные дали. Есть у меня и другой уголок — Уголок Трудных Дел. Здесь чертежи нескольких моделей, в основе которых лежит замысловатая, необычная конструкторская идея; чтобы воплотить ее в металл и пластмассу, надо преодолеть значительные умственные трудности; лень мысли здесь нетерпима, интеллектуальный порыв и дерзания — главное условие того, чтобы быть в Уголке Трудных Дел не наблюдателем, разинувшим рот от удивления, а творцом. Есть у меня здесь и моя маленькая педагогическая творческая лаборатория — уголок подготовки к предстоящим урокам. Здесь я колдую над новыми учебными пособиями. Вместе со мной работают мои лаборанты — ученики старших классов, помогающие мне готовиться к урокам.

Вот я и открываю двери во все эти уголки ученикам, влюбленным в физику или же еще не окончательно влюбленным, но с горящими, восторженными глазами.

Особенно большое значение я придаю Уголку Мечты. Здесь от большого костра научных знаний зажигаются огоньки призвания. Здесь подростки убеждаются, что мысль — это огромный труд, труд нелегкий, адски сложный, порою изнурительный, но обещающий ни с чем не сравнимые радости — радости познания, интеллектуальную гордость от сознания того, что я властвую над знаниями. С Уголка Мысли начинается приобщение к научным знаниям. Здесь у меня есть книжки и для тех, кто еще только отправляется в плавание по морю научных знаний, и для выпускников, уже твердо решивших избрать своей специальностью науку или технику, труд в лаборатории или у сложного станка на промышленном предприятии. Я очень озабочен тем, чтобы вихрастые мальчишки, у которых во время моего рассказа на уроке загораются в глазах огоньки пытливости, у кого всегда есть десятки вопросов *почему?*, обязательно пришли в Уголок Мысли. Зная, кто о чем мечтает, я для каждого ставлю на полку несколько книжек.

У многих умных, от природы одаренных детей и подростков интерес к знаниям пробуждается лишь тогда,

когда их рука, кончики пальцев включаются в творческий труд³. Если я вижу, что у ребенка, подростка тянутся руки к моделям машин и механизмов, к приборам и различным устройствам, я обязательно провожу его через Уголок Трудных Дел.

Есть школьники, которые очень долго ни к чему не проявляют особенного интереса. Если в школе нет борьбы педагогов за мысль и душу воспитанников, то у многих из них ни к чему никогда интерес не раскрывается. Чем больше в школе подростков, юношей и девушек, равнодушных к учению, к знаниям, не нашедших для себя ничего интересного, — тем вероятнее, что у педагогов нет своих питомцев, которым бы они из сердца в сердце передавали огонек увлеченности знаниями. Самое удручающее, безотрадное в отношении школьников к знаниям — это равнодушие... Отставание, неуспеваемость ученика по тому или иному предмету — это не страшно; гораздо страшнее — безразличие.

Пробуждайте сознание безразличных, равнодушных. Не может быть, чтобы у человека ни к чему не проявился интерес. Вернейший путь к равнодушному разуму — мысль. Мысль пробуждается только мыслью. По отношению к равнодушным, безразличным к знаниям, к умственному труду школьникам каждый педагог должен испытать все свои *интеллектуальные инструменты*. Здесь уже речь идет не о соревновании, а скорее о спасении человека от умственной инертности. В нашем педагогическом коллективе стало правилом: о школьнике, безразличном, равнодушном к знаниям, мы говорим на заседании психологической комиссии. Мы думаем, где найти ту сферу взаимодействия человека с природой, со знаниями, в которой его можно *одухотворить познанием*. Самое главное здесь то, чтобы человек в конце концов нашел в себе властелина знаний, испытал чувство властвования над истинами и закономерностями. Одухотворить познанием — это значит достигнуть того, чтобы мысль слилась с чувством человеческого достоинства. Путь к этому душевному состоянию — действительность, активность знаний. Пробуждение равнодушного, спасение от умственной инертности мы видим в том, чтобы ученик в чем-то проявил свои знания, *выразил себя*, свою личность в деятельности интеллекта.

Я несколько лет преподавал математику в V—VII классах. У меня было два математических кружка — один для

самых способных, одаренных от природы, другой — для безразличных, равнодушных к знаниям. Рассказ о том, как пробуждалось сознание этих школьников, был бы очень интересным повествованием о борьбе за их мысль, душу. Я стремился к тому, чтобы знания, приобретаемые в кружке, затрагивали человеческие отношения в коллективе — утверждали достоинства личности. До тех пор, пока человек не почувствовал в себе мыслителя, он не может по-настоящему пережить гордость за то, что он человек. *Как* достигнуть слияния мысли и гражданского чувства человеческой гордости — об этом необходим специальный совет.

Опытный учитель-воспитатель добивается того, чтобы по предмету, в который влюблен его питомец, он знал в десять, в двадцать раз больше, чем требуется программой. Переживание власти над знаниями в любимом предмете является одним из самых могучих стимулов общего интеллектуального развития. Если у школьника есть любимый предмет, пусть не беспокоит вас то, что не по всем другим предметам у него пятерки. Гораздо большую тревогу должен вызывать отличник, у которого нет любимого предмета. Многолетний опыт убедил меня в том, что такой ученик — это безликое существо, не знающее радости умственного труда.

27. КАК СЛИТЬ МЫСЛЬ И ЧУВСТВО ГРАЖДАНСКОГО ДОСТОИНСТВА

Это тоже один из очень тонких вопросов нашего педагогического труда. Как достигнуть того, чтобы ученик гордился, что он учится хорошо? Чтобы в своих успехах, в знаниях чувствовал гражданское достоинство?

Я твердо убежден: путь к достижению этой цели в том, чтобы знания, интеллектуальное богатство служило самовыражением личности. Воспитательную работу в этом направлении надо вести, начиная с младших классов. Воспитывая младших школьников, я стремился к осуществлению принципа: каждый школьник должен сделать свой вклад в интеллектуальную жизнь коллектива. Собственные знания, мысль, умения должны переживаться как *честь*, как *достоинство*. Этого никак нельзя достигнуть только тем, что ученический коллектив будет знать, как этот школьник учит уроки, слышать, как он отвечает. С малышами-первоклассниками мы начали вот с чего:

завели альбом коллективного творчества под названием «Утренняя зорька». У нас стало привычкой в весеннюю и летнюю пору вставать очень рано, на заре, выходить в сад, на берег пруда, встречать восход солнца. Каждому была отведена страница (хочешь — две-три) — рисуй то, что ты полюбил в природе, и напиши одну единственную фразу, несколько слов, «но чтобы эти слова были, как красивая песня», — так мы говорили. Каждому ребенку, конечно, хотелось нарисовать, написать что-то хорошее. Хорошая картинка, красивое слово — в этом каждый видел свою честь. У меня и сейчас хранится этот альбом. Во втором классе мы в зимние сумерки составляли рассказы и сказки. Каждый рассказывал или то, что было в его жизни, или то, о чем он мечтал, что придумал. Трудно передать, с каким интересом относились дети к этому творчеству: умение выдумывать, рассказать, переживалось каждым как нравственное достоинство.

С каждым годом обмен умственными, духовными богатствами все больше определял отношения между детьми. В III и IV классах начались «вечера книги»: дети рассказывали содержание прочитанных книг, читали их вслух, декламировали стихотворения и отрывки из художественной прозы. Это было своеобразным соревнованием разума и мастерства.

Начиная с V класса моп питомцы стали активными умственными воспитателями своих младших товарищей-дошкольников и учеников I—II классов. Двенадцать пятиклассников руководили маленькими кружками поэтического творчества. В каждом кружке было 5—7 малышей, пятиклассники учили их составлять сочинения-миниатюры о природе, читали маленьким друзьям свои собственные сочинения и стихотворения; это утверждало чувство достоинства у старших.

В VI—VII классах несколько учеников стали руководителями кружков юных математиков учеников I—III классов. Дети решали и составляли задачи на «сообразительность». В течение всего периода обучения в V—VIII классах ученики были также руководителями групп — кружков по изучению иностранного языка: первоклассники и второклассники учились читать и говорить по-французски.

В VII—X классах каждый воспитанник выступает на вечере науки и техники с докладом или сообщением.

Каждый подросток у нас считает делом чести как можно лучше подготовиться к такому докладу или сообщению.

Все эти формы работы направлены на то, чтобы знания, интеллектуальная жизнь переживались школьником как его нравственное достоинство. Педагоги так воспитывают детей, чтобы в их среде невежество, безразличное отношение к книге считались аморальными.

28. ЗНАНИЯ И УЧАСТИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В сельской местности школа — главный очаг культуры и знаний. Мы видим свою очень важную воспитательную задачу в том, чтобы процесс развития и углубления знаний включался в общественную жизнь села. Одна из самых существенных черт воспитывающего обучения — подготовка учащихся к просветительной работе. Наши учителя, преподающие в старших классах, готовят своих питомцев к этой общественно полезной деятельности. В селе около 2 тысяч домов, все они распределены на 180 очагов культуры. Центр *очагов культуры* — хата одного из колхозников. Сюда время от времени собираются колхозники и рабочие. К ним приходят 3—4 старшеклассника, проводятся Ленинские чтения, вечера естественных научных знаний, художественной литературы.

Ученики-комсомольцы не просто несут свои знания людям — они как бы отчитываются перед старшим поколением. Юношам и девушкам приходится не только излагать свои знания, но и убеждать, нередко вступать в борьбу с антинаучными взглядами. Встретившись с ложными представлениями о вещах и явлениях окружающего мира, иногда — с суевериями, с невежеством, комсомолец не просто отрицает: «Нет, это не так». Мы учим своих питомцев: убеждайте, рассеивайте религиозные и антинаучные предрассудки светом науки, будьте непримиримы ко всему, что противоречит истине, но помните, что антинаучные взгляды и убеждения крепко укоренились в сознании отдельных людей, и чтобы их рассеять, надо много знать и уметь, быть твердо убежденными. В подавляющем большинстве случаев наши учащиеся справлялись со своей нелегкой миссией просветителей, а неудачи еще увеличивали их решимость познавать науку, обостряли жажду к знаниям.

В процессе передачи знаний другим ученик многое уясняет для самого себя, у него возникает множество

вопросов, он стремится выяснить тончайшие «извилины и повороты» мысли, скрытые причинно-следственные связи. Нет более активной формы применения и развития знаний, чем использование их в общественной просветительской работе. Утверждая, отстаивая, защищая истину, молодой человек утверждает в ней сам, возникает потребность в дальнейшем расширении и углублении знания. Как добиться, чтобы юношеству хотелось учиться? Эта цель никогда не будет достигнута, если знания останутся в сознании ученика «ценностями для себя», если они не приобретут нравственной окраски, не будут переживаться как радость, честь, богатство, достоинство личности.

29. КАК РАСПРЕДЕЛИТЬ ТРУД ШКОЛЬНИКОВ ПО ВРЕМЕНАМ ГОДА

Это одна из важных проблем, связанных с физическим развитием и укреплением здоровья школьников, с их всесторонним развитием. Год состоит из периодов, в каждый из которых жизнедеятельность человеческого организма протекает по-разному. Хорошо известно, например, что к весне защитные силы организма ослабевают, к осени — крепнут. Учитывать эти циклические колебания особенно важно в школе — ведь мы имеем дело с растущим, развивающимся организмом, с формирующимся мозгом, на который внешняя среда оказывает очень большое влияние. Учение, умственный труд весной, особенно в начальных классах, должны быть совершенно не такими, как осенью.

В младших классах я советую распределять умственный труд школьников на год таким образом, чтобы примерно к середине третьей четверти (конец февраля) в основном закончилось изучение важнейших теоретических обобщений по грамматике и арифметике. Умственный труд в последней четверти, которая приходится на весну, должен включать в себя в основном те виды работы, которые развивают, углубляют, систематизируют приобретенные ранее знания. Весной я советовал бы также усилить выработку умений, необходимых для успешного учения дальше, в будущем учебном году. Весна как бы специально предназначена для наиболее интенсивных наблюдений. Весной надо накапливать факты для теоретических обобщений в первых двух четвертях предстоящего учебного года. Диспропорция между умениями и знаниями, о кото-

рых шла речь выше, как раз и возникает из-за того, что весной, как и осенью, происходит формирование сложных теоретических понятий.

В средних и старших классах тоже надо использовать все возможности, чтобы в максимальной мере облегчить умственный труд весной. Нельзя не учитывать того, что в силу истощения запаса витаминов, особенно в организме подростков, весной чаще всего ослабляется зрение и возникают заболевания глаз, а глаза играют исключительно важную роль в умственном труде. Нельзя откладывать на последнюю четверть, как это нередко бывает в практике многих школ, чтение наиболее крупных художественных произведений, перечитывание многих страниц учебников истории и литературы с целью повторения. Особенно недопустима установка на механическое повторение, ничем не отличающееся от первичного изучения материала. Весна должна нести ученику, образно говоря, обновление методов обучения. *Готовьтесь* к урокам в четвертой четверти так, чтобы красной нитью вашей методики было приведение уже имеющихся знаний в состояние активной деятельности, подвижности. Не обязательно, чтобы в связи с этим ученики постоянно сидели над книгой, обобщая материал разных разделов по вопросам, данным учителем. Заставить знания активно действовать можно и в обзорных лекциях, посвященных обобщению ряда вопросов программы. Учитывая усталость старшеклассников, надо учителю уметь взять на себя труд, облегчающий повторение.

В течение многих лет я всегда давал задание на лето ученикам VIII—IX классов: прочитать художественные произведения, которые будут изучаться в предстоящем году. Это значительно облегчало умственный труд, снимало перегрузку, освобождало четвертую четверть от чрезмерного напряжения.

У вас может возникнуть вопрос: как же практически добиться того, чтобы в четвертой четверти в какой-то мере было облегчено напряжение умственного труда? Ведь во многих школах дети «стонут» от множества заданий. Что же будет, если умственный труд в первых трех четвертях сделать еще интенсивнее?

Да, этот вопрос — один из самых острых и трудных в нашем педагогическом деле. Но я осмеливаюсь сказать, что в программах средней общеобразовательной школы перегрузки нет. Перегрузка — в нашей практической

работе, дорогой мой товарищ, в методах обучения. Если бы педагогический труд был поставлен на научную основу, если бы были использованы и раскрыты все возможности детства, отрочества и ранней юности (особенно детского возраста), в общеобразовательной школе можно было бы изучить не один, а два иностранных языка, причем практического овладения языками можно было бы достигнуть уже в начальной школе.

Что же надо сделать, чтобы не было перегрузки в практической работе? Ответить на этот вопрос так же нелегко, как дать, например, ответ на всеобъемлющий вопрос о том, как добиться, чтобы из школ не выходили недоученные, плохо воспитанные, поверхностно образованные юноши и девушки. Предотвратить перегрузку — это значит, во-первых, с трех-, четырех-, пятилетнего возраста ребенка заботиться о богатом интеллектуальном фоне, на котором происходит его умственное развитие в семье, а отсюда — постоянно повышать педагогическую культуру родителей; во-вторых, не допускать диспропорции в умениях и знаниях, обеспечивать процесс овладения знаниями, умениями учиться — важнейшими инструментами умственного труда школьников; в-третьих, на практике реализовать одно из важнейших теоретических положений педагогической психологии и, следовательно, дидактики: нет абстрактного ученика; давать глубокие знания — значит видеть умственный труд каждого ребенка; в-четвертых, заботиться о постоянном развитии знаний, о том, чтобы они «вводились в оборот», не оставались в голове окостеневшим грузом; в-пятых, не допускать, чтобы учение превращалось в бесконечное наверстывание упущенного, не подтягивать без конца «хвосты». Одним словом, не допускать перегрузки — это значит делать все, о чем говорилось выше. Но есть два очень важных условия, которые опять же, как и многое из того, о чем говорилось до сих пор, связаны буквально со всем, что делается в школе. По поводу этих двух условий предотвращения перегрузки мне хочется дать специальные советы.

30. ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ВОСПИТАННИКА

Это — вопрос, связанный со всем, что делается в школе. Если учителя думают только о том, как бы заставить школьников сидеть побольше над учебниками, как отвлечь

их внимание от всего другого, — неизбежна перегрузка. Незавидна судьба школьника, который ни о чем другом не думает, кроме урока, учебника, домашнего задания, оценки. Не допускайте, чтобы вашего питомца захлестнуло школярство. Кроме привычного круга школьных дел, представлений, интересов, у него должна быть богатая, многогранная *интеллектуальная жизнь*. Речь идет о чтении школьника, особенно в подростковом возрасте.

Если вас назначили классным руководителем или, как говорят, воспитателем V класса, поставьте перед собой как одну из главных задач формирование этой духовной потребности. Составьте список книг, которые питомцы ваши должны прочитать за годы обучения в средней школе. Добивайтесь, чтобы эти книги были в классной библиотеке.

Я не представляю себе полноценного, всестороннего развития подростка, юноши, девушки без того, чтобы у них не было своих любимых книг, своих любимых писателей. Воспитывая человека, проектируя его личность, я всегда стремился к тому, чтобы уже в начальной школе у каждого моего питомца была своя маленькая библиотека. В средних и старших классах это уже солидная библиотека, в которой насчитывается сто — сто пятьдесят книг. Как музыкант не может жить без того, чтобы не брать в руки свой любимый инструмент, так думающий человек не может жить без перечитывания любимых книг.

Ввести каждого учащегося в мир книг, воспитать любовь к книге, сделать книгу путеводной звездой в интеллектуальной жизни — это зависит от учителя, от того, какое место в его собственной духовной жизни занимает книга. Чтение станет духовной потребностью вашего питомца при условии, если он почувствует, что ваша мысль постоянно обогащается, если убедится, что сегодня вы не повторяете то, что говорили вчера.

Застой, обеднение интеллектуальной жизни учителя, рождение у него такой черты, которую можно назвать *неуважением к мысли*, — все это ясно отражается на педагогической деятельности. Я знаю учителя, которому «опостыло все», ему не хочется, как он говорит, постоянно повторять одно и то же. Воспитанники чувствуют в его словах застывшую, окостеневшую мысль. За неуважение к мысли они платят неуважением к учителю. Но опас-

нее всего то, что, как и воспитателю, им не хочется думать.

Интеллектуальную жизнь личности нельзя представить как узкий, замкнутый мирок. Обогащая интеллектуальную жизнь коллектива, человек в то же время пользуется и его духовными богатствами. Мы стремимся в своей школе к тому, чтобы было много коллективов, в которых ключем была бы умственная жизнь. Это прежде всего научно-предметные кружки: научно-математический, научно-технический, научно-химический, научно-биологический, научно-литературный, философский. Может быть, в слове *научный* есть какое-то преувеличение, но все-таки оно отражает истину: подростки, юноши и девушки вступают на тропу научного мышления. К этим кружкам ни в коем случае нельзя относиться как к придатку предмета или средству предупреждения неуспеваемости, это — очаг интеллектуальной жизни. В кружках царит дух пытливости, любознательности. На занятиях научно-предметных кружков ученики, конечно, рассказывают о том, что они читают (доклады, сообщения), но здесь есть одна черта, придающая мысли подлинно творческий характер: истинами, закономерностями, о которых рассказывают своим товарищам подростки, юноши и девушки, они *дорожат*, относятся к ним, как к своему богатству, добытому личными усилиями; с этими богатствами, к тому же, связываются мысли о труде и творчестве, о будущем.

На занятиях и вечерах научно-предметных кружков бывают и трудноуспевающе мальчики и девочки, для которых перегрузка — особенно грозная опасность. Атмосфера богатых интеллектуальных интересов побуждает их к чтению, а чтение для них — важнейшее спасительное средство для успешного учения.

31. ЧТОБЫ НЕ БЫЛО ПЕРЕГРУЗКИ — НЕОБХОДИМО СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

Это кажется с первого взгляда парадоксом: ученик может успешно учиться лишь при том условии, когда не все время у него идет на учение, а остается много свободного времени. Но это не парадокс, а логика педагогического процесса. Чем плотнее насыщен рабочий день ученика школьными занятиями, чем меньше остается у него времени для того, чтобы подумать о чем-то непосредственно

не связанном с учением, — тем больше вероятность перегрузки, отставания.

Проблема свободного времени — это одна из важнейших проблем не только обучения, но и интеллектуального воспитания, всестороннего развития. Свободное время необходимо ученику, как воздух для здоровья: оно необходимо для того, чтобы ученик успешно учился и не чувствовал постоянной угрозы отставания (знаете, как бывает: стоит ребенку проболеть несколько дней, как он уже очень отстал). Свободное время — первое условие богатства интеллектуальной жизни воспитанника, условие того, чтобы в его жизни было не только учение, а значит и того, чтобы учение было эффективным.

Свободное время ученика рождается на уроках, его творцом является умный, думающий учитель. Его первый помощник в создании свободного времени — сам ученик, от него в большой мере зависит, в каком состоянии находятся знания — в состоянии подвижности, активности, или же в состоянии окостенения. Но есть еще одно условие, от которого зависит создание свободного времени. Это *режим труда и отдыха*.

Прежде всего на основе многолетнего опыта я хочу предостеречь, что недопустимо в режиме умственного труда. Совершенно недопустимо, чтобы сразу же после школьных уроков ученик на несколько часов садился за книги и тетради, чтобы 3—4, а то и 5—6 часов, как это нередко бывает в старших классах, во вторую половину дня ученик по существу был занят таким же интенсивным умственным трудом, как и на уроках. 10—12 часов ежедневного сидения над книгой, слушания, осмысливания, запоминания, припоминания и воспроизведения с целью ответа на вопросы учителя — это непосильный, изнурительный труд, который в конце концов подрывает физические и умственные силы, порождает равнодушие, безразличие к знаниям, приводит к тому, что у человека есть только учение и нет *интеллектуальной жизни*.

Опыт показывает: можно организовать умственный труд таким образом, что вторая половина дня будет свободна от сидения над книгами и тетрадями. Вторая половина дня должна быть свободным временем ученика. В это время ученик читает, участвует в работе научно-предметных кружков, трудится среди природы, наблюдает явления природы и труд людей.

Другими словами, во вторую половину дня должна происходить умственная деятельность, представляющая собой развитие, трансформацию знаний. Заметьте — не безделье, а развитие знаний. Успех в стремлении добиться того, чтобы во вторую половину рабочего дня ученики делали именно то, что нужно делать для полноценного умственного развития и успешного учения, зависит от культуры всего педагогического процесса. Особенно важно, чтобы во вторую половину дня было чтение — чтение из интереса, из желания знать, а не из необходимости заучить, запомнить.

Вы спросите, мой уважаемый коллега: а когда же детям выполнять домашние задания?

Рано ложиться спать и рано подниматься, выполнять домашние задания утром, перед уходом в школу — вот основной принцип режима труда подавляющего большинства наших учащихся. В течение многих лет мы разъясняем родителям доказанную наукой необходимость раннего отхода ко сну, раннего пробуждения и пользу от интенсивного умственного труда в первые 8—10 часов после пробуждения. Выросло новое поколение родителей, которым мы дали педагогические знания в родительской школе, и среди этих знаний на первом месте — культура и гигиена умственного труда детей. Нам удалось добиться того, что 90% детей, подростков, юношей и девушек придерживаются следующего режима труда и отдыха: ученики младших классов ложатся спать в 9, средних и старших классов — в 10 часов вечера. Младшие поднимаются в 6 часов утра (9 часов сна), подростки, юноши и девушки — в 5.30 (7,5 часов сна). В кратких советах нет возможности давать полное научное обоснование целесообразности такого режима. Но надо сказать, что чем продолжительнее сон в конце суток (до 12 часов ночи), тем больше он снимает усталость, тем легче пробуждение, тем быстрее включается человек в умственный труд. У учеников между пробуждением и уходом в школу — 2—2,5 часа на подготовку к урокам — это и есть центральный момент нашего режима, по он является лишь составной частью всей системы воспитания. Многолетний опыт твердо убедил наш педагогический коллектив, что для выполнения всех домашних заданий не нужно больше 2—2,5 часов в старших классах (в средних и младших — меньше), — при условии, когда учение происходит на широком фоне

многогранной, богатой духовной жизни, когда знания постоянно развиваются в разнообразной умственной деятельности, когда процесс овладения знаниями обеспечивается, образно говоря, полным набором инструментов — умений, когда индивидуальные силы, задатки, способности каждого ученика раскрываются в любимом предмете, — ведь все это взаимосвязано. Без этого совершенно невозможно заимствовать опыт, о котором я рассказываю. Если, не имея перечисленных выше условий, попытаться сделать *только это* — заставить учеников рано вставать и выполнять домашние задания перед уходом в школу, — ничего не выйдет. (Многие факты из жизни ряда школ убедили меня в том, что нередко даже самый ценный опыт не может быть использован потому, что он «пересаживается» в неблагоприятную среду; например, если дети не умеют как следует читать, и учитель этого не видит, а их учат писать сочинения — ничего не получится).

После выполнения домашних заданий ученик идет в школу. Дорога в школу — это отдых. Дальше начинается период наиболее интенсивного умственного труда — уроки. Надо добиваться, чтобы среди уроков, на которых требуется значительное интеллектуальное напряжение, был час или, по возможности, два часа отдыха, в виде изменения характера деятельности (уроки физкультуры, рисования, пения, труда и др.).

Два-два с половиной часа умственного труда утром несравненно эффективнее, чем четыре-пять часов сидения над книгами и тетрадями после уроков. Но дело не только в эффективности. Надо думать о здоровье ребенка, о том, что я назвал бы *равновесием* в суточном режиме умственного труда. Для того чтобы одна часть суток могла быть насыщена интенсивным умственным трудом, другая часть суток должна быть свободной от интенсивного умственного труда. Во вторую половину дня, представляющую собой *свободное время* школьника, надо организовать умственный труд, учитывающий очень интересные особенности детства. Какие это особенности и как их учитывать — об этом речь пойдет в следующем совете.

Для ребенка время протекает совершенно не так, как для взрослого, — об этом нам нельзя никогда забывать. Тот, кто не учитывает этой особенности детства, на пути к сердцу ребенка зачастую встречает стену непонимания. Солнечный летний день, проведенный в лесу, — это для ребенка целый год, а месяц в пионерском лагере — целая вечность. Не стесняйте детей жестким регламентом плана, дайте им присмотреться и насмотреться. Отведите, может быть, целый час на то, чтобы дети занимались каждый своим делом. Этого требует природа детства, без этого невозможно восприятие и мышление ребенка.

Помните, что на каждом шагу перед ребенком открывается что-то новое, неизвестное, что увлекает его, захватывает ум и сердце, и ребенок уже не в состоянии не то что думать, но и чувствовать течение времени. Нет ничего удивительного в том, что, захваченный вот так плавным, медленным, но неудержимым течением реки детства, ребенок забывает — да, совершенно забывает о том, например, что ему надо сегодня выполнять домашние задания... Не удивляйтесь, мой дорогой коллега, что ребенок, бывает, чистосердечно говорит вам, когда вы с удивлением спрашиваете о задании: «А я и забыл о нем». Он говорит об этом не как о своей вине, а как о чем-то странном, непонятном, удивительном для себя. Не удивляйтесь и тому, что на уроке, засмотревшись, как на стенке класса *играет* тень дерева в солнечном зайчике, ребенок не слышит абсолютно ничего из того, что вы говорите. Да, он не слышит, это действительно так, потому что его подхватило течение реки детства, время воспринимается им совершенно не так, как вами. Не кричите на него, не выставляйте его перед классом как невнимательного и неусидчивого — это совершенно не то, что нужно. Тихонько подойдите к нему, возьмите за руки, пересадите из чудесного челнока детства в катер познания, на котором плывет весь класс. А еще важнее — не стесняйтесь время от времени и сами пересестись к ребенку в его детскую ладью, побыть с ним, посмотреть на мир его глазами. Поверьте, если вы научитесь это делать, не станет в школьной жизни многих из тех конфликтов, которые чаще всего возникают из-за непонимания: учитель не понимает, что и почему делает

ребенок, почему он так поступает, а ребенок не понимает, что хочет от него учитель.

Я, взрослый человек, увлечен чем-то интересным, мне трудно оторваться от того, что меня увлекает и доставляет удовольствие, но где-то в глубине подсознания мне не дает покоя мысль: а ведь работу-то за меня никто не сделает. Этот сигнал из подсознания помогает нам контролировать течение времени. У ребенка нет этого контроля. Он забывает о времени. Его надо учить пользоваться свободным временем.

Как учить? Требовать, чтобы он думал, указывать, что, увлекаясь чем-нибудь, он забывает о работе? Предохранять его от общения с увлекательными вещами?

Нельзя этого делать. Нельзя ломать природу детства. Учить пользоваться свободным временем — это значит добиваться того, чтобы интересное, изумляющее ребенка было в то же время нужным, необходимым для его ума, чувств, всестороннего развития. Другими словами, время ребенка должно быть насыщено увлечениями, которые развивали бы его мысль, обогащали знаниями и умениями и в то же время не разрушали очарования детства. Создать для ребенка свободное время — это не значит предоставить ему возможность делать, что захочется. Стихийность может воспитать безделье, нерадивость.

Научить пользоваться свободным временем можно не разъяснениями (разъяснений маленькие дети еще не поймут), а организацией деятельности, показом, коллективным трудом.

33. ПРИВЕДИТЕ КАЖДОГО УЧЕНИКА К ОЧАГУ УВЛЕЧЕННОСТИ

Продумайте, где и как будет использовать каждый ваш воспитанник свободное время (не проводить, а именно использовать). Использовать разумно.

Здесь опять надо возвратиться к книге. Важнейшим очагом увлеченности должно быть чтение. Школа должна быть царством книги. Вы можете работать в отдаленном уголке страны, ваше село может быть удалено на тысячи километров от культурных центров, в школе многого может не хватать, — но если у вас царствует книга, вы можете работать на том же уровне педагогической культуры

и достигнуть тех же, результатов, что и в центре. И не бойтесь, что книга будет отвлекать ученика от знаний.

В I—III классах обязательно надо создавать (в каждом классе отдельно) уголки книги, выставлять здесь книги умные и в то же время интересные для детей. Пусть каждый ученик постоянно пользуется этой первой в своей жизни библиотечкой. Я бы не советовал ученикам I—III, по крайней мере, I—II классов брать книги в школьной библиотеке: лучше учителя никто не знает, что надо читать ученику. Бывает, ему надо дать почитать единственно необходимую в данный момент, *свою* книгу; об этом никто не может знать так хорошо, как учитель.

Помните, что никакое увлечение не принесет пользы, если оно не затрагивает мысли, души, сердца. Подчеркиваю, что первым увлечением должно быть увлечение книгой. Его надо сохранить на всю жизнь. Что бы вы ни преподавали — литературу или историю, физику или черчение, биологию или математику — первым очагом увлеченности, к которому вы должны привести своего питомца (если только вы хотите быть его воспитателем) должна быть книга.

Книга — это тоже школа, в мире книг надо научить путешествовать каждого питомца. Вот почему я советую начинать с классной библиотечки, потом постепенно учить пользоваться школьной библиотекой. Предоставить стихии это ни в коем случае нельзя. Пойдите со своими детьми в школьную библиотеку, ознакомьте их с книгами, которые там есть, посоветуйте, какие можно брать читать. Дайте библиотекаряю список рекомендованной для чтения литературы (список, конечно, должен включать книги, которые стоят на библиотечных полках).

Вторым очагом увлеченности, к которому надо привести каждого воспитанника, является увлеченность любимым предметом. Влюбленность в предмет, интеллектуальная активность возможны лишь тогда, когда у человека есть в школьные годы это самое бесценное богатство — свободное время. Педагогическому коллективу надо глубоко продумать, как достигнуть того, чтобы во вторую половину дня в школе загорелось множество очагов, которые бы звали к углубленному изучению различных отраслей науки. Это не только научно-предметные кружки, о которых шла речь выше. Это также такая активная деятельность, в которой теоретические знания становятся главным сти-

мулом творчества, решения умственных и трудовых задач. Такими очагами интеллектуальной увлеченности у нас в школе стали две «Комнаты трудных дел» — одна по физике и технике, другая по биологии и агротехнике. Здесь вся работа построена на самодеятельности. Заведуют комнатами ученики старших классов, двери сюда открыты для всех — от первоклассника до десятиклассника. Здесь решаются разнообразные технологические и биологические задачи. Ученикам предлагается, например, сконструировать действующую модель устройства, в котором можно было бы одну рабочую часть заменять другой, которое можно было бы использовать для нескольких трудовых операций. По биологии предлагается задача: в течение двух лет превратить мертвую глину в плодородную почву, вырастить на ней урожай, создать условия для жизнедеятельности полезных микроорганизмов.

От того, как ученик использует свободное время, зависит многое. Формируйте у своего питомца разумные увлечения.

34. ВОСПИТЫВАЙТЕ ТРУДОВЫМИ УВЛЕЧЕНИЯМИ

Десятилетия работы в школе убедили меня в том, что труд играет исключительно важную роль в умственном развитии. Ум ребенка — на кончиках его пальцев.

Это педагогическое убеждение возникло из наблюдений. Я видел, что у детей с золотыми руками, у тех, кто любит труд, формируется ясный, пылливый ум. Речь идет не о всяком труде, а прежде всего о сложном, творческом труде, в котором — мысль, тонкое умение, мастерство. Факты с каждым годом все больше убеждали, что здесь есть непосредственная связь. Чем выше мастерство, которым овладела и овладевает рука, тем умнее ребенок, подросток, юноша, тем ярче проявляется у него способность к вдумчивому анализу фактов, явлений, причинно-следственных связей, закономерностей.

Я стремился осмыслить научные основы этой зависимости, читал труды ученых и в то же время изучал различные стороны и явления учебно-воспитательного процесса. Стремясь практически использовать труд в целях умственного воспитания детей и подростков, встречающих затруднения в учении, мы вовлекали их в работу, связанную с овладением сложными практическими умениями и навыками. Характерной особенностью этого труда была

зависимость между отдельными его этапами и операциями, то, что он требовал большого внимания, сосредоточенности, вдумчивости. Между действиями руки и мыслью осуществлялся постоянный контакт: мысль проверяла, исправляла, совершенствовала трудовой процесс, рука как бы сообщала ей о деталях, тонкостях и труд развивал разум, учил мыслить логически последовательно, углубляться в те зависимости между отдельными фактами и явлениями, которые недоступны для непосредственного наблюдения.

Вовлечение в сложный, умный труд учащихся с замедленным, хаотическим мышлением, длительные наблюдения над их трудовой деятельностью — все это помогло лучше увидеть пути формирования мышления. Я понял, что если в учении человек встречает затруднения, то самая главная причина их кроется в неумении *увидеть* отношения и взаимосвязи, т. е. в неумении мыслить от «фактов». Увидеть же отношения и взаимосвязи скорее всего можно там, где они предстают в наглядном виде, — в трудовой деятельности.

Опыт убеждает, что для умственного развития школьников надо выбирать следующие виды труда:

а) Конструирование и монтирование действующих моделей установок, механизмов, приборов. У нас не было ни одного трудноуспевающего ученика, который бы не работал в школьной мастерской над моделями *хитроумных* машин, механизмов, приборов, установок. Первоисточником, стимулом мысли здесь является осмысливание отношений и взаимосвязей. В течение двух лет один из кружков юных конструкторов-моделистов конструировал универсальный станок по обработке дерева. В кружке работали пятнадцать учеников, среди них — три трудноуспевающих. Важнейшей чертой труда, пробуждающей и развивающей ум, — было постоянное развитие замысла. Замысел будущего станка всегда был как бы перед глазами подростков, юношей и девушек. Правильность, целесообразность замысла проверялась тем, что кружковцы пробовали, как *взаимодействуют* узлы и детали в различных конструктивных вариантах. Что может быть при таком-то условии, что было бы при таком-то условии? — осмысливание этих и аналогичных вопросов способствовало тому, что ученики как бы оглядывались назад и заглядывали вперед, анализировали, сопоставляли.

Осмысливание взаимодействий в трудовом процессе — прекрасное, по-моему, ничем не заменимое средство развития той важнейшей сферы мышления, которая связана с причинно-следственными, функциональными, временными связями. Исключительная ценность размышлений о взаимодействиях заключается в том, что мысль находится в движении, в поисках, перед мысленным взором человека — несколько наглядных представлений, связанных с обобщающей мыслью. Здесь происходит тот переход от конкретного к обобщающему, без которого невозможно мышление и которого как раз и не хватает трудноуспевающим ученикам.

б) Выбор способов передачи, преобразования, трансформации энергии и движения. Речь идет о конструировании и монтаже моделей и механизмов, установок, приборов, устройств машин, в которых, например, электрическая энергия преобразуется в механическую или тепловую, прямолинейное движение — во вращательное или наоборот. Здесь мысль мгновенно как бы переключается от абстрактного, обобщающего к конкретному — к представлению, образу, картине. Как воплотить обобщающую идею в реальное, конкретное действие? — углубление в этот вопрос пробуждает мыслительные силы, заставляет искать конструктивное решение в том, что уже было известно. Выбор способов передачи, преобразования воспитывает наблюдательность и пытливость разума (как раз то, чего не хватает трудноуспевающему ученику): человек присматривается к деталям, частностям, элементам единого целого, ищет в конкретном общее, учится переносить общую идею с одного конкретного случая на другой. Все это должно находить свое отражение в мастерстве руки, в умении. Мы добиваемся того, чтобы объект труда, назначение которого — развитие разума, был подвижным, изменяющимся, чтобы в человеке объединялся творец замысла и мастер, осуществляющий замысел. Как можно больше экспериментирования, опытов, как можно больше умных движений рук, пальцев — вот один из принципов воспитания ума в процессе труда.

в) Выбор способов обработки материалов, выбор инструментов и механизмов, технологических приемов обработки. Мы стремимся к тому, чтобы инструмент как бы сливался с рукой, становился частью ее. Нельзя представить себе воспитание тонкого, творческого ума без того,

чтобы человек не научился тончайшему воздействию своей руки и своей мысли на объект труда. В этом воздействии — реальное слияние мысли и труда рук. Когда человек обрабатывает что-нибудь руками с помощью ручных или механических инструментов, происходит сложнейшее явление: в каждое мгновение много раз передаются сигналы от руки к мозгу и от мозга к руке; мозг учит руку, рука развивает, учит мозг. Замысел в это время не только осуществляется, но и постоянно развивается, углубляется, изменяется. Нить мысли при этом не может прерваться. Обработка материалов ручными и простейшими механическими инструментами — прекрасное средство «лечения» трудноуспевающих учеников, у которых нет умения охватить мысленным взором трудовой процесс, требующий продолжительного времени.

г) Создание среды, необходимой для нормального развития жизненных процессов (у растений и у животных), управление этой средой. С таким трудом ученики должны иметь дело в сельскохозяйственном опытничестве (растениеводство, животноводство). Это прекрасное средство *перехода* конкретных представлений в обобщения и перехода от выводов и обобщений к практике. Воспитательная особенность этих видов труда заключается в том, что человек мысленно охватывает *процессы*, протекающие длительное время в изменяющихся условиях, при этом надо сознательно влиять на эти условия, изменять их. По моему твердому убеждению, сельскохозяйственный труд — это один из самых *умных* видов трудовой деятельности. В кружки юных растениеводов, селекционеров, биохимиков, агротехников у нас включаются наиболее «трудные» ученики, встречающие, казалось бы, непреодолимые препятствия на пути к знаниям. Умный сельскохозяйственный труд учит их мыслить.

В одном из кружков юных опытников, где уже свыше пятнадцати лет в творческом труде участвуют трудноуспевающие дети и подростки, решаются такие две проблемы: влияние условий среды на энергию прорастания семян и жизнедеятельность растения в первый период его развития; влияние почвы и внешних условий на плодоношение.

Для того, чтобы рука развила разум, необходимо, конечно, постоянное чтение: книга формирует не только умную голову, но и умные руки.

35. КАК ДОБИТЬСЯ, ЧТОБЫ УЧЕНИКИ БЫЛИ ВНИМАТЕЛЬНЫ?

Я иду с двадцатью семью маленькими детками на луг — надо показать им, как различные растения распространяют свои семена. Растения, к которым идем мы с малышами, растут где-то в дальнем конце луга. Чтобы удержать всех возле этих растений, я привязываю мальчиков и девочек к себе тоненькими шелковыми ниточками внимания. Это поистине символические узы. Среди растений, рядом с ними — десятки самых разнообразных, очень интересных вещей, и стоит ребенку только направиться к какой-нибудь из них, как шелковая ниточка разорвалась, и то, о чем я рассказываю, что показываю ребенку, он уже не видит, не слышит — мысль его уже где-то далеко. Вот вспорхнула пестрая бабочка, к ней устремились любопытные глазенки Вани и Коли, Нины и Наталочки — и уже лопнули четыре шелковых ниточки. Из-под ног прыгнул лягушонок — еще несколько ниточек разорвалось...

Такое очень часто бывает и на уроках. Как же удержать возле себя стайку этих неусидчивых, любопытных малышей, готовых ежеминутно броситься за бабочкой? Как рассказом о скучных, неинтересных вещах увлечь подростка, у которого в момент начала вашего рассказа на уме что-то интересное, увлекательное, волнующее?

Управление вниманием — одна из наиболее тонких и еще очень мало исследованных сфер педагогического труда. Чтобы управлять вниманием, надо глубоко знать психику ребенка, его возрастные особенности. Многие годы работы в школе убедили меня в том, что овладеть вниманием ребенка можно лишь создав, утвердив, сохранив его определенное *внутреннее состояние* — эмоциональную приподнятость, интеллектуальное воодушевление, связанное с чувством властвования над истиной, с умственной гордостью.

Это состояние надо создавать всей системой умственного воспитания. Состояние эмоциональной приподнятости, о которой идет речь, невозможно создать только какими-то специальными приемами на самом уроке, например, удачно подобранными средствами наглядности. Это *состояние* зависит от многого — от культуры мысли и чувства, от кругозора ученика.

Овладение вниманием — это очень тонкое, филигранное воздействие педагога на мысли ребенка. Я знаю, например, что ученики в течение года будут изучать по зоологии много, на первый взгляд, неинтересного — строение организма червей, их жизнедеятельность. При изучении этого материала никак не овладеешь вниманием детей, если в их сознании не будет мыслей, за которые, как говорят, «можно зацепиться». Внимательность учеников здесь обуславливается знанием ряда истин, в свете которых совершенно неинтересный материал будет восприниматься как интересный. Такими истинами в данном случае являются: роль полезных червей (например, дождевого) в образовании почвы, в жизнедеятельности растений, всеобщее равновесие между явлениями природы, скрытая от взгляда зависимость одних явлений от других.

Готовя нужное мне эмоциональное состояние учащегося, необходимое для внимательного восприятия материала о червях, я даю подросткам интересные книги о природе, о жизни почвы. Мои рассказы и объяснения, связанные с неинтересным, с первого взгляда, материалом, направлены к мыслям учащегося. Я как бы прикасаюсь к их мыслям, и то, о чем идет рассказ, вызывает в их сознании интерес. Интерес этот вызывается прежде всего внутренними стимулами, побуждениями: тем, что мысль, отложившаяся в сознании школьника в процессе чтения, как бы оживает, обновляется, устремляется к моим мыслям, — ученик не просто слышит, воспринимает новый для него материал, он извлекает из глубин своего сознания факты, явления, *думает над ними*.

Непроизвольное внимание должно сочетаться с произвольным. Это сочетание появляется тогда, когда ученик слушая думает, а это возможно лишь при условии, если в сознании уже есть «затравка для мышления», то есть о сообщаемом предмете ученику уже кое-что известно. Чем активнее мысль в процессе восприятия учебного материала, тем легче ученику учиться. Внимание, подготовленное чтением, — одно из самых главных условий облегчения умственного труда. Там, где на уроках непроизвольное внимание учеников сочетается с произвольным, нет изнурения, усталости.

Если учитель не думает над тем, чтобы создать у учеников внутреннее состояние эмоциональной приподнятости, интеллектуального воодушевления, знания вызы-

вают только равнодушные, а бесчувственный, умственный труд приносит усталость. Даже самый добросовестный ученик, преднамеренно сосредоточивая свои усилия на осознании и запоминании материала, вскоре «выбивается из колеи» — теряет способность осмысливать причинно-следственные связи. И чем больше он напрягается, тем труднее ему удержать мысли. Те школьники, которые ничего, кроме учебника, не читают, очень поверхностно овладевают знаниями на уроке и все перекладывают на домашнюю работу. Перегруженные домашними заданиями, они не имеют времени для чтения научной литературы, журналов. Так получается «заколдованный круг».

Общеизвестно, что интерес к предмету и внимательность учеников увеличиваются средствами наглядности. Но наглядность как принцип обучения имеет более широкое значение, и если усматривать в наглядных пособиях только средство возбуждения внимания учащихся, то это грозит примитивизмом и в обучении, и особенно в умственном воспитании.

36. НАГЛЯДНОСТЬ — ТРОПИНКА ПОЗНАНИЯ И СВЕТА, ОЗАРЯЮЩИЯ ЭТУ ТРОПИНКУ

Единственным средством воспитания внимательности является воздействие на мысль, и наглядность лишь в той мере способствует развитию и углублению внимательности, в какой она стимулирует процесс мышления. Наглядный образ предмета может сам по себе привлечь внимание на продолжительное время, но цель применения наглядности заключается вовсе не в том, чтобы на весь урок приковать внимание ученика, — средство наглядности приносится на урок для того, чтобы на каком-то этапе познания дети отвлеклись от образа, перешли мысленно к обобщающей истине, закономерности. В практике бывают довольно неожиданные случаи, когда наглядные пособия, приковав внимание детей какой-то деталью, не помогают, а мешают осмыслить абстрактную истину, к которой хотел подвести детей учитель. Однажды я принес детям действующую модель водяной турбины. Струя воды, двигавшая колесо, разбиваясь, образовывала мелкую пыль, в которой солнечные лучи отражались радугой. Я не заметил радуги, дети же ее заметили, и все их внимание было приковано не к обобщающим выводам, к которым

я хотел их подвести, а к интересному явлению природы, в данном случае совершенно случайному. Урок не дал положительного результата.

Применение средств наглядности требует большой научно-педагогической подготовленности учителя, знания психологии ребенка, подростка, юноши, знания процесса овладения знанием.

Прежде всего надо помнить, что наглядность — это всеобщий принцип умственного труда маленьких школьников. К. Д. Ушинский писал, что дети мыслят «формами, звуками, красками и ощущениями»⁴. Эта возрастная закономерность требует, чтобы мышление маленького ребенка развивалось среди природы, чтобы он одновременно видел, слышал, переживал и думал. Наглядность — сила, развивающая внимательность, мышление, она придает эмоциональную окраску познанию. Благодаря одновременности видения, слухового восприятия, переживания и мышления в сознании ребенка формируется то, что в психологии называется эмоциональной памятью; с каждым представлением и понятием, отложившимся в памяти, связывается не только мысль, но и чувство, переживание. Без формирования развитой, богатой эмоциональной памяти не может быть и речи о полноценном умственном развитии в детстве. Я советую учителям начальных классов: учите детей мыслить у первоисточника мышления, среди природы и труда. Пусть слово, которое входит в сознание ребенка, приобретает яркую эмоциональную окраску. Принцип наглядности должен пронизывать не только урок, но и другие стороны учебно-воспитательного процесса, все познание.

Во-вторых, применяя наглядность, надо задумываться над тем, как от конкретного перейти к абстрактному, на каком этапе урока средство наглядности перестанет быть необходимым, когда ученики уже не должны обращать на него внимание. Это очень важный момент интеллектуального воспитания: средство наглядности нужно лишь на определенном *этапе* активизации мысли.

В-третьих, постепенно надо переходить от натуральных к изобразительным средствам наглядности, а потом к таким, которые дают символическое изображение предметов, явлений. Уже в I—II классах надо постепенно *отучать* детей от натуральных средств наглядности, но это ни в коей мере не значит, что можно вообще отказаться от

нее. Принцип наглядности опытные педагоги используют в течение всех лет обучения — от I до X класса, но из года в год воплощают его во все более сложных методах и приемах работы. И в десятом классе опытный словесник ведет своих питомцев в лес, на берег реки, в весенний цветущий сад — здесь происходит, можно сказать, шлифовка оттенков эмоциональной окраски слова, углубление и развитие эмоциональной памяти юношества.

Переход к изобразительным средствам наглядности — продолжительный процесс. Он не сводится к тому, что учитель вместо живого котенка приносит на урок котенка нарисованного. Изобразительное средство наглядности, даже если оно в точности передает форму, цвет и другие особенности средства натурального, всегда является обобщением. И задача педагога заключается в том, чтобы постепенно переходить ко все более сложным обобщениям в применении изобразительных средств наглядности. Особенно важно научить детей понимать символические изображения — зарисовки, схемы. Они играют очень большую роль в развитии абстрактного мышления. В связи с этим я бы хотел высказать пожелания относительно методики использования классной доски.

Классная доска существует не только для того, чтобы писать на ней, но и для того, чтобы учитель делал на ней зарисовки, схемы, чертежи — в процессе рассказа, объяснения, лекции. Преподавая историю, ботанику, зоологию, физику, географию, математику, я почти на всех уроках (примерно на 80% уроков истории, на 90% уроков ботаники, зоологии и географии, на 100% уроков физики и математики) использовал доску и разноцветные мелки. Без этого, на мой взгляд, невозможно представить процесс развития абстрактного мышления. Изобразительную наглядность я рассматриваю не только как средство конкретизации представлений и понятий, но и как средство выхода из мира представлений в мир абстрактной мысли.

Изобразительная наглядность является вместе с тем и средством умственного самовоспитания. Во II и III классах мои ученики всегда разделяли тетрадь по арифметике на две «полосы»: левая полоса — решение; правая полоса — наглядное, схематическое изображение задачи. Прежде чем приступить к решению, ученик *рисует задачу*. Научить нарисовать задачу — значит обеспечить переход от конкретного мышления к абстрактному. Дети вначале

рисуют предметы (яблоки, корзинки, деревья, птичек), потом переходят к схематическому изображению, обозначая их квадратами, кружочками и т. п. Особой моей заботой было рисование задачи трудноуспевающими учениками. Вряд ли научились бы они решать задачу, думать над ее условием, если бы не этот методический прием. Если малыш научился рисовать задачи, я с уверенностью мог сказать, что решать их он будет. Отдельные ученики не могли научиться изображать условие задачи несколько месяцев — это означало, что они не умели мыслить не только абстрактно, но и «формами, звуками, красками и ощущениями», их надо было учить образному мышлению, а уже потом постепенно переводить к мышлению абстрактному.

Если у вас в начальных классах есть трудноуспевающие по математике, попробуйте научить их рисовать задачи. Надо провести ребенка от ярких образов к их символическим изображениям, от изображений к пониманию отношений, зависимостей.

В-четвертых, от изобразительной наглядности постепенно переходите к словесно-образной. Словесный образ — это шаг на пути перехода от мышления «формами, звуками, красками и ощущениями» к мышлению понятиями. Опытные учителя начальных классов создают словом образ не только того, что невозможно показать (например, ледяные торосы в Арктике, извержение вулканов и т. п.), но и того, что можно увидеть в природе, в человеческом труде вокруг нас. Эти словесные образы имеют исключительно важное значение в формировании эмоциональной памяти, в обогащении того, что в психологии называется внутренней речью.

Здесь опять надо говорить о работе с трудноуспевающими учениками. Их умственное развитие, как показывает опыт, в большой мере зависит от того, насколько длителен, постепенен переход от образного мышления к мышлению понятийному. Отдельные трудноуспевающие ученики навсегда остаются *безнадежными*, и учитель не знает, что с ними делать, как пробудить их мышление, — главным образом из-за того, что они не проходят длительной школы «образного мышления»; учитель торопит их поскорее переходить к мышлению абстрактному, а они к нему совершенно не подготовлены. Ведь нередко трудноуспевающие ученики не могут привести свой пример к заученному с большим трудом правилу — это и есть одно из следствий

разрыва между образным и понятийным мышлением, результат поспешности учителя.

В-пятых, средство наглядности должно быть таким, чтобы дети обращали внимание на самое главное, самое существенное.

Повторим: наглядность требует большого искусства в ее использовании, знания души, мысли учащегося.

37. СОВЕТЫ УЧИТЕЛЮ, НАЧИНАЮЩЕМУ РАБОТАТЬ В ШКОЛЕ

Помню, как медленно шли первые десять лет моей работы в школе. Потом время *побежало* быстрее, а теперь кажется: вот только что начался учебный год, — и уже кончается. Это личное впечатление я высказал для того, чтобы напомнить начинающему педагогу одну очень важную истину: каким бы кипучим, неутомимым трудом ни были наполнены годы молодости, в эту пору всегда можно найти время для того, чтобы постепенно, шаг за шагом накапливать наше духовное богатство — педагогическую мудрость. Помните, что незаметно наступит 20-летие вашего педагогического стажа, вы вступите в пятое десятилетие своей жизни, придет пора, когда у вас не будет хватать времени, и вы с горечью скажете: «Эх, если бы знал, начал бы эту работу в молодости, легче было бы работать к старости. Ведь работать-то еще надо двадцать лет».

Что же надо начинать делать в годы молодости, чтобы не раскаиваться тогда, когда на горизонте — старость?

Многое, и прежде всего надо накапливать по крупице интеллектуальное богатство и педагогическую мудрость воспитателя. Перед вами большой жизненный путь, на нем вы встретитесь с самыми неожиданными человеческими судьбами, к вам будет обращен пытливый ум и взор юноши, ищущего ответ на вопросы: как жить? В чем счастье? Где истина? Чтобы ответить на эти вопросы, надо постигнуть диалектику стремления человека к правде, к торжеству идеалов народа, надо осмыслить и прочувствовать душой вершину борьбы человечества за лучшее будущее — коммунистические идеи и их воплощение в жизнь.

Чтобы быть настоящим воспитателем, надо всю жизнь овладевать теорией научного коммунизма, воспитывать самого себя в духе марксистско-ленинского мировоззрения.

Годы нужны для того, чтобы научить себя видеть мир, видеть человека глазами коммуниста — помните об этом. В вашей личной библиотеке должны быть важнейшие труды Маркса, Энгельса и Ленина об обществе, о революции, о воспитании. Воспитывать у самого себя коммунистическое мировоззрение — это не значит заучивать фразы из произведений классиков марксизма-ленинизма. Повторяю, прежде всего это значит учиться коммунистическому видению мира и человека.

Я хочу поделиться с вами, мой юный друг, тем, как в трудах Маркса, Энгельса, Ленина я находил и нахожу сейчас ответ на самые сложные вопросы практической работы. Каждый человек, жизненная судьба которого развивается передо мною, — это неповторимый человеческий мир. Я вижу свою важнейшую воспитательную задачу в том, чтобы в этом мире воплотился коммунистический идеал — преломился в своеобразных, глубоко индивидуальных чертах. Каждый раз, когда я вижу тончайшие повороты неповторимой человеческой судьбы, я испытываю потребность, чувствую необходимость снова и снова вдумываться в критерий, в идеальный образ коммунистического человека, во имя которого жили и боролись Маркс, Энгельс, Ленин. Я не могу глубоко вдуматься в конкретную жизненную судьбу без того, чтобы, образно говоря, не устремиться снова и снова в море мудрых мыслей о человеке — мыслей основоположников марксизма-ленинизма. В их трудах — энциклопедия коммунистического человековедения. Их мудрые мысли помогают понять логику развития коммунистического идеала, например, представления о все-сторонне развитой личности. Труды Маркса, Энгельса, Ленина помогли мне разобраться в сложном переплетении условий, от которых зависит воспитание наклонности и призвания. Как бы вам ни было легко достать в библиотеке любую нужную книгу, все равно создавайте свою собственную библиотеку. Моя личная библиотека — это мои мудрые учителя, к которым я прихожу ежедневно посоветоваться: где истина? Как ее познать? Как переложить из души и сердца старших поколений в душу и сердце подрастающего поколения нравственные богатства, созданные, накопленные, добытые человечеством? Мои книги — это мои учителя жизни, к ним я повседневно обращаюсь с вопросом: как жить? Как быть образцом для моих питомцев? Как довести до их сердец сияние идеала?

Советую вам, юный друг, ежемесячно покупать три книги: 1) по проблемам науки, основы которой вы преподаете; 2) о жизни и борьбе человека, образ которого является светочем, примером для молодежи; 3) о душе человека — особенно ребенка, подростка, юноши, девушки (книги по психологии).

Пусть в вашей личной библиотеке будут эти три раздела. Каждый год должен обогащать ваши научные знания. Пусть уже к концу первого десятилетия вашей педагогической работы наступит такое время, когда учебник покажется вам букварем. Лишь при этом условии вы сможете сказать, что к хорошему уроку вы готовились всю жизнь. Только повседневное пополнение научных знаний даст вам возможность видеть умственный труд учеников в процессе изложения материала: в центре вашего внимания будут не мысли о содержании урока, а мысли о мышлении ваших питомцев. Это вершина педагогического мастерства каждого учителя, к ней вы должны стремиться.

Ищите, как драгоценные камни, книги о жизни и борьбе выдающихся людей — таких, как Феликс Дзержинский и Сергей Лазо, Иван Бабушкин и Яков Свердлов, Юлиус Фучик и Никос Белоянис. Отведите для этих книг самое почетное место в вашей личной библиотеке. Помните, что Вам быть не только преподавателем, но и воспитателем, учителем жизни и наставником нравственности.

Пополняйте свою библиотеку психологической литературой. Воспитателю надо быть знатоком души формирующегося человека. Когда я слышу или читаю слова *индивидуальный подход к человеку*, они всегда связываются в моем сознании с другим понятием — думанием. Воспитание — это прежде всего живая, пытливая, ищущая мысль. Без мысли нельзя представить открытий и находок — пусть маленьких, с первого взгляда незаметных — а без них нет педагогического творчества. Помните, что каждая из множества закономерностей психики выражается в тысячах жизненных судеб. Я твердо убежден, что после окончания педагогического вуза вчерашний студент становится настоящим мастером педагогического труда лишь при том условии, когда всю свою *педагогическую жизнь* он изучает психологию, углубляет свои психологические знания.

Вам быть всю свою педагогическую жизнь воспитателем, а воспитание невозможно без красоты, искусства. Вы будете обладать многими преимуществами как воспита-

тель, если владеете каким-нибудь музыкальным инструментом, если же у вас есть хотя бы маленькая искра музыкальной одаренности — вы царь, господин и в воспитании, потому что музыка сближает сердца, открывает перед воспитателем самые сокровенные уголки души его питомца. Если вы не владеете никаким музыкальным инструментом, в ваших руках, в вашем сердце должно быть другое могучее средство воздействия на человеческое сердце — художественная литература. Создавайте, обогащайте свою личную библиотеку художественной литературы. В зависимости от того, с детьми какого возраста вам работать, приобретайте ежегодно несколько десятков книжек, которые помогали бы вам находить дорожку к сердцу ваших воспитанников. Не забывайте, что художественное произведение, прочитанное вашим питомцем и воспринятое его пытливым умом и впечатлительным сердцем, может стать той каплей, которой часто не хватает воспитателю для того, чтобы чаша весов нравственности склонилась в нужную вам сторону. Самое главное, о чем вам надо помнить, комплектуя свою библиотеку: в книге, которую вы дадите своему воспитаннику, должно быть поучение как жить. Образ героя этой книги должен пленить, воодушевить вашего питомца, утвердить в его душе уверенность в том, что человек велик и могуч, что высшим идеалом правды и истинности являются коммунистические идеи. Когда я выбираю в книжном магазине литературу для своей *воспитательной библиотеки*, я стремлюсь осмыслить, кому из моих питомцев предназначена каждая книга.

Помните, что воспитание — это прежде всего чуткое, вдумчивое, осторожное прикосновение к юному сердцу. Чтобы владеть искусством прикосновения к сердцу, надо много читать и думать. Каждая прочитанная вами книга должна как-то войти в вашу мастерскую воспитания как новый тонкий инструмент.

Воспитателю необходимо также утонченное чувство красоты. Вы должны любить красоту, творить ее и оберегать — красоту в природе и в душе ваших питомцев. Знайте, что если вы любите сажать и выращивать деревья, если вам доставляет радость прийти к ульям и слушать жужжанье пчел в цветущих деревьях, которые вы вырастили своими руками, — у вас есть наиболее прямая дорога к сердцу человека — духовное общение в труде, создающем красоту.

Каждый год, который вы будете работать в школе, должен обогащать вашу технологическую лабораторию педагогического труда. Учителю необходим большой запас задач, примеров как для классного коллектива, так и для индивидуальных заданий отдельным школьникам. Все это надо из года в год собирать, комплектуя по темам, разделам программы. Я знаю опытных преподавателей математики, у которых за пятнадцать лет работы накоплен уникальный подбор алгебраических и геометрических задач. Эти сборники очень умело используются для индивидуальной работы с учениками.

38. СОВЕТЫ УЧИТЕЛЮ, ГОТОВЯЩЕМУСЯ РАБОТАТЬ С ПЕРВЫМ КЛАССОМ

Вы работаете в начальной школе, занимаетесь сейчас с III классом. Вскоре вам заниматься с первоклассниками. Им по пять с половиной — шесть лет. Их воспитывают семья и детский сад. Есть еще у нас часть детей, единственными воспитателями которых до поступления в школу являются мать и отец. От того, как воспитываются дошкольники именно в этот период — за год, два до школы, зависит очень многое. Вам надо хорошо знать каждого своего будущего питомца.

Что значит знать ребенка?

Это прежде всего иметь представление о его здоровье. За полтора года до начала работы с детьми передо мной был список будущих учащихся. Хорошо зная родителей, я предполагал, какие заболевания могли передаваться детям в наследство. Конечно, эти предположения проверялись врачом. У меня были данные о состоянии важнейших систем организма будущих учеников: нервной, дыхательных органов, сердца, органов пищеварения, зрения, слуха.

Без знания здоровья питомцев невозможно правильное воспитание. Тридцать лет работы в школе твердо убедили меня в том, что в зависимости от состояния здоровья каждый ребенок нуждается не только в индивидуальном подходе, но в целой системе защитных мер, щадящих и укрепляющих здоровье. Опыт убедил в том, что воспитание должно способствовать исцелению человека, избавлению его от недугов, которые чаще всего зарождаются в детстве. Ребенок с нарушенной деятельностью сердечно-сосудистой

системы, требует особых методов воспитания, нуждается в специальной *медицинской* педагогике.

Я считаю, что очень важно знать, как взаимоотношения в семье способствуют предотвращению недугов и исцелению детского организма, если недуг по той или иной причине уже есть. Особенно зависит от семьи состояние нервной системы и сердца ребенка. Очень трудно воспитывать детей, вырастающих среди крика, упреков, озлобленности, недоверия, оскорблений. Нервная система у таких детей часто бывает пздерганной, быстро устает. Дети с неврозами требуют особенно большой заботы, повседневного внимания. И учить, и воспитывать их надо, применяя специальные методы медицинской педагогики, рассчитанные на предупреждение вредного возбуждения, резких переходов от одного эмоционального состояния к другому.

За полтора (а если возможно — и за два) года до начала занятий в I классе я советую вам, будущему учителю первоклассников, собрать родителей — очень важно, чтобы пришли и отцы, и матери — и поговорить с ними о взаимоотношениях в семье, способствующих формированию здоровой нервной системы, а в связи с этим положительных нравственно-психологических качеств.

Очень большое значение в развитии ребенка имеет интеллектуальная атмосфера семьи. От того, какие в семье умственные интересы, что читают, о чем думают взрослые, что оставляют они в мыслях ребенка, — в большой мере зависит его общее развитие, память. «Ум вашего ребенка зависит от ваших умственных интересов, от того, какое место в духовной жизни семьи занимает книга», — так и скажите родителям своих учеников.

По моему глубокому убеждению, необходимо по крайней мере год изучать мышление каждого ребенка — только при этом условии можно хорошо подготовиться к занятиям в I классе.

39. КАК В ДОШКОЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИЗУЧАТЬ МЫШЛЕНИЕ ДЕТЕЙ

Есть два основных типа человеческого мышления — логико-аналитическое, или математическое, и художественное, или образное. Эта классификация, принадлежащая великому физиологу И. П. Павлову, имеет исключительно важное значение для решения вопросов умственного

воспитания детей, формирования индивидуальных склонностей, способностей⁵. Соберите будущих своих первоклассников в ясный сентябрьский день, пойдите с ними в осенний лес, и вы сразу же увидите детей с этими двумя ярко выраженными типами мышления. Лес, особенно ранней осенью, всегда привлекает внимание детей, они в нем не могут оставаться равнодушными, а там, где есть волнение, восхищение, удивление, — есть логическое и эмоциональное познание окружающего мира, то есть познание разумом и познание сердцем. Синее, глубокое небо, разноцветное убранство деревьев, яркие краски ранней осени — на опушке и в чаще леса — все это привлекает внимание ребят. Но к окружающему миру они относятся по-разному. Внимательно наблюдайте, и вы увидите два типа восприятия — признак двух типов мышления. Одних детей очаровывает вся гармония красоты природы. Изумленные, восхищенные красотой, они воспринимают предметы как единое целое. Они видят и восход солнца, и удивительно красивые осенние оттенки в окраске убранства деревьев, и таинственную лесную чащу. Но все это воспринимается именно как гармония в сложном звучании многих инструментов — дети не вслушиваются в отдельные звуки, они не выделяют из окружающего их мира отдельных деталей. А когда их внимание привлекает какой-нибудь один предмет или какое-нибудь одно явление, то вся гармония сосредоточена для них в этом предмете или явлении. Например, ребенок обратил внимание на куст шиповника, густо усеянный янтарными ягодами и серебряными капельками росы, — кроме этого куста, ребенок больше ничего не видит, весь мир красоты для него — в этом творении природы.

Это самые характерные черты художественного, или образного восприятия окружающего мира. Дети, обладающие этим восприятием, с интересом и увлечением рассказывают о том, что они видят. В их рассказах — яркие образы. Они мыслят картинками, образами — красками, звуками, движениями. Они очень чутки к музыке окружающей природы, вообще к красоте. В их восприятии как бы преобладает эмоциональный элемент, они больше, кажется, познают сердцем, чем разумом. Заметьте, что это накладывает отпечаток на их умственный труд в процессе учения. Дети с ярко выраженным художественным мышлением с интересом изучают литературу, любят читать, увлекаются поэтическим творчеством. В изучении математики они неред-

ко встречаются большие затруднения и, бывает, не успевают по этому предмету.

Для других детей как будто не существует гармонии красоты. Представьте себе закат солнца в теплый осенний день на опушке соснового леса: багровая вечерняя заря, как будто медные, стволы деревьев, неповторимая игра красок на поверхности застывшего пруда. Но в коллективе дошкольников всегда найдется ребенок, до которого, как говорится, не доходит эта красота. Он спрашивает: а почему это солнце на закате становится красным? куда оно скрывается на ночь? Почему одни листья становятся осенью красными, другие — оранжевыми, третьи — желтыми? Почему на дубе листья очень долго, до заморозков, зеленые? Перед его взором открывается прежде всего не образная, а логическая, причинно-следственная сторона мира. Это логико-аналитическое, или математическое, мышление. Дети, обладающие этим мышлением, легко подмечают причинно-следственные связи и зависимости, схватывают мысленно круг предметов и явлений, объединенных той или иной связью. Они легко абстрагируются, с интересом изучают математику и другие точные науки. Логический анализ абстракций представляет для них такой же интерес, как яркие образы для детей, обладающих художественным мышлением.

Эти два типа мышления существуют объективно, учителю надо знать, какой тип преобладает у каждого ребенка. Это очень важно для правильного педагогического руководства умственным трудом. Учить мыслить, развивать мышление — значит развивать у каждого ребенка обе мыслительные сферы: образную и логико-аналитическую, не допускать односторонности, но в то же время умело направлять умственное развитие каждого ученика в русло, в наибольшей мере соответствующее его природным задаткам.

Мышление детей различается также темпом операций, можно сказать быстротой мысли.

У одних детей мысль очень подвижна. Только что ребенок думал о том, как пчела собирает нектар с цветка, учитель показал сложное строение цветка — и мысль ребенка легко переключается на другой объект. Или мышление во время решения арифметической задачи: ученик охватывает мысленно все, о чем говорится в условии задачи — и о корзинках, и о яблоках, и о деревьях в саду. У дру-

того ребенка совсем другое мышление, я бы назвал его устойчивой сосредоточенностью. Если мысль сосредоточена на чем-то одном — ему очень трудно переключиться на другое. Вдумываясь в одно, он забывает о другом. Думает о цене каждого килограмма яблок — забывает о том, сколько килограммов яблок в каждой корзинке и сколько корзинок. Бывает, учитель ошибается, принимая эту особенность мышления за аномалию в умственном развитии. Замедленная подвижность умственных процессов бывает как у детей, обладающих образным мышлением, так и у детей с явно выраженным логико-аналитическим мышлением. Не разобравшись, в чем дело, учителя нередко делают совершенно неправильные, поспешные выводы об умственном развитии детей. Особенно огорчительными бывают недоразумения с детьми, у которых мыслительные процессы явно замедлены. Часто это очень умные, сообразительные дети, но медлительность их мышления вызывает у учителя недовольство; ребенок нервничает, мысль его как бы цепенеет и он вообще перестает что-либо соображать.

Все это надо увидеть, узнать надо до начала обучения. Изучить особенности мышления ребенка несравненно легче тогда, когда еще обучение не началось. Я советую учителю, которому предстоит работа с I классом: в течение года проведите двадцать-тридцать путешествий к истокам мысли — в природу. Введите детей в обстановку, где есть и яркие образы, и причинно-следственные связи между явлениями, где дети восхищаются, переживают чувство изумления перед красотой и в то же время думают, анализируют.

40. КАК РАЗВИВАТЬ МЫШЛЕНИЕ И УМСТВЕННЫЕ СИЛЫ ДЕТЕЙ

Как развивать ум учащегося, углублять его интеллект — на мой взгляд, это одна из самых острых, недостаточно разработанных проблем школьного воспитания вообще. Дать знания — это лишь одна сторона умственного воспитания, и ее нельзя рассматривать без другой стороны — формирования, развития умственных сил. Развитие мысли и умственных сил — это развитие образного и логико-аналитического элементов мышления, а также воздействие на подвижность мыслительных процессов, устранение замедленности мышления.

Как показал многолетний опыт, необходимы специальные *уроки мышления*. Их надо проводить время от времени уже в дошкольный период. С началом занятий в 1 классе уроки мышления становятся частью умственного воспитания. Урок мышления — это и живое, непосредственное восприятие образов, картин, явлений, предметов окружающего мира, и логический анализ, добывание знаний, мыслительные упражнения, нахождение причин и следствий.

Если вы хотите, чтобы научились мыслить ваши «тугодумы», приведите их к такому источнику мышления, который открыл бы *цепь явления*, чтобы следствие одного становилось причиной другого. Охватывая мысленно эту цепь, стремясь удержать в памяти несколько фактов, предметов, отношений, ребенок с замедленным мыслительным процессом проходит ничем не заменимую школу мышления. Дело в том, что в цепи явлений одно за другим следуют открытия, перед ребенком как бы загораются огоньки мысли, они стимулируют подвижность мыслительных процессов. Зажигается огонек — и ребенку хочется знать больше, хочется мысленно проникнуть в новые явления. Это хотение, желание и является толчком, ускоряющим подвижность мыслительных процессов.

41. КАК ВОСПИТЫВАТЬ ПАМЯТЬ

Воспитание памяти — тоже одна из острых проблем школьной практики. Наверное, у каждого из нас опускались руки перед ребенком с «дырявой» памятью: сегодня он запомнил, а завтра забыл. Советы и рекомендации относительно воспитания памяти, которые я попытаюсь дать, основаны на эмпирических данных, на опыте.

Чем больше знаний добыто собственными усилиями, напряжением воли, чем глубже затронуло логическое познание эмоциональную сферу учащегося, — тем прочнее память, тем в большем порядке, более стройно укладываются новые знания в сознании.

Прежде чем начать запоминать, ребенок должен пройти школу мышления, о которой я говорил. Чем сложнее и труднее задачи, которые ставятся перед памятью, тем кропотливее должно быть воспитание мышления, мысли, умственных способностей. Ребенку, который видит только поверхностную, для всех очевидную, сторону предметов,

вещей, явлений, который не сделал ни одного «открытия», проникая в их глубину, в сущность, не пережил чувства изумления перед неожиданной взаимосвязью явлений, такому ребенку будет трудно запоминать.

Я твердо убежден, что о воспитании памяти особенно надо заботиться тогда, когда ребенку еще не подошло время заучивать, запоминать ни на уроках, ни дома. Дошкольные годы и обучение в начальной школе — прекрасное время для закладки фундамента прочной памяти. Надо заботиться о том, чтобы важные истины о явлениях и закономерностях окружающего мира были усвоены детьми без специального заучивания и запоминания, т. е. в процессе непосредственных наблюдений.

Каждому из нас, наверное, приходилось разводить руками перед странными явлениями: ребенок в начальных классах учился хорошо, а после начальной школы — сразу же стал учиться плохо. В чем дело, почему так бывает? Одна из причин — отсутствие в начальной школе специальной работы, имеющей целью развитие мышления, воспитание умственных сил, закладку фундамента запоминания. В начальной школе надо заложить прочный фундамент памяти, а им являются знания, добытые, приобретенные, усвоенные ребенком в процессе непосредственного познания окружающего мира под руководством учителя.

42. ЩАДИТЕ И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ РАЗВИВАЙТЕ ПАМЯТЬ ПОДРОСТКОВ, ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Зубрежка всегда вредна, но особенно недопустима она в отроческом и юношеском возрасте. В эти годы зубрежка порождает инфантильность — оребячивает взрослых людей, отупляет их умственно, задерживает формирование способностей и склонностей. Детище зубрежки, одно из зловещих ее порождений — *школярство*. Это по существу перенесение в среду подростков и юношей тех методов и приемов, которые характерны для воспитания малышей. Это приводит к инфантильности ума в сочетании с попытками овладеть серьезным научным материалом. Это отрыв знаний от жизненной практики, ограниченность сферы интеллектуальной и общественной деятельности.

Одной из главных причин этого большого зла является то, что подростки, юноши и девушки таким же способом приобретают знания, как и малыши: заучивают по порции

материал учебника с тем, чтобы потом по порции же «выложить» свои знания учителю и получить отметку. Гипертрофия произвольного запоминания просто-напросто оглушает человека.

Изгнать из школы школярство — одна из очень важных воспитательных задач. Но как это сделать, если значительная часть материала средних и старших классов требует именно произвольного запоминания — сядь и выучи, иначе не будешь знать, мудрствовать здесь особенно нечего.

А сделать это можно единственным путем: установить разумное соотношение произвольного и непроизвольного запоминания. Если количество материала, который надо запомнить ученику VIII класса, обозначить через x , то в это же время ученик должен осмыслить, продумать в несколько раз больше материала — $3x$. При этом между материалом, который заучивается, запоминается преднамеренно, и материалом, который только осмысливается, без специальной установки на запоминание, должна быть определенная связь — не обязательно прямая, непосредственная, но желательно, чтобы это была связь проблемная. Например, по анатомии и физиологии изучается нервная система человека. В этом разделе много совершенно нового, почти все надо запомнить. Для того, чтобы учение не превратилось в зубрежку, посоветуйте ученикам прочитать интересные книги о человеке — о всех системах человеческого организма, о нервной системе, об исследованиях выдающихся ученых. Многие из того, что ученики будут читать без специальной установки на запоминание, запомнятся, но это совершенно другое запоминание — непроизвольное, оно качественно отличается от преднамеренного запоминания, заучивания материала учебника. Это запоминание основывается на живом интересе, на мышлении, на увлечении — здесь большую роль играет эмоциональный элемент познания. Непроизвольное запоминание — чтение интересных книг — способствует тому, что у человека пробуждается жизнь мысли. Чем активнее жизнь мысли, тем больше развивается способность произвольной памяти сохранять и воспроизводить значительный объем материала. Если человек осмысливает материал в несколько раз больший, чем надо заучить по учебнику, запоминание материала по учебнику (заучивание) перестает быть зубрежкой. Оно становится осмысленным чтением, мыслительным анализом. Многолетний опыт убедил меня в том, что если

преднамеренное, произвольное запоминание основано на непроизвольном запоминании, на чтении, думании, в процессе работы над учебником у подростка появляется много вопросов. Чем больше он знает, тем больше у него непонятного, и чем больше непонятного, тем легче учить уроки по учебнику.

Установление разумного соотношения между непроизвольным и произвольным запоминанием зависит прежде всего от учителя. Вам, преподавателю основ науки, надо быть не просто передатчиком знаний. Надо быть властителем дум юношества. Уже в вашем рассказе, в изложении нового материала должна быть искра, зажигающая порох пытливости, любознательности, жажды знаний. С урока вашего подросток должен пойти с твердым намерением прочитать книгу, о которой вы упомянули вскользь. Он должен мечтать об этой книге, найти ее во что бы то ни стало.

Развитие памяти подростков, юношей и девушек зависит, таким образом, от общей интеллектуальной культуры учебно-воспитательного процесса в средних и старших классах.

48. ВОСПИТЫВАЙТЕ У ДЕТЕЙ ЛЮБОВЬ К РИСОВАНИЮ

Прямое отношение к развитию умственных сил учащихся имеет вопрос о том, как поставлено рисование в начальной школе, какое место отводит ему учитель в учебно-воспитательном процессе. Воспитывая детей в начальной школе, я увидел в рисовании одно из средств, развивающих творческое мышление, воображение. Я твердо убежден, что детский рисунок является необходимой ступенькой на пути к логическому познанию, не говоря уже о том, что рисование помогает развивать эстетическое видение мира.

Вначале я учил детей рисовать с натуры. Мы рисовали деревья, цветы, реку, животных, насекомых, птиц. Какой бы простой ни была композиция рисунка, в нем всегда отражались индивидуальные черты восприятия, мышления, эстетической оценки. Однажды мы рисовали клеверное поле. Одни дети стремились охватить всю цветущую ниву, облака, синее небо, поющих жаворонков. У других детей я увидел цветущий стебелек клевера с опустившейся на лепестки пчелой. А у одной девочки через весь лист —

крылышки шмеля, маленький лепесток цветущего клевера и солнце...

Несколько путешествий к первоисточнику мысли мы проводили специально для того, чтобы восприятие окружающего мира было пронизано яркими эстетическими чувствами. Мы рисовали Утреннюю и Вечернюю зарю у пруда, ночной костер на пастбище в лугу, отлет птиц в теплые края; весеннее половодье. Я пришел к радостному выводу: изображение того, что волнует, восхищает, изумляет, — это своеобразная эстетическая оценка окружающего мира. Когда ребенок рисует то, что воплощает красоту, переживания красоты как бы просит в слово, пробуждает образное мышление.

Постепенно, шаг за шагом я прививал детям элементарные умения по технике рисунка; дети научились передавать свет и тень, перспективу. Уже в I классе большое место в детском рисовании заняло творчество. Дети составляли рассказы в рисунках, *рисовали сказку*. Рисунок стал источником игры творческого воображения. Я убедился, что между игрой воображения, развивающегося в процессе рисования, и речью ребенка есть прямая, непосредственная связь. Без преувеличения можно сказать, что рисунок «развязал язык», заставил говорить молчаливых, очень стеснительных ребят.

Во II, III и IV классах дети стали включать рисунок в творческие письменные работы — сочинения, составленные по материалам наблюдений над явлениями природы и трудом. Я заметил, что в тех случаях, когда ребенок не находит точных, емких слов для выражения своей мысли, он прибегает к рисунку. Один мальчик, стремясь передать свое изумление тем сокровищам, которые он увидел в «кладовой» ежа, нарисовал эти сокровища — яблоки, картофель, зеленые листья свеклы, разноцветные листья, опавшие с деревьев.

Я стремился к тому, чтобы рисование заняло свое место в духовной жизни ребенка. Когда мы ехали по Днепру в Киев, мальчики и девочки восхищались красотой лугов, гор, лесов, далеких курганов в степи, всю эту красоту стремились запечатлеть в линиях и красках.

Без рисования я не представляю уроков географии, истории, литературы, естествознания. Вот я рассказываю о флоре и фауне далекого континента — Австралии. Не всегда есть возможность привести на урок готовые картин-

ки, где бы все было изображено. Поэтому многие растения и животных я быстро изображаю на доске. Это не прерывает нити мысли ребят и в то же время поддерживает игру воображения. На уроках истории, рассказывая, я одновременно рисую мелом на доске одежду людей, живших много лет назад, орудия труда, оружие. Опыт убедил меня, что на уроке истории особенно в IV и V классах, очень большую роль играет сюжетный рисунок, который рождается на доске в процессе рассказа. Например, рассказывая о восстании Спартака, я изображаю на доске лагерь восставших на вершине горы. У рисунка, рождающегося здесь же, в процессе рассказа, есть большие преимущества перед готовой, даже многокрасочной картиной. На уроках математики в младших классах иногда приходится *рисовать задачу* — об этом я уже рассказывал выше.

44. КАК ГОТОВИТЬ ДЕТЕЙ К БЕГЛОМУ ПИСЬМУ

Чтение и письмо — это два самых необходимых школьнику инструмента учения и в то же время два окошка в окружающий мир. Без умения бегло, быстро и сознательно читать, бегло, быстро, полуавтоматически писать ребенок остается как бы полуслепым. Я вижу очень важную задачу в том, чтобы уже в третьем, а в четвертом классе уже наверняка — ученик писал длинное слово не отрывая пера от бумаги, чтобы он мог написать слово — (и даже маленькое предложение), оторвав взгляд от тетради. Полуавтоматизм процесса письма — исключительно важное условие грамотности и вообще сознательного усвоения знаний. Ученик не должен думать над тем, *как* писать ту или иную букву, как ее соединять с другими буквами — лишь при этом условии он сможет думать над применением грамматического правила, над смыслом того, что он пишет. Постепенно беглое письмо вырабатывает полуавтоматизм и в отношении грамматических правил: ребенок уже не думает, как пишется то или иное слово, потому что он много раз писал его.

Все это — быстрота написания букв и слов, постепенное приобретение полуавтоматизма в отношении орфограмм, одновременное написание и осмысливание — должно идти рядом. Выработка беглого письма прежде всего требует определенного количества тренировочных упражнений малых мышц руки. Многолетний опыт убеждает, что эти

упражнения должны предшествовать письму. Я имею в виду тонкие *трудовые* движения рук — и правой, и левой. За год до начала обучения в школе детям надо давать такие виды труда, как вырезание из картона и бумаги ножиком (резцом) и ножницами, резьба по дереву, плетение, конструирование и изготовление маленьких моделей из дерева. Тонкие трудовые движения вырабатывают необходимые соразмерность и ритм движения пальцев, формируют их чуткость, чувство миниатюрного рисунка, каким в сущности и является буква.

Надо стремиться к тому, чтобы трудовые движения маленьких детей представляли собой эстетическое творчество. Пусть в том изделии, которое изготавливает ребенок, повторяются круглые, овальные, волнистые линии, пусть с малых лет ребенок привыкает к тонким, плавным усилиям, требующим большой «чуткости инструмента».

Опыт убеждает, что если ребенок выполнил достаточное количество тонких трудовых движений, он уже в значительной мере подготовлен к беглому письму. Необходима, конечно, и система письменных упражнений.

45. УЧИТЕ ДЕТЕЙ РАБОТАТЬ И ПРАВОЙ, И ЛЕВОЙ РУКОЙ

Исторический процесс развития человека привел к тому, что наиболее *умные* трудовые операции, связанные с мыслью, несущие мысль на кончиках пальцев, выполняются правой рукой. Левая рука во время творческих трудовых процессов играет вспомогательную роль. Правой рукой мы держим инструмент, в правой руке у нас — ручка и карандаш, правая рука художника создает бессмертные творения живописи.

Правой руки человеку достаточно для того, чтобы подняться на те вершины интеллектуальной культуры, которых он достиг. Но трудовое мастерство, искусство труда, умственное развитие отдельных личностей совершенствовалось бы несравненно быстрее, если бы тончайшие трудовые движения, усвоенные у всех людей только правой рукой, были бы и достоянием левой руки. Речь идет здесь не только о еще одной предпосылке трудового воспитания. Между рукой и мозгом — многие тысячи связей, действующих двусторонне — рука развивает мозг, творя его мудрость; мозг развивает руку, делая ее умным инструментом

творчества, орудием и зеркалом мысли. Мой многолетний опыт убеждает, что если самые тонкие, самые умные трудовые движения становятся достоянием не только правой, но и левой руки, количество этих связей растёт, от рук к мозгу идет мудрый опыт, выражающий *взаимодействие* и взаимоотношение предметов, вещей, процессов, состояний. Этот вывод достигнут эмпирическим путем, но он отражает реально существующую закономерность: взаимодействие, понятное, осмысленное благодаря творческой трудовой деятельности обеих рук, вносит новое качество в работу мысли: человек охватывает мысленным взором цепь взаимосвязанных явлений, видит их как единое целое.

В течение семи лет я учил детей (с 7- до 14-летнего возраста) работать обеими руками. Дети научились владеть двумя резаками, умели правой и левой руками монтировать узлы сложных моделей, работали левой и правой рукой на токарном станке по дереву. Я видел, как с каждым годом в деятельности этих детей развивается творческий элемент. Характерной особенностью творчества этих детей было рождение новых замыслов, изобретательность. Мастера трудиться обеими руками как бы видели несравненно больше в том же явлении, которое рассматривал человек, умеющий работать только правой рукой. Обработывая материал инструментом, мои мастера отличались большой тонкостью, *нежностью*, пластичностью трудового движения. Они были влюблены в свой умный творческий труд.

46. СОВЕТЫ УЧИТЕЛЮ, РАБОТАЮЩЕМУ В БОЛЬШОЙ ШКОЛЕ

Учителю школы, где коллектив состоит из нескольких десятков педагогов, несравненно легче совершенствовать свое мастерство, чем в маленькой школе. В большом коллективе всегда есть опытные педагоги. Но заимствование педагогического опыта — очень сложное дело, *творчество*.

Вы окончили вуз, у вас — диплом учителя, скажем, начальных классов. Кроме вас, в школе, куда вы получили назначение, работает шестнадцать учителей начальных классов. Об одних из них говорят на заседаниях педагогического совета как о лучших мастерах, других нигде не упоминают, третьим время от времени указывают на недостатки. Вам, новичку на педагогическом поприще, есть чему поучиться почти у каждого педагога, проработавшего

в школе хотя бы несколько лет. Но, заимствуя опыт, надо экономить время. Трудно было бы добраться до истоков мастерства, если бы вы стали посещать уроки всех педагогов по очереди.

Я бы советовал вначале просмотреть тетради всех коллег по работе в начальных классах. Увидите красивое, четкое, грамотное письмо подавляющего большинства детей — это уже прямой ориентир: в данном классе можно поучиться многому. Ученические тетради — зеркало всей воспитательной работы. Пойдите на урок к этому учителю. Не только на урок письма. Тетради — это результат всего педагогического процесса. Письмо зависит и от того, как дети читают, что и сколько они читают.

Понять какую-то одну сторону педагогического опыта нельзя без глубокого понимания всего, что делает учитель, того, как воспринимают его воздействие дети. Впервые посетив урок опытного педагога лишь для того, чтобы понять, как он сумел научить детей хорошо писать, вы увидите много такого, что, казалось бы, не связано непосредственно с объектом ваших наблюдений. Не растеряйтесь в сложных зависимостях явлений. Постигнуть опыт — это прежде всего понять, что от чего зависит. Иначе ни осмыслить, ни заимствовать чужой опыт невозможно. Ведь заимствование самого лучшего опыта — это не механическое перенесение отдельных методов и приемов в свою работу, а перенесение *идеи*. Чтобы учиться у лучших мастеров, надо в чем-то убедиться.

Вот вы увидели, что у вашего коллеги, чьи тетради привлекли ваше внимание, ученики прекрасно читают: быстро схватывают глазами слова и части предложений, читая думают, а отсюда и яркая эмоционально-интонационная окраска чтения. Вы внимательно присматриваетесь к методике чтения, но ничего неожиданного и нового для себя не видите. Посещаете еще один урок, потом — еще и еще. Сопоставляете все со своими уроками. Вы делаете все так же, но результат далеко не тот же. Ищите, настойчиво ищите, от чего же зависит прекрасный результат.

Вы расспрашиваете учеников, стремитесь узнать жизнь их семьи, — и перед вами постепенно открывается зависимость прекрасного чтения учащихся от множества вещей: и от интеллектуальной жизни семьи, и от того, какие сказки слушали малыши в детстве, и от системы внеклассного чтения, и от того, как заботится учитель о соотношении

знаний и практических умений. Вы приходите к выводу: нет в педагогическом деле одного результата, который зависел бы только от чего-то одного: делай вот так — и получится обязательно вот то-то. Каждый результат зависит от десятка, от сотни данных, иногда, казалось бы, очень отдаленных, непосредственно не связанных с предметом изучения, наблюдения, исследования.

Осмысливание опыта учителя-мастера помогает вам видеть, что от чего зависит в вашей собственной практике.

Совершенствование педагогического мастерства — это прежде всего самообразование, личные ваши усилия, направленные на повышение собственной культуры труда и в первую очередь культуры мышления. Без индивидуальной мысли, без пытливого взгляда на собственный труд немыслима никакая методическая работа.

Чем больше вы изучаете и наблюдаете опыт своих старших коллег, тем более необходимы вам самонаблюдение, самоанализ, самосовершенствование, самовоспитание. На основе самонаблюдения, самоанализа у вас будут рождаться собственные педагогические идеи. Изучая, например, связи между тем, что делается, и тем, что получается в результате, вы приходите к выводу: от зерна, посаженного в прекрасно обработанную почву *сегодня*, далеко не всегда можно ждать ростка уже *завтра*. То, что делается сегодня, во многих случаях можно оценить лишь через несколько лет. Это одна из очень важных закономерностей педагогического труда. Она заставляет всегда думать о перспективе.

47. СОВЕТЫ УЧИТЕЛЮ ОДНОКОМПЛЕКТНОЙ ШКОЛЫ

Есть и будут еще продолжительное время существовать школы с небольшим количеством детей — одно- и двухкомплектные маленькие школы, где работают два, а то и один учитель.

Если вы работаете в такой школе, вам нелегко будет создать и годами поддерживать вокруг себя атмосферу богатой, многогранной духовной жизни. А ведь это — самое главное, без высокой культуры — общей и педагогической — можно опуститься, превратив свой отдаленный населенный пункт в медвежий угол. Если так бывает, то бывает только по вине самого педагога. В самом глухом, далеком от центров уголке может ярко гореть огонек культуры, мысли,

творчества — все это зависит только от вас. И все ваши усилия как раз и должны быть устремлены к тому, чтобы огонек этот горел все ярче. От этого в решающей мере зависят образованность, культура, знания ваших питомцев.

Многое вам надо специально делать для того, чтобы яркий огонек культуры и мысли пылал не угасая. В отдаленных населенных пунктах нет большой библиотеки, а книга — самая новая — именно здесь нужна, как воздух.

Поэтому сделайте свою маленькую школьную библиотечку абонентом большой библиотеки крупного культурного центра — например, Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина или Государственной библиотеки по народному образованию им. К. Д. Ушинского. Читайте еженедельник «Книжное обозрение», любую необходимую, заинтересовавшую вас книгу выписывайте на две-три недели, читайте. Я знаю далекие хутора, где учитель, работающий безвыездно много лет, создает Народную библиотеку, которой пользуются колхозники. Подумайте и вы об этом, создайте при школе очаг народной культуры.

В однокомплектной школе исключительно важную роль играет классное чтение детей. Вместе с общественностью вам надо позаботиться о том, чтобы в школьной библиотеке было все необходимое для детского чтения. Книги, вошедшие в золотой фонд мировой литературы для детей, должны быть в каждой самой маленькой, самой отдаленной школе. Это сделать не так трудно — нужны только любовь к детям и старательность. Я уверен, что именно в отдаленной от центров школе можно создать условия для того, чтобы главным очагом духовной культуры школьников было чтение.

Надо позаботиться о кинопроекторе и фильмоскопе, своевременно выписывать новые учебные кинофильмы и диафильмы.

Для вас, учителя маленькой, отдаленной школы, очень важно держать постоянную связь с хорошей школой крупного села или города. Советую вам два-три раза в год совершать 3—4-дневные поездки к своим коллегам в эту школу. Вам надо побывать на уроках, побеседовать с учителями. Нужно увидеть своими глазами тот результат, к которому стремится, о котором мечтает каждый думающий, творчески работающий учитель. На этот результат (знания, умения, письменные работы школьников) вам надо ориентироваться при оценке успеваемости своих школьников.

Попросите, если это возможно, одного из лучших педагогов — ваших коллег — приехать хотя бы на два дня к вам в маленькую школу.

Весной и в начале лета отправляйтесь со своими питомцами в далекую экскурсию — пусть они посмотрят жизнь города, побывают на фабрике, заводе, в типографии. Каждую поездку используйте для обогащения школьной библиотеки и фильмотеки.

А летом не сидите в школе — поезжайте в большие города. Спланируйте эти поездки так, чтобы за годы своей работы в отдаленной школе вы побывали в Москве, Лепи-граде, в других больших культурных центрах. Время пребывания в городах должно быть очень насыщено: надо побывать в театре, в концертных залах, увидеть мастерство лучших артистов нашей страны. И — еще раз повторяю — не забывайте о книгах.

Советую вам также совершить несколько туристических путешествий — увидеть Урал, Сибирь, Алтай, Среднюю Азию, Кавказ, русский Север — Архангельскую и Новгородскую области. Чем больше у вас будет о чем рассказать, тем богаче ваша сокровищница методических средств воздействия на школьников.

48. КАКИЕ ПЛАНЫ ПИСАТЬ УЧИТЕЛЮ

Этот вопрос бывает очень острым — учителей иногда загружают ненужной писаниной. Но бывает и так, что в пылу критики «бюрократической писанины» отдельные педагоги приходят к выводу: не надо писать никаких планов.

И то и другое неправильно. Писать надо то, что помогает работе.

Для учителя начальных классов очень важно составить перспективный план, рассчитанный на несколько лет. Что входит в такой план? Покажу это на опыте своей работы.

1. Список художественных произведений, которые дети должны прочитать за годы обучения в начальной школе. Этот пункт плана станет реальностью, конечно, только тогда, когда в школьной библиотеке будут необходимые детские книги.

2. Музыкальные произведения, которые дети будут прослушивать в школе (желательно, чтобы в школе была музыкальная комната).

3. Произведения живописи, по которым будут проведены беседы.

4. Тексты — отрывки из художественных произведений, которые надо заучить наизусть.

5. Орфографический минимум — т. е. словарь орфограмм, написание которых в начальной школе должно быть твердо, навсегда сохранено в памяти.

6. Список научно-популярных книг и брошюр, чтение которых способствует расширению кругозора школьников. Особо надо выделить книги и брошюры, предназначенные для трудных детей — детей со сниженной подвижностью мыслительных процессов.

7. Тематика уроков мышления — путешествий к источникам мысли и родной речи.

8. Тематика сочинений, которые дети напишут за годы обучения в начальных классах.

9. Примерный перечень наглядных пособий, которые сделают учитель и дети.

10. Экскурсии, которые будут проведены в начальной школе. Такой же перспективный план я советую составлять и преподавателям предметов в средних и старших классах. Учитывается, конечно, специфика предмета. Например, преподаватель биологии включает в перспективный план систему наблюдений в природе с целью формирования у учеников необходимых представлений. Преподаватель географии включает терминологию, обязательную для запоминания. Учитель физики предусматривает в своем плане наблюдение труда в промышленности и сельском хозяйстве.

Перспективный план — это очень важный ориентир, по которому учитель ежегодно, читая и продумывая программу, как бы проверяет сам себя — что уже сделано и что нужно сделать. По выполнению перспективного плана можно судить о качестве знаний учащихся.

Каждому учителю надо также составлять тематический или поурочный план. Тематический план составляется по программе на несколько уроков, выделенных на данную тему. Допустимо тематическое планирование только на небольшую тему (2—5 уроков). В тематическом плане записывается, что и как будет изучаться на уроке. Здесь надо предостеречь от пространного письменного изложения лекции, рассказа. Знания, которые учитель дает ученикам,

должны быть у него в голове, и подробные записи не нужны. Тематический план — это дидактическое предвидение и обоснование, а не развернутый конспект. В план надо записывать то, что представляет собой творческую обработку материала, например, вопросы, на которые дети будут отвечать во время проверки домашних заданий, виды самостоятельной работы во время изучения нового материала. Тексты заданий и упражнений, как правило, в план не включаются (у учителя они обычно выписаны на специальных карточках или в тетрадях).

В тетради, где пишутся тематические планы, необходимо отвести чистое место (поле) — для того, чтобы в случае непредвиденных отклонений от намеченного пути внести в план соответствующие изменения.

Некоторые учителя предпочитают тематическому плану поурочный. Тему они продумывают, делают предварительные наметки, но планируют только на один урок. Каждый может делать так, как найдет наиболее удобным для себя. Главное — ориентироваться на перспективный план, но забывать о конечной цели, время от времени продумывать программу и объяснительную записку к ней, сопоставлять ее с перспективным планом.

Педагог, работающий классным руководителем, составляет план воспитательной работы. Об этом плане речь будет идти дальше — в советах, посвященных вопросам воспитания.

49. СОВЕТЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ДНЕВНИКА УЧИТЕЛЯ

Я советую каждому учителю вести педагогический дневник. Это не официальный документ, к которому ставятся какие-то формальные требования. Дневник — личные записи, заметки. Они могут пригодиться в повседневной работе. В них — источник раздумий, творчества. Дневник, который ведется десять, двадцать, а то и тридцать лет — это огромная ценность. Ведь у каждого думающего педагога есть своя система, своя педагогическая культура. Сколько драгоценных жемчужин педагогической мудрости пропадает тогда, когда учитель-мастер, учитель-творец, завершив свою творческую жизнь, уносит с собой в могилу все, что он постиг за годы труда и поисков. Дневники педагогов я бы хранил в педагогических музеях и в научно-исследовательских институтах как бесценные сокровища.

Тридцать два года я веду свой дневник. В первый день педагогического труда, когда я переступил порог школы как учитель начальных классов, я задумался вот над чем. В селе у нас работал фельдшер, которого все считали чудачком. И вот я увидел, как этот чудак, измеряя рост и вес поступающих в первый класс детей, тщательно записывает все данные. Мы разговорились, я просмотрел его записи, меня удивило, что он ведет свой учет вот уже двадцать семь лет.

— Для чего вам эти записи? — спросил я.

— А это очень интересное дело, — ответил фельдшер. — Смотрите, за двадцать семь лет рост ребят увеличился на четыре с половиной сантиметра. Эх, прожить бы еще лет тридцать...

Тогда еще никто и не думал об акселерации. В начале войны фельдшер тяжело заболел. Он передал мне свои записи. А я с первого же дня работы в школе тоже стал записывать данные о росте и весе детей, об их умственном развитии. Теперь в моем распоряжении ценнейшие, на мой взгляд, сведения о развитии детей в одном и том же селе за 59 лет...

32 года подряд в первые две недели обучения я записываю данные о кругозоре и представлениях малышей. Дети отвечают на одни и те же вопросы.

Посчитай от одного до ста... Назови известные тебе растения, животных, птиц... Назови машины и расскажи, где и для чего они применяются...

Ответы на эти вопросы представляют, по-моему, тоже большую ценность. Интересно, что в 1935 году из 35 первоклассников только один мог считать до ста и пять человек до двадцати (тогда в первый класс поступали 8-летние дети). В 1966 году из 36 первоклассников 24 могли считать до ста, остальные 12 — до 20, 30, 40 (семилетние дети). С каждым годом у детей все больше знаний о машинах и технологических процессах. Но, к сожалению, с каждым годом дети все меньше знают о растениях, животных, птицах.

В 1935 году все 35 детей видели утреннюю зарю летом, могли описать восход солнца. В 1966 году из 36 человек видели утреннюю зарю и восход солнца в июне только 7 первоклассников.

Я записываю в свой дневник, какие книги есть в домашних библиотеках школьников, какое образование у

родителей, сколько времени уделяют мать и отец воспитанию детей. Сравнение этих материалов тоже представляет большой интерес.

Значительное место в дневнике принадлежит записям о трудных детях. Я считаю очень важным подметить тончайшие оттенки в их поведении, в умственном труде на уроках и дома. Записанные и осмысленные наблюдения очень помогают учителю в его работе. Так, учитывая относительную ограниченность интеллектуального кругозора детей с замедленной подвижностью умственных процессов, я пришел к ряду выводов о том, какую научно-популярную литературу и как должны читать эти дети.

Дневник помогает сосредоточить мысль, направить умственные усилия на что-то одно. В своем дневнике я отвел несколько страниц специально для записи мыслей о прочности знаний. Изучение, сопоставление, анализ этих записей показывают зависимость прочности знаний от многочисленных предпосылок и условий. Дневник учит размышлять.

50. О воспитании своих детей

Надо избегать парадоксального явления, имеющего, к сожалению, место в жизни: учителю, воспитывающему чужих детей, нет времени для воспитания своих детей. Я бы хотел посоветовать учителю-отцу, учительнице-матери:

Не забывайте, что дома вы для своих детей не учитель, не классный руководитель, а прежде всего отец, мать. Не превращайте семью в миниатюрную школу, по возможности делайте все, чтобы атмосфера школы оставалась за порогом вашего дома, чтобы вы и ваши дети были просто хорошей семьей.

Воспитание — это не какие-то специально, искусственно организованные «мероприятия», это прежде всего образ жизни. В руках педагога — сильный и в то же время небезопасный, требующий большой мудрости и осмотрительности инструмент — власть над человеком. Мудро и осмотрительно пользуясь этим инструментом в школе, не переносите его в свой дом. Многие свои привычки, традиционные учительские приемы надо оставлять в стенах школы. Избегайте «педагогизации» своих детей — очень плохо, когда дети ваши осведомлены о всех деталях педа-

гогической профессии, знают, что и к чему, что правильно и что неправильно, что учитель имеет право делать, и что не имеет. Совершенно недопустимы в присутствии ваших детей неллицеприятные характеристики отдельных учеников, педагогов. Дети учителей, наслушавшиеся таких разговоров, становятся заносчивыми, у них зарождается мысль о каком-то преимуществе перед другими школьниками. Нередко они грубят учителям, а потом и собственному отцу и матери, и вы, родители, будучи опытными, мудрыми педагогами, можете потерять власть над собственным ребенком. Никогда и абсолютно ничем не выделяйте собственных детей из среды других школьников.

Если есть возможность, определите своего ребенка в класс, где преподаете не вы, а ваши коллеги. Так будет лучше: вы будете несравненно ближе к своему сыну, к своей дочери как отец, как мать.

Хотя воспитывает каждый шаг в нашей жизни, но все же необходимо время специально для воспитания. Найдите время ежедневно поговорить, почитать со своим ребенком, побыть с ним среди природы. Особенно важно это для отца.

Не приносите из школы домой раздражения, нервозности, недовольства той или иной стороной педагогического процесса, поведением школьников. Это очень плохой пример для ваших детей. Если с малых лет дети увидят, что школа причиняет отцу или матери одни неприятности, у них постепенно сложится отвращение к педагогическому труду. Плохие последствия этого чувства — не только то, что вашим детям не захочется стать учителями. Это еще полбеды. Дело значительно сложнее: ученик, чувствующий отвращение к труду педагога, становится лицемером и болтуном.

У вас есть прекрасные возможности воспитать у своего ребенка любовь к труду, книге, науке. По самой своей природе труд педагога — образец благородства. Пусть ваш сын, ваша дочь чувствуют благородство вашего труда, ваших сердечных забот о судьбе других людей.

У вас — собственная библиотека. Как только ваш сын стал школьником, отведите полку для его библиотечки. Воспитывайте у него любовь к чтению, уважение к сокровищам культуры.

**51. КТО И ЧТО ВОСПИТЫВАЕТ РЕБЕНКА?
ЧТО В ВОСПИТАНИИ ЗАВИСИТ ОТ ВАС, ПЕДАГОГА,
И ЧТО — ОТ ДРУГИХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ?**

Иногда слишком прямолинейные и категорические утверждения о каком-то единственно главном факторе воспитания дезориентируют молодого учителя, потому что в воспитательном процессе *все* важно, *все* имеет свое значение.

Ребенка, которого мы начали воспитывать, формировать я бы сравнил с глыбой мрамора, к которой одновременно пришли со своими резцами несколько скульпторов и задались целью изваять скульптуру, одухотворить ее, воплотить в ней человеческий идеал. Кто же эти скульпторы, сколько их?

В процессе воспитания человеческой личности принимают участие многие силы и среди них, во-первых, семья, а в семье наиболее тонкий и мудрый ваятель — мать; во-вторых, личность педагога со всеми его духовными богатствами и ценностями, с мудростью, знаниями, умениями, увлечениями, жизненным опытом, интеллектуальными, эстетическими, творческими потребностями, интересами, стремлениями; в-третьих, коллектив (детский, подростковый, юношеский) со всей его могучей силой воспитательного воздействия на каждую личность; в-четвертых, сама личность воспитанника (самовоспитание); в-пятых, духовная жизнь воспитанника в мире интеллектуальных, эстетических и моральных ценностей — я имею в виду прежде всего *книгу*; в-шестых, совершенно непредвиденные ваятели (подросток, с которым ваш питомец подружился на улице; родственник или близкий знакомый, приехавший на неделю в гости и пленивший маленького человека на всю жизнь радиотехникой или мечтой о звездных мирах).

Если бы все эти скульпторы-воспитатели всегда действовали как хорошо слаженный симфонический оркестр, как легко решались бы многие проблемы, из-за которых

часто скрещиваются и ломаются педагогические мечи и копья.

Но у каждого скульптора свой характер, свой почерк, свои достоинства (а иногда и недостатки). Бывает, один скульптор проявляет склонность критически относиться к мастерству и творчеству другого, стремится не только тонко пройтись резцом по мраморной целине, но и грубо ковырнуть там, где только что удачно поработал другой мастер. А потом наступает момент, когда и мрамор перестает быть «глыбой», становится думающим существом, познающим не только мир вокруг себя, но и самого себя, познающим не только разумом, но и сердцем; наступает момент, когда «глыба мрамора» обнаруживает желание заглянуть в зеркало: ну-ка, что вы сделали, уважаемые мастера; берет наша полуизваянная скульптура свой резец и, пользуясь зеркалом (т. е. всматриваясь в окружающих людей, восхищаясь одними, не замечая других и возмущаясь третьими), сама начинает ваять и даже исправлять то, что сделали другие. Вот тут-то и разгораются страсти творчества: как мечи, скрещиваются резцы, летит мраморная крошка, иногда от благородного мрамора отваливаются целые куски...

Когда видишь это скрещивание мечей-резцов, слышишь звон металла и «перебранку» скульпторов-воспитателей, думаешь: какая святая наивность эти утверждения о главном и второстепенном в воспитании! Как много вреда приносит эта святая наивность всему воспитательному делу! Если бы мудрствования относительно всемогущества того или иного, отдельно взятого, скульптора-воспитателя не проникли в сознание родителей, разве мы сталкивались бы с такими утверждениями некоторых из них: «Я отдал вам свое дитя — воспитывайте. На то вы и школа».

Вы переступили порог школы, решили посвятить свою жизнь воспитанию человека — строителя нового, коммунистического общества. Помните, что вы не только живое хранилище знаний. Не только специалист, который умеет передать интеллектуальные богатства человечества молодому поколению, зажечь в его душе огонек пылкости, любви к знаниям. Вы — один из скульпторов, создающих человека будущего. И скульптор особенный, не похожий на других. Воспитание — творение Человека — это ваша профессия. Общество на вас смотрит как на мастера-ваятеля, от которого в огромной мере зависит будущее нашей

страпы. Помните, что каждая ваша ошибка может обернуться уродством человеческой личности, болью души, страданиями. Вы, творец человека, своим мастерством, умением, искусством должны давать пример другим ваятелям. Для того, чтобы человек, которого мы творим в советской школе, стал венцом нравственного, интеллектуального, эстетического совершенства, необходима согласованность действий всех скульпторов, имеющих доступ к «мраморной глыбе», необходима *гармония творения Человека*. Кто же должен стать чутким, мудрым, опытным, осторожным и смелым дирижером этой гармонии? Педагог.

Ваша задача — задача воспитателя — заключается в том, чтобы прежде всего видеть весь ансамбль мастеров-скульпторов, чутко воспринимать игру каждого исполнителя, улавливать фальшь. Другими словами, вам надо разбираться, что и от кого зависит в многотрудном процессе воспитания. Необходимо видеть, что каждый из скульпторов-воспитателей оставляет в создаваемом общими творческими усилиями человеке. Надо помнить, мой юный друг, что малейшее прикосновение резца к благородному мрамору может оставить неизгладимый след на всю жизнь. Вам надо знать, кто, когда и как прикасается к вашему творению. Для этого мало одной любви к ребенку — мало влюбиться в свое творение, как влюбился мифический скульптор Пигмалион в созданную своими руками скульптуру Галатен. Надо знать. Надо обладать умением логически анализировать причины и следствия.

Быть мудрым дирижером ансамбля мастеров-ваятелей — это не значит скрупулезно разделять обязанности и ответственность: вот за это отвечает семья, за это школа, за это — пионерская организация... Человеческая личность творится не по частям: ухо изваял один, лоб — другой, нос — третий и т. д. Такого в нашем сложном и трудном деле не бывает. Вам с первых же шагов работы в школе придется часто говорить с родителями — и на собраниях, и еще больше индивидуально. Никогда не пытайтесь строго разделять обязанности: вот за это отвечаете вы, семья, а за это мы — школа. За умственное воспитание в ответе не только школа, очень много может и должна сделать также семья, чтобы наше общее детище было умным, мудрым, тонко понимающим и глубоко чувствующим. Помните, что к одной и той же точке творимой нами Галатен иногда совершенно по-разному прикасаются различные

силы. Вы только что учили своего питомца быть честным, беречь социалистическую собственность, а непредвиденный «скульптор», о котором не имеете понятия ни вы, ни родители, учит воровать, обманывать. Мудрость и мастерство дирижера процесса воспитания заключается в том, чтобы не осталось незамеченным ни одно прикосновение к вашему созданию.

Знать причину — это значит знать все, — учил украинский философ-педагог Г. Сковорода⁶. Над этим поучением надо задуматься, мой юный друг. Сколько в школьной жизни бывает таких случаев, что, не разобравшись в причинах поступка, педагог приходит к неправильному обобщению! Бывает ведь так: повинна школа, а вызывают родителей, убеждают их, что они мало смотрят за ребенком, избаловали его и т. п.

Бывает невероятно трудно разобраться в сложном переплетении добра и зла, а разбираться надо, это святая обязанность педагога. Вы, юный друг, вступающий на благородную ниву народного просвещения, — не только один из нескольких мастеров-ваятелей, имеющих доступ в мастерскую, где творится новый, коммунистический человек, — вы должны быть учителем других мастеров. Ваше преимущество в том, что вы видите своего питомца при свете педагогической науки. Я не работал бы ни одного дня в школе, не писал бы этой книги, если бы не верил в большие возможности науки о воспитании Человека. Вы должны быть светочем научно-педагогического знания, его свет должен озарять работу других мастеров-скульпторов, творящих человека. Какие у вас — учителя, классного руководителя — есть возможности оказать влияние на семью? Как происходит самовоспитание личности и в чем здесь заключается задача педагога? Как воспитывает сама личность педагога? В чем секреты огромной воспитательной силы коллектива, при каких условиях коллектив есть и при каких его нет? Как должна воспитывать человека книга? Как добиться того, чтобы непредвиденные воспитатели оказывали на юную душу влияние в том же направлении, что и школа? Мне кажется, что советы по этим вопросам будут полезны молодому педагогу.

В наши дни нет, по-моему, более важной задачи в сфере воспитания человека коммунистического общества, чем учить мать и отца воспитывать детей. Из практики своей многолетней работы мы пришли к выводу, что, не заботясь о педагогической культуре родителей, невозможно решить ни одной задачи обучения и воспитания. *Родительская педагогика*, т. е. элементарный круг знаний матери и отца о том, как существо, родившееся от человека, становится человеком, — это фундамент, основа всей педагогической теории и практики. В кабинете материнской педагогики на видном месте у нас написаны слова Н. И. Пирогова: «Пусть женщины поймут, что они, ухаживая за колыбелью ребенка, учреждая игры его детства, научая его уста лепетать, делаются главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется их руками»⁷. В этих словах выражена основная идейная устремленность всей нашей работы с родителями.

У нас есть *педагогическая школа* для родителей, в ней отделения: дошкольное; родителей учащихся I—III классов; IV—VIII классов; IX—X классов. За три года до того, как отдать своих детей в учение, мать и отец начинают учиться в педагогической школе для родителей. Раз в две недели они слушают лекции директора школы, заместителя директора по учебно-воспитательной работе, заместителя по внеклассной работе, учителя, который будет через три года заниматься с первым классом. Вот план работы дошкольного отделения педагогической школы за 1964—1967 годы (дети родителей, обучающихся в педагогической школе, начали учиться в I классе осенью 1967 года):

1. Физическое и психическое развитие ребенка от 4 до 7 лет.
2. Как предупредить заболевание ребенка.
3. Режим, питание, физическая закалка ребенка.
4. В чем заключается умственное воспитание ребенка в возрасте от 4 до 7 лет.
5. Забота матери и отца о развитии речи и умственных способностей ребенка.
6. Как предупредить детские неврозы.
7. Трудовое воспитание ребенка в возрасте от 4 до 7 лет.
8. Как воспитывать уважение к старшим.

9. Природа в воспитании дошкольника.
10. Развитие потребностей и интересов дошкольников.
11. Познание действительности и развитие эмоций у дошкольника.
12. Как воспитывать у детей чувство человека.
13. Красота в воспитании ребенка от 4 до 7 лет.
14. Творчество ребенка в возрасте от 4 до 7 лет.
15. Как предупреждать бессердечность детей.
16. Как научить ребенка сдерживать свои желания.
17. Забота ребенка о растениях и животных как средство воспитания.
18. Игра, ее роль в умственном, нравственном, эмоциональном и эстетическом воспитании ребенка дошкольного возраста.
19. Мать — первый воспитатель и учитель ребенка.
20. Семья — школа человеческих взаимоотношений.
21. Отец и сын.
22. Мать и дочь.
23. Психологическая готовность ребенка к школьному обучению.
24. Первые элементы моральной культуры ребенка.
25. Каким человеком мы представляем себе вашего ребенка и каким его должны представлять вы.
26. Какие ошибки допускают родители в воспитании своих детей и как избежать этих ошибок.
27. Дедушка и бабушка — воспитатели.
28. Чему и как учить ребенка в дошкольные годы.
29. Как добиться, чтобы в семье царил доброта и согласие.
30. Как воспитать детей ласковыми.
31. Как быть взаимно уступчивыми.
32. Как сдерживать свои эмоциональные порывы.
33. Как воспитать у ребенка желание быть хорошим.
34. Как предотвращать детские капризы.
35. Что такое родительская власть и как ею пользоваться.
36. Как воспитывать, не прибегая к наказанию.
37. Чего в наказании больше — пользы или вреда.
38. Что можно и чего нельзя требовать от детей.
39. Воспитание детей — важнейшая общественная обязанность отца и матери.

Так как вам, учителю, придется готовить и читать лекции на такие темы, я хотел бы дать несколько советов об

этом нелегком деле. Учите родителей воспитанию как самому благородному, человечному, возвышенному творчеству, как выполнению высокого общественного долга. У нас есть прекрасные классные руководители, умеющие через каждую лекцию и беседу для родителей провести красной нитью идею творения человека, пробудить у матери и отца чувство гордости за то, что они создают самое прекрасное, самое благородное на земле. Они раскрывают родительскую педагогику как *труд, науку, мастерство и творчество*.

Эти классные руководители никогда не строят лекций и бесед в плане «проработки» родителей, допускающих ошибки и просчеты в воспитании. Советую и вам, мой юный друг, не делать этого. В жизни отдельных семей еще бывают отрицательные явления, но если вы начнете «выворачивать души», выставлять на всеобщее обозрение человеческую беду (а неумение воспитывать — это прежде всего беда), к вам будут приходить все меньше и меньше родителей, вы оттолкнете их от школы и, что особенно опасно, они на все махнут рукой: что бы я ни делал — хорошим отцом не стану, у других родителей дети хорошие, моим же суждено быть плохими. Никогда не забывайте, что, начиная говорить с родителями об их детях, вы как бы заставляете их посмотреть в зеркало. Как же отнесется к вашим словам человек, если вы скажете ему: смотрите, какой вы уродливый...

Этот совет ни в коей мере не означает, что острые углы в воспитании надо обходить и сглаживать. Наоборот, неудачи одних могут быть уроком для других. Нет ничего сложнее и противоречивее *школьно-семейного* воспитания; оно насыщено тысячами конфликтов, которые надо умно, умело, тактично, без крика и суеты разрешать. Но о плохом надо говорить, не шельмуя, не унижая при этом человека. Чаще всего, когда приходится *на миру* говорить о плохом, мы не называем фамилий родителей, допустивших ошибку, оплошность.

Для глубоких раздумий о просчетах и ошибках, для откровенного гражданского разговора о воспитании в конкретных условиях данной семьи есть другая форма работы — индивидуальная беседа с родителями, особенно беседа женщины-педагога с матерью и мужчины-педагога с отцом. Нет двух семей, в которых условия и предпосылки, определяющие общую духовную и педагогическую куль-

туру родителей, были бы абсолютно одинаковы. Каждая семья имеет что-то, свойственное только ей. Поэтому индивидуальные беседы с матерью и отцом — *беседы без детей* — входят органической составной частью в работу нашей педагогической школы. Я специально подчеркнул слова — беседы без детей. Не надо ни в коем случае посвящать детей в трудности и огорчения, удачи и оплошности в воспитании — это, кроме вреда, ничего не принесет. В хороших семьях добро и согласие, взаимные уважение, любовь и уступчивость родителей являются главной силой воспитательного воздействия, но дети и не подозревают, что их воспитывает как раз то, что в семье все хорошо.

Нам удалось добиться того, что в семье дети-дошкольники проходят своеобразную *материнскую школу*. Это ничем не заменимая школа нравственного, умственного, эмоционального и эстетического воспитания. Никакой, даже самый идеальный детский сад не может заменить материнской школы или восполнить то, что упущено матерью и отцом в самой тонкой сфере духовной жизни человека — в воспитании личности. Мы большое внимание уделяем воспитанию в материнской школе *чувства человека*. И в лекции, посвященной этой проблеме, и в индивидуальных беседах с матерями и отцами мы на конкретных примерах показываем, как воспитывать у детей сложную духовную способность всегда чувствовать, что ты живешь среди людей, что свои желания надо уметь ограничивать, учитывая интересы других людей. В нашей педагогической школе для родителей дошкольников мы постепенно выделяем этот сложнейший предмет — умение жить среди людей.

Трудно переоценить важность педагогической культуры матери. Наш педагогический коллектив твердо убежден, что родительская педагогика — это первая страница коммунистической педагогики. Заботясь о том, чтобы мать была тонким, мудрым, духовно красивым, одухотворенным высокими понятиями о моральной красоте скульптором, мы в конечном счете заботимся о душевной тонкости и чуткости ребенка, о том, чтобы самые сокровенные уголки его сердца всегда откликались на добро и красоту.

Мы стремимся к тому, чтобы в материнской школе у ребенка воспитывалось тонкое, нежное, чуткое, отзывчивое сердце. Чтобы дитя познавало окружающий мир не только умом, рассудком, но и сердцем. Чтобы ребенок близко принимал к сердцу и то, что кто-то сломал ветку на дереве, и то, что маленький птенец выпал из гнезда и беспомощно барахтается в траве, и то, что в саду появился неизвестно кем выброшенный *ничей* котенок. Мы не один час посвящаем родителям, рассказывая, как практически создать условия для такого самоуправления ребенка, чтобы он всегда, когда человеку это необходимо, выразил свое сочувствие, кого-то пожалел, кого-то приласкал, кого-то защитил, о ком-то заботился, в связи с чем-то поволновался, о чем-то погоревал. Речь идет, мой юный друг, о самых тонких резцах мастеров-скульпторов — матери и отца, об искуснейших их движениях. Третью столетия проработав в школе, я убедился, что начинать воспитывать чувства только тогда, когда ребенок уже пришел в школу, прикасаться мне, педагогу, к нетронутому ни матерью, ни отцом мрамору, — поздно. Если в семье ребенок не получил эмоционального воспитания, он не может познавать мир и воспринимать слово воспитателя сердцем. Ему будет доступным логический смысл того, что он слышит, читает, — эмоциональный же, душевный подтекст для него окажется недоступным.

Это одна из наиболее сложных проблем школьно-семейного воспитания. Почему нередко бывает так, что уже через несколько дней после начала школьной жизни ребенок совершенно не реагирует на доброе слово учителя? Почему учитель вынужден прибегать к крику и стуку кулаком по столу? Почему через месяц после начала учения ребенка уже ставят в угол, наказывают, но и это не помогает? Корень зла — в невоспитанности чувств.

Если вы, мой юный друг, стремитесь к тому, чтобы ваши будущие питомцы чутко прислушивались к каждому вашему слову, *чувствовали слово* — заботьтесь о богатстве эмоциональных отношений в семье. Сердечное одиночество так же опасно для нравственности, как отсутствие человеческого окружения для мысли. Заботьтесь о том, чтобы ребенок был с кем-то связан узами взаимного долга, взаим-

ного влечения, уважения, заботы. Нравственность вашего будущего питомца в большой мере зависит от того, отдает ли он кому-то частицу своей души или живет замкнуто в собственном мире, своими узкими заботами и своими ограниченными интересами. Индивидуализм начинается с невоспитанности чувств.

Побывайте в семье своего будущего питомца (за три года можно побывать у каждого ребенка хотя бы два-три раза), почувствуйте, что приносит ребенку радость: только то, что дают ему старшие, или же и то, что он делает своими собственными маленькими силами для других. Если единственным источником его радости является потребление благ, созданных отцом и матерью, это очень плохо; питомец ваш придет в школу бессердечным. Побеседуйте с родителями — и с отцом, и с матерью, — подумайте сообща, как открыть мальчику или девочке другие источники радости: посаженные ими дерево или куст роз в саду, маленький виноградник для людей, созданные ими аквариум, библиотечка, уголок красоты, в котором бы отдохали мать и отец. Знайте, что, заботясь об этом, вы облагораживаете детское сердце, готовите почву для нравственного, умственного, эстетического, эмоционального воспитания в школьные годы.

Заботясь о воспитании в дошкольные годы благородных чувств, не допускайте, чтобы к ребенку применялись физические меры воздействия. Нет ничего вреднее и злоещее, чем «сильные», волевые средства. Ремешок и подзатыльник, вместо умного, ласкового, доброго слова — это ржавый топор вместо хрупкого, нежного, острого резца скульптора. Физические наказания являются насилием не только над телом, но и над духом человека; ремешок делает бесчувственными не только спину, но и сердце, чувства. Тот, кто привык дома к ремешку и подзатыльнику, в школе глух к доброму слову. Я знаю детей, которых порка, избияния сделали бессердечными и жестокими. Тому, кого бьют, самому хочется бить; тот, кто в детстве хочет бить, став взрослым, захочет убить — преступления, убийства, насилие уходят своими корнями в детство. Я уже десять лет читаю лекции в дошкольном отделении педагогической школы для родителей; годы этой очень нужной воспитательной работы убедили меня в том, что до сознания и сердца матери и отца очень важно донести следующую истину: маленькое зернышко, посеянное в человеческой душе в

годы раннего детства, становится в зрелые годы могучим деревом. Все зависит от того, какое зернышко посеяно и в какую почву. Я не имел бы права носить имени народного учителя, если бы за три года до поступления ребенка в школу не сумел добиться, чтобы его сердце стало чутким, нежным, добрым, непримиримым к злу и неправде, чтобы оно не только любило добро, но и ненавидело зло.

Вместе с тем, если вы хотите, чтобы каждый ваш питомец стал настоящим человеком, научите родителей воспитывать детей в труде с пяти, с четырех лет. С того времени, когда ребенок уже держит ложку в руках и сам несет ее ко рту, он должен трудиться. Этому учит мудрая народная педагогика, этой вековой мудрости мы следуем в своей воспитательной работе. Не бойтесь, как бы не заставить детей трудиться слишком рано. Кто боится — «Ой, как рано!» — тот в один прекрасный момент с огорчением убеждается, что уже поздно. Мы считаем своей святой обязанностью одухотворять мать и отца на то, чтобы их 5—6-летние дети весной посадили яблоню Матери, Виноград Матери, Яблоню Отца, Виноград Отца, Яблоню Бабушки, Виноград Бабушки, Яблоню Дедушки, Виноград Дедушки. Маленькие дети прекрасно справляются с этой работой, если, конечно, им помогают старшие братья и сестры. Потом дети заботливо ухаживают за яблонями и кустами винограда, их мечта — принести радость матери, отцу, бабушке и бабушке — угостить их плодами.

Вот во всем этом и заключается, образно говоря, эмоциональная вспашка почвы под слово учителя. Для того, кто до поступления в школу пережил ни с чем не сравнимое чувство — принес матери плоды винограда, выращенные собственными руками, слово *мама* звучит совсем не так, как для того, кто знает только радость потребления. Знайте, мой юный друг, что лишь того ребенка, который познал радость творения, можно воспитать лаской, добром, воспитать без крика, наказания.

У читателя здесь может возникнуть сомнение: посильпо ли все это учителю? Может ли он справиться и с текущей работой по воспитанию школьников и с подготовкой к школе тех, кому сейчас четыре, пять, шесть лет?

Я отвечу вот что: в своей работе мы не делаем ничего, что не имело бы практической отдачи, т. е. в конечном счете не облегчало бы нашей многотрудной работы. В том-

то и дело, что все эти заботы о воспитании дошкольников окупаются старидей. Благодаря именно этим заботам нам легче работать, мы не знаем многих трудностей, которые в других школах — мне это известно — буквально не дают возможности организовать нормальный учебно-воспитательный процесс. У нас нет таких трудностей как недисциплинированность школьников, нежелание учиться. Мы практически не знаем наказаний в той форме, в какой они в школах применяются. Исток этих успехов — наша совместная работа с семьей. Она играет исключительно важную роль. Мы не диктуем семье: делайте вот так, беспрекословно выполняйте наши требования. Дело как раз в том, что мы, как два работающих рядом скульптора, имеем одинаковое представление об идеале и действуем в одном направлении. Ведь в творении человека исключительно важно, чтобы у двух скульпторов не было противоположных позиций.

54. КАК ДОБИТЬСЯ, ЧТОБЫ ОТЕЦ И МАТЬ КАК ВОСПИТАТЕЛИ ВЫСТУПАЛИ В ЕДИНСТВЕ

Мы должны заботиться, чтобы у матери и отца было единое представление о том, кого они вместе со школой воспитывают, а отсюда и о единстве их требований, прежде всего — к самим себе. Добиться того, чтобы отец и мать как воспитатели выступали в единстве — это значит научить мудрости материнской и отцовской любви, гармонии доброты и строгости, ласки и требовательности. С большим тактом, не прикасаясь к личному, зачастую болезненному, мы стремимся предотвратить ошибки родителей в этой самой тонкой сфере духовной жизни. Там, где нет мудрости родительской педагогики, любовь матери и отца уродует детей. Мы на конкретных примерах показываем, какой большой вред приносит детям любовь умиления, любовь деспотическая, любовь откупа.

Любовь умиления — это самое печальное, что можно себе представить в отношениях родителей и детей. Это инстинктивная, неразумная, иногда — напрашиваются слова — *куриная любовь*. Мать и отец радуются каждому шагу ребенка, не задумываясь, какой это шаг и к чему он может привести. Ребенок, воспитываемый в духе умиления, не знает, что в человеческом общении есть понятия «можно», «нельзя», «надо». Ему кажется, что ему все можно. Он вырастает капризным, нередко болезненным существом,

для которого малейшая трудность в жизни становится непосильной тяжестью. Воспитанный в духе умиления — эгоист, как говорится, до мозга костей. Он не знает своего долга перед родителями, не умеет и не хочет трудиться, потому что не замечает людей и не чувствует сердцем, что у тех, кто его окружает, и прежде всего у матери, отца, бабушки, дедушки, есть свои желания, свои потребности, свой духовный мир. Ему кажется, что он приносит радость, счастье родителям уже тем, что он живет на свете, существует.

Предотвратить любовь умиления можно лишь при условии, когда вы будете говорить одновременно и с матерью и с отцом. Речь идет о воспитании родительских чувств, а чувства — очень тонкая вещь. С целью воспитания чувств молодых родителей мы, учителя, приглашаем матерей и отцов дошкольников — наших будущих учеников — не только на занятия педагогической школы, но и на своеобразный практикум. В те дни, когда ученики младших классов (особенно I и II) выполняют коллективную общественно полезную работу, нам помогают молодые отцы и матери. Вместе с нами руководя трудом, они учат детей управлять своими желаниями, подчинять их труду, дисциплине, воле коллектива. Учат детей и благодаря этому учатся сами как воспитатели.

Предостерегайте родителей еще от одной разновидности неразумной, инстинктивной любви. Это любовь деспотическая. Почвой здесь является смесь эгоизма и бескультурья некоторых родителей. К своим детям они относятся, как к вещам: мой стол — где захочу, там и поставлю; моя дочь — что захочу, то и скажу, что придет в голову — то и потребую. Я знал отца, который дошел вот до чего: купил 15-летней дочери, ученице VIII класса, модные туфли и хорошенькое платье. Туфли приказал поставить рядом со столом, за которым девушка готовит уроки, платье повесил здесь же. И предупредил: будут по всем предметам к концу четверти отметки не ниже четверки — падай платье и туфли. Будет хоть одна тройка — не прикасайся к обновкам.

Есть еще, мой юный друг, в нашем обществе люди, переживающие удовольствие от деспотического упоения властью над другим человеком. Знайте, что борьба с этим явлением очень трудная и сложная. И бороться с ним надо прежде всего нам, педагогам.

Не допускайте возникновения хотя бы в одной семье обстановки мелочных придирок, упреков, истерических жалоб и обвинений — в такой атмосфере маленький человек *ожесточается*, и это, на мой взгляд, один из самых страшных ударов по юному сердцу. В лекциях, беседах рассказывайте, как мелочность превращает доброго человека в самодура, как самодурство изгоняет то душевное движение, которое в нормальных семьях является источником доброты, разумной сдержанности и уступчивости детей. Это движение души — *ласка*. Не знающий ласки в детстве становится грубым, бессердечным в годы отрочества и ранней юности.

Вы, наверное, слышали тревожные раздумья родителей: был сын маленьким ребенком — был добрым, сговорчивым, послушным; подросток — стал грубым, своенравным. Почему так происходит? Как разъяснить и что посоветовать родителям? Я тысячу раз убеждался, что причина этого явления — в неумении пользоваться *родительской властью*. Вот здесь особенно важно говорить одновременно и с отцом, и с матерью — ведь родительская власть — это и есть сочетание мудрости, единство воли, чувств, желаний матери и отца. Там, где нет слияния мудрости двух взрослых людей, горячо влюбленных в свое творение, власть родителей превращается в произвол. Если только ребенок почувствовал, что мать и отец по-разному смотрят на понятия *можно, нельзя, надо* — для него самые разумные вещи кажутся насилием, принуждением, попранием его свободы; вот тогда отцу и матери и приходится удивляться: почему это ребенка невозможно научить жить без плепков и подзатыльников, без ремешка и палки? Да потому, что умные, необходимые требования ребенок осознает и переживает как злую силу, подавляющую его волю.

Предостерегайте еще против одной разновидности неразумной родительской любви — любви откупа. Есть отцы и матери, искренне убежденные в том, что, обеспечивая все материальные потребности детей, они выполняют свой родительский долг. Ребенок одет, обут, сыт, здоров, у него есть все учебники и наглядные пособия — что же вам еще надо? Материальными затратами, считают такие родители, можно измерить родительскую любовь. В данном случае школа имеет дело с небольшим числом отцов, страдающих нравственно-эмоциональной толстокожестью. По существу, они не знают, что такое родительская любовь. Среди

матерей, если они связаны с детьми узами повседневной духовной общности, таких почти нет. Нравственно-эмоциональная толстокожесть, бездушное отношение к своим детям — далеко не всегда результат низкого уровня образования отца. Это результат взгляда на воспитание детей, как на что-то совершенно обособленное, отделенное каменной стеной от общественных обязанностей.

Предупреждение этого порока требует того, чтобы советы родителям, особенно отцам, о воспитании их детей пронизывала красной нитью мысль об общественном долге отца и матери, об их ответственности за будущее своих детей.

Если в семье, где отец понимает свои обязанности лишь как обеспечение материальных потребностей детей, и мать не стала центром их духовной жизни, детей окружает атмосфера духовной пустоты, убожества. Они живут среди людей и не знают людей — вот что наиболее опасно в таких семьях; детским сердцам незнакомы и недоступны тонкие человеческие чувства, прежде всего ласка, участливость, сострадание, милосердие. Они могут вырасти эмоционально невежественными людьми. По отношению к этим детям воспитательный долг школы особенно велик: они должны пройти в стенах учебно-воспитательного заведения специальную школу воспитания чувств. Это целая проблема теоретической и практической педагогики; к сожалению, этой главы в теории воспитания по существу нет: никто специально не исследует того, как воспитывать чувства, особенно как воспитывать детей, эмоционально нравственный мир которых в силу семейных обстоятельств опустошен, обезличен.

55. КАКОЙ ЖЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ШКОЛА ВОСПИТАНИЯ ЧУВСТВ

Все, о чем здесь будет идти речь, — это совместная работа педагога и родителей. И говорить мы будем не только о воспитании тех детей, которые в семье лишены сердечного, заботливого, душевного отношения родителей, а о нравственно-эмоциональном воспитании всех детей.

Учить ребенка видеть, понимать, чувствовать сердцем людей, — это, пожалуй, наиболее тонко благоухающий цветок в саду, имя которому — воспитание чувств. Наша любовь к детям должна быть такой, чтобы у ребенка пробу-

ждалась чуткость сердца к окружающему миру, ко всем что создает человек, что служит человеку, и, конечно прежде всего к самому человеку. Я твердо убежден, что воспитание человеческого благородства в детском сердце начинается с очеловечивания его отношения к людям с одухотворения этого отношения чистым, возвышенным чувством уважения к человеку и прежде всего уважения к матери и отцу.

Дети только что переступили порог школы, стали учениками. В первые годы школьной жизни исключительно значение имеет связь школы с родителями — подчеркиваю — с обоими родителями, и с матерью, и с отцом. Индивидуальные беседы учителя, директора школы с матерями и отцами, раздумья, советы — это наша лаборатория воспитания. Мы сообща думаем, что должен делать ребенок в чем должна заключаться его активная деятельность, чтобы он чувствовал сердцем, что живет среди людей.

Вместе с родителями мы добиваемся того, чтобы школьные годы, особенно годы обучения в начальных классах были школой сердечности. Самые ценные уроки в этой школе — создание красоты, забота о красивом для человека. Все, что доставляет ребенку эстетическое наслаждение, радость, удовлетворение, имеет чудодейственную воспитывающую силу. Дети создают красоту для семьи, для матери и отца, для других людей.

Осенью у нас проводится Праздник Розы. Это и семейный, и школьный праздник. Прежде всего семейный. Дети не собираются всем коллективом, нет той торжественности в которой, к сожалению, мало искренних, неподдельных детских чувств и много искусственного, не свойственного природе ребенка. Наши детские праздники проводятся главным образом в семье, но готовят детей к ним школа.

Осенний праздник Розы — это день, в который каждый ребенок сажает на приусадебном участке родителей несколько кустов роз. Мы даем ребенку саженцы — возьми посади, ухаживай за ними, создавай красоту, принеси радость матери, отцу, бабушке, дедушке.

Ребенок сажает розы. Ему часто приходится напиться: разрыхли землю, полейте, береги растение от мороза. Он же привык к заботам и повседневному труду. До того чтобы труд стал для него радостью, — еще далеко, ой, и далеко. Результат, о котором говорим мы ребенку, — благодатный цветущий цветок — в его представлении — невообразим

далекое будущее. Ребенок еще не умеет терпеливо ждать и стремиться к цели — этому его надо учить, и учить трудом.

Но вот появляется первый бутон, второй, третий. Бутоны раскрываются, блестят на солнце алые, розовые, синие, голубые лепестки. Огоньки радости в детских глазах в эту пору ни с чем не сравнимы. Это не та радость, которую переживает ребенок, получивший что-нибудь в подарок от родителей. Это не радость досуга, отдыха, не радость предвкушения удовольствий поездки на экскурсию. Это радость творения добра для самых дорогих людей — матери, отца, бабушки, дедушки. И это добро трогает, волнует, радует детское сердце как раз потому, что добро это — красота.

Для меня нет счастья больше, чем видеть сияющие детские глаза в те мгновенья, когда ребенок срезает цветок розы и несет его матери. Глаза ребенка одухотворены в эти мгновенья чистым сиянием человечности. Они озарены глубокой внутренней радостью.

Это один из самых нужных, самых значительных уроков воспитания чувств. Ребенок, переживший первую радость творения красоты для людей, приобретает новое видение красоты. В цветущих ветвях яблони, в созревающих гроздьях винограда, в задумчивых цветах хризантемы он видит воплощение труда, забот, тревог. У него не поднимется рука сломать ветку, сорвать цветок просто так.

Разумеется, мой юный друг, я не идеализирую красоту в каком-то ее абстрактном выражении, красоту «саму по себе». Красота становится могучей воспитывающей силой лишь тогда, когда она одухотворена высокими идеалами, коммунистической человечностью — любовью к людям труда и ненавистью, непримиримостью, нетерпимостью к классовому врагу, к социальной несправедливости, к угнетению человека человеком.

Проходит первый год школьной жизни, дети переходят во II класс, и вот мы с ними закладываем Сад Благодарности. Это — сад для людей, для стариков, которые проработали на земле сорок, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лет, а есть люди, проработавшие и восемьдесят, девяносто лет. Для Сада Благодарности мы берем, как правило, участок заброшенной, неплодородной почвы, превращаем ее в почву высокого плодородия, высаживаем виноград, яблони, груши, сливы. Нелегкий это труд — бывает, надо перенести десятки тонн плодородного ила, чтобы в земле пробудился

источник жизни. Но этот труд одухотворен высокой целью: мы приносим радость людям. Радости этого труда ни с чем не сравнимы и не сопоставимы.

В Саду Благодарности созревают первые плоды, дети приглашают в сад уважаемых своих односельчан — дедов своих и прадедов. В уважении к старости наиболее ярко проявляется уважение к человеку. Неуважение, а тем более равнодушие к старости жестоко мстит обществу — бессердечностью, злом, душевной пустотой, преступностью.

Дорогой мой юный друг, направьте своего питомца по той тропинке нравственного развития, где труд одухотворен благородством, и вы увидите, что мгновенье, когда он сорвет плоды в Саду Благодарности и поднесет человеку, полстолетия проработавшему на земле, — это мгновенье оставит неизгладимый след в его душе — он как бы поднимается на первую вершину в своем нравственном развитии.

Переживая бескорыстную радость творения добра, ребенок приобретает драгоценное богатство души: он чувствует сердцем, когда и где товарищу, другу, любому человеку, живущему рядом, надо помочь. Ребенок, испытывающий потребность делать добро, испытывающий потребность в человеке, — а об этой потребности писал Маркс как о величайшем духовном богатстве свободного человека⁸, — становится очень зорким, восприимчивым, чутким к окружающему миру, к людям, к поступкам, событиям, взаимоотношениям между людьми.

56. ЧТО ДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ДЕТЯМ ХОТЕЛОСЬ ХОРОШО УЧИТЬСЯ

Я твердо убежден, что самым сильным, самым могучим стимулом, побуждающим ребенка к сознательному, усидчивому умственному труду, является очеловечивание его умственного труда, облагораживание его желанием принести радость дорогим родным людям — маме, папе. Сердечный, отзывчивый ребенок чувствует зло там, где казалось бы с первого взгляда, и нет дурного поступка. «Я должен учиться хорошо, — сказал мне однажды Коля, ученик IV класса, — у мамы большое сердце». Ребенок чувствует, что если в его таблице появится плохая отметка, сердце матери будет огорчено. Ему хочется, чтобы мать была спокойной. Он знает, что своим трудом может успокоить сердце матери, не беспокоить ее.

Если вы хотите, чтобы ребенку хотелось хорошо учиться и этим он стремился приносить радость матери и отцу, берегите, лелейте, развивайте у него чувство гордости труженика. Это значит, что ребенок должен видеть, переживать свои успехи в учении. Не допускайте, чтобы дитя переживало безысходную горечь отставания, какой-то своей неполноценности. Оптимизм, вера ребенка в свои силы — это та прочная нить, которая связывает школу и семью; это магнит, притягивающий мать и отца к школе. Разрушено оптимистическое мировосприятие ребенка — значит, между школой и семьей воздвигнута каменная стена.

Для сохранения этого огонька оптимизма очень важно, чтобы мать и отец, образно говоря, стояли у колыбели детских знаний, непосредственно участвовали в обучении ребенка, радовались вместе с ним его успехам, близко к сердцу принимали его удачи и огорчения. Материнская педагогика — это не только воспитание, но и обучение. За два года до начала школьного обучения у нас начинается целенаправленная, детально спланированная совместная работа школы и родителей, имеющая целью дать детям элементарные знания грамоты и арифметики. Один раз (а за полгода до начала занятий в школе — два раза) в неделю будущие ученики приходят в школу. С детьми занимается педагог, который будет учить их в начальных классах. Дети учат азбуку, учатся читать, решают задачи. Конечно, один час в неделю ничего не дал бы, если бы обучение не продолжалось в семье. На запятиях родительской школы мы учим матерей и отцов, дедушек и бабушек, как обучать детей грамоте и арифметике. Выработались интересные приемы домашней материнской дидактики. В их основе — живой интерес ребенка к знаниям, книге; сочетание игры с целенаправленным умственным трудом; постоянное духовное общение детей с родителями. Для обучения грамоте и арифметике старшие школьники изготавливают специальные наглядные пособия. Поступая в первый класс, наши дети умеют читать и считать, это в значительной мере облегчает дальнейшее учение, делает интересным умственный труд. Но дело не только в этом. Подготовка к школе духовно сближает детей и родителей. Мать и отец, принимая близко к сердцу успехи и неудачи ребенка, постигают тонкую науку уважения детского желания быть хорошим. Вместе с тем дошкольное обучение предостерегает родителей от неправильной мысли о том, что если «хорошо

нажать», ребенок будет учиться на «5» и «4». Мы стремимся к тому, чтобы отец и мать понимали: оценка успеваемости не выражает оценку нравственности. Нарушение этого наносит глубокие травмы ребенку, иногда калечит его душу. Отождествление оценок по предметам и нравственного облика является результатом бездумной погони за кажущимся показателем благополучия — цифрой. Мы считаем недопустимым сводить все к прямолинейному выводу: хорошие оценки — хороший ребенок; оценки «не те, что надо» — значит и ученик «не дотянул до уровня». В этом странном, педагогически неграмотном взгляде исчезает человек как гармоническое единство многообразных черт, качеств, способностей, наклонов.

Этот взгляд, к сожалению, проник во многие семьи, в общественную жизнь. Я не могу без возмущения слушать и читать многочисленные статьи, в которых красной нитью проводится идея: тройка — это слабые, никудышные знания. Пора твердо сказать самим себе, уважаемые товарищи педагоги: тройка — это характеристика совершенно удовлетворительных знаний. Кстати, если у всех учителей будет правильный взгляд на эти вещи, исчезнет очковтирательство — неудовлетворительные знания не будут оцениваться тройкой, как это, к сожалению, бывает во многих случаях. И родители не будут требовать от своих детей невозможного: ведь не у всех одинаковые способности, одному легко учиться на «5», «4», а для другого и оценка «3» — большой успех. Особенно важно это помнить сейчас, когда мы стоим на пороге осуществления всеобщего среднего образования.

57. КАК УГЛУБЛЯТЬ ВОСПИТАТЕЛЬНУЮ РАБОТУ С РОДИТЕЛЯМИ ПО МЕРЕ РОСТА И РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА

Ряд педагогических идей мы проводим красной нитью через всю работу школы с родителями. Особенно большое значение мы придаем идее единства духовной жизни семьи и школьного обучения ребенка. Педагогический коллектив стремится убедить матерей и отцов в том, что в семье должен царить дух уважения к науке, культуре, книге. Совместно с семьей мы проводим Праздники Книги. Их смысл заключается в том, что отец и мать приобретают для домашней библиотечки художественную литературу. О книге

в семье и духовной жизни семейного коллектива мы читаем лекции во всех отделениях педагогической школы для родителей, проводим индивидуальные беседы. Мы стремимся к тому, чтобы у ребенка воспитывались многогранные духовные интересы и потребности, среди которых на первом месте должна стоять потребность в книге. Нам удалось достигнуть того, что предвечерний час во многих семьях стал часом книги: дети и подростки читают книги из собственной домашней или из школьной библиотеки.

В связи с этим большое внимание мы уделяем еще одной очень важной педагогической идее — самовоспитанию детей, подростков, юношей и девушек, которое невозможно без семьи и без книги. Мы добиваемся того, чтобы формирующийся человек умел пользоваться свободным временем, ценить его, вдумчиво наполняя деятельностью, необходимой для развития духовных потребностей.

Мы рассказываем матерям и отцам о том, как с первых шагов сознательной жизни ребенка в его душе должны создаваться, откладываться, закрепляться черточки гражданина. Корни гражданского сознания и гражданских чувств уходят в детство; маленькое зернышко, заложенное в душу ребенка, дает мощную поросль, пускает глубокие корни. Мы придаем большое значение советам о том, как закладывать эти гражданские зернышки, как зарождается гражданское сознание. Очень важно, учим мы родителей, чтобы в семейном коллективе, а значит и в духовной жизни ребенка отражались общественные интересы. Воспитывайте сознание ребенка так, чтобы общее благо, забота о благе других людей становились глубоко личным делом будущего гражданина; чтобы мир его мыслей и чувств не был ограничен потреблением материальных и духовных ценностей. Здесь опять приходится напоминать, что нравственное лицо человека в большой мере зависит от того, где источники радости, которую он переживает в детство. Жизнь представляет множество возможностей для того, чтобы маленький человек близко к сердцу принял то, что с первого взгляда его не касается. Помогая родителям увидеть, почувствовать сердцем эти возможности, мы учим их воспитанию как творчеству. Вот на улице, против вашего двора, растет чахлое деревцо, неизвестно кем и когда посаженное. Если о нем не позаботиться, оно погибнет. Откройте своему сыну-второкласснику глаза на то, чего он

до сих пор не видит и не увидит никогда, если не пробуждать в его сердце гражданских чувств. Пусть ухаживает за чахлым деревцом, поливает его, оберегает от вредителей. Помогите ему посадить еще три деревца — пусть он переживет первое чувство гордости от того, что сделал что-то для людей. И чем старше ребенок, тем значительно должны быть его дела, представляющие собой жизненную основу для гражданских чувств, тревог, забот.

В системе нашей работы с родителями уделяется также большое внимание проблеме *социальной зрелости* подростков и юношества. В этой, тоже очень тонкой и трудно уловимой сфере духовной жизни единство усилий школы и семьи имеет особенно большое значение. Без семьи здесь ничего сделать невозможно, и рассматривать социальную зрелость вне материнской педагогики — означало бы попусту тратить время. Самый главный корень социальной зрелости подростков и юношества — это трудовой вклад в бюджет семьи. Мы считаем совершенно недопустимым, что до окончания школы юноши и девушки во многих случаях являются лишь потребителями материальных благ. Это основная причина инфантилизма некоторой части юношества. Заботясь вместе с семьей о социальной зрелости учащихся средних и старших классов, мы добиваемся, чтобы каждый юноша, каждая девушка принимали участие в общественном производстве, по-настоящему трудились не в воспитательных целях, которые обычно ставит школа, а в целях материальных — для создания материальных благ. Постановка именно этой — более жизненной, практически необходимой цели превращает труд из занятия, имеющего оттенок какой-то школярской повинности, в дело самой жизни. Чем меньше чувствуется в труде школьного, точнее, школярского воспитания, тем глубже его подлинный воспитательный смысл. Благодаря единству идеала школы и семьи, единству требований к трудовой жизни подростков и юношества у нас стало традицией:

в период от 12 до 14 лет подросток зарабатывает деньги, необходимые для приобретения обуви и одежды на зимний период;

в период от 14 до 17 лет юноши и девушки зарабатывают на одежду и обувь на весь год;

учебники и учебные пособия окупаются, как правило, трудом школьников, начиная с 10-летнего возраста.

От того, как человек трудится, что и с какой целью он делает, зависит то, как он мыслит. Ни о каких сознательных планах на будущее, ни о какой серьезной профориентации не может быть и речи, если труд в школьные годы является каким-то привеском к воспитанию. Мы не могли бы даже начинать разговора с родителями о зрелости мышления их детей, о самостоятельности их работы над уроками, о гражданском чувстве ответственности, о моральной готовности юношей и девушек к созданию собственной семьи, если бы труд подростков, юношей и девушек не был совершенно серьезным, *взрослым* делом.

58. КАК СОВМЕСТНО С СЕМЬЕЙ РУКОВОДИТЬ ДЕТСКИМ ТРУДОМ

Я еще раз подчеркиваю исключительную важность того, чтобы детский, подростковый, юношеский труд включался в экономическую, материальную жизнь семьи, был в ней органической необходимостью, чтобы мать и отец рассматривали его как святой долг детей. Если этого нет, никакие педагогические ухищрения школы не дадут абсолютно никаких результатов. Если детский труд семье не нужен, если родители сами, бывает и так, из кожи лезут, чтобы облегчить жизнь детей, освободив их от труда, никакие недельные, двухнедельные, месячные практикумы, организуемые школой, не станут для детей трудом, они останутся игрой и только игрой — правда, надоедливой и тягостной, от которой хочется поскорее освободиться. Воспитательную силу труд обретает лишь тогда, когда он становится экономической необходимостью. Если это есть, тогда и все остальное, как говорится, приложится: и учение становится трудом, и то, что отец заболел и не может работать, вызывает у подростка настоящие, взрослые раздумья.

В сельской школе очень легко решать организационно-педагогические вопросы детского труда. Да, повторяю, речь идет именно о детском труде. Настоящим тружеником и вообще настоящим человеком существо, родившееся человеком, становится лишь тогда, когда труд для него не абстрактное педагогическое упражнение, а дело, без которого нечего будет есть, не во что будет одеться и обуться. Мы вместе с родителями заботимся о том, чтобы найти для детей посильную и в то же время значительную по своей

производительности работу. 7—8-летние дети работают вместе с матерями и старшими сестрами и братьями в шелководческих звеньях: заготавливают (срезают) ветки тутовника, приносят их к стеллажам, раскладывают, убирают мусор. 9—10-летние мальчики и девочки, кроме работы в шелководческих звеньях, отбирают семенные початки кукурузы, готовят семена овощных растений, собирают и вносят в почву на овощных грядках местные удобрения. 11—12-летние дети ешат сено, собирают овощи и фрукты, пасут овец и скот.

Подростки ухаживают за скотом на животноводческих фермах, силосуют кормовые культуры, очищают семена; отдельные мальчики 12—14-летнего возраста работают на огородных тракторах. Юноши и девушки управляют различными сельскохозяйственными машинами, обрабатывают почву, рыхлят междурядья технических и овощных культур, сеют, убирают урожай.

Может быть вам, мой юный друг, покажется необычным раннее вовлечение детей в настоящий производительный труд. Я знаю, что у отдельных педагогов паша система трудового воспитания вызывает опасения: есть ли у детей время для отдыха, не перегружены ли они? У нас этих опасений нет. Мы не придумывали этой системы. Это вековые традиции народной педагогики: дети помогают трудиться родителям, родители не могут в своем труде обойтись без детей; как только ребенок научился нести своей рукой ложку от тарелки ко рту, он работает — не для того, чтобы поупражняться в труде, а потому, что никто из людей, окружающих ребенка, без труда не представляет себе жизни.

Народная педагогика знает, что ребенку посильно и что непосильно. Потому что в ней органически сочетается жизненная мудрость с материнской и отцовской любовью. Народная педагогика не боится того, что труд приносит усталость, она знает, что труд невозможен без пота и мозолей.

Народная педагогика, знающая волшебную силу труда, открыла перед нами новые источники воспитательной мудрости, неведомые в книжной педагогической теории. Мы убедились, что только благодаря труду, в котором есть и пот, и мозоли, и усталость, человеческое сердце становится чутким, нежным. Благодаря труду человек обретает способность познавать окружающий мир сердцем. Ребенок-

труженик, подросток-труженик видит людей совсем не так, как тот, кто не знает настоящего труда.

59. КАК ТРУДОМ ОБЛАГОРАЖИВАТЬ СЕРДЦЕ, ВОСПИТЫВАТЬ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Помню маленькую девочку Зою. Обожая дочурку, мать потакала всем ее прихотям. И вот мать стала болеть. Это была длительная, изнуряющая болезнь с временными улучшениями здоровья и неожиданными ухудшениями. III класс, в котором училась Зоя, собирался ехать в интересное путешествие по Днепру — дней на пять. В школу пришла мать Зои — посоветоваться, что надо приготовить дочке в дорогу. Мать чувствовала себя очень плохо, но она старалась не замечать атак недуга. Мне с трудом удалось убедить мать, что ехать Зое нельзя: разве можно оставить мать в таком состоянии? Я позвал девочку с урока и сказал, что она не поедет. Зоя расплакалась.

— Неужели ты не видишь в каком состоянии мама? — спросил я. — Ведь она тяжело больна. Сколько сил стоит ей казаться здоровой — неужели тебя это не беспокоит?

Девочка смотрела на меня с недоумением.

— А откуда мне это знать? — равнодушным тоном сказала Зоя. — Мать не говорит, больна она или здорова.

Девочка была явно недовольна тем, что ей нельзя поехать с товарищами. Рассудок подсказывал ей, что нельзя оставить мать, но сердце ничего не говорило — вот в чем беда.

Не один год пришлось мне пробуждать сердце этой маленькой девочки. Первой моей воспитательной заботой было то, чтобы Зоя пережила гордость от труда для матери, для своих товарищей-одноклассников. Увидев в ее глазах сияние этой человеческой гордости, я мог сказать: вот теперь в этом существе рождается человек.

Теперь Зоя стала взрослым человеком, матерью двух детей. Старший сын ее — дошкольник, мы уже вместе с матерью воспитываем его.

Школа воспитывает коммунистического человека. В обществе, которое мы создаем, человек человеку должен быть другом, товарищем, братом. Эти возвышенные качества воспитываются только тогда, когда человек отдает частицу

своей души во имя счастья других людей. *Отдача* духовного богатства — только это и есть *приобретение* духовного богатства. Человеческие отношения раскрываются ярче всего в труде — когда один что-то создает для другого. Труд — понятие неисчерпаемое, потому что оно — человеческое. Труд не только там, где человек сеет хлеб или сажает дерево. Самый тонкий, самый сложный труд — когда человек приходит к человеку, видит в его глазах, читает между «строк» его слов призыв о помощи. Этот труд является высшей ступенью деятельности человеческого духа. Но чтобы достигнуть вершины, необходимо пройти ступени первоначальные — работать для материального благосостояния семьи, создавать материальные ценности, необходимые для того, чтобы человек ел, одевался, жил в благоустроенном жилище.

60. КАК ВМЕСТЕ С РОДИТЕЛЯМИ ВОСПИТЫВАТЬ БУДУЩИХ МАТЕРЕЙ И ОТЦОВ

Да, только вместе с родителями. Человек, которого воспитывает школа, не только гражданин и труженик, но и будущий отец, будущая мать, воспитатель своих детей. Наш педагогический коллектив озабочен тем, чтобы предотвратить легкомысленное, несерьезное отношение к браку, любви, рождению детей, которое, к сожалению, можно еще встретить среди молодежи. Свои заботы мы разделяем с родителями. На занятиях педагогической школы мы рассказываем матерям и отцам о том, какие задачи выдвигает перед ними жизнь в тот период, когда их дети приближаются к половой зрелости. Мы стремимся прийти к единым взглядам и убеждениям с матерями и отцами относительно того, как облагораживать половой инстинкт. Потом, когда дети становятся юношами и девушками, мы проводим с ними беседы — учителя-мужчины и отцы — с юношами, учительницы-женщины и матери — с девушками. Многолетняя работа в школе убедила меня в том, что это крайне необходимое дело. Здесь происходит, можно сказать, самое пажное, самое тонкое, осторожное и в то же время необходимое прикосновение к юношеским сердцам. Мы учим юношей и девушек жить, учим быть настоящими людьми. Эту миссию можно доверить только наиболее чутким и человечным педагогам.

— Нет какой-то специальной «науки» любви, — учим

мы и юношество, и родителей.— Есть наука человечности, кто овладел ею, тот готов к благородным духовно-психологическим и морально-эстетическим отношениям, готов к созданию нового человека. Любовь — это самый строгий экзамен человечности. Но первые экзамены по этому предмету человек сдает в детстве и отрочестве, когда он отдает часть своих духовных сил другим людям.

Я хочу посоветовать вам, мой юный друг: готовя человека к самому мудрому творчеству — созданию человека, воспитывайте его ум, волю и чувства в их неразрывной связи и взаимоподчиненности. Ум и воля должны быть в этой сфере духовной жизни особенно бдительными стражами чувства — полового влечения. Не верьте утверждениям некоторых писателей и публицистов, считающих, что чувству приказать нельзя, человек мол не властен над своими влечениями. Это мягкое покрывало, которым пытаются прикрывать половую распущенность и «свободу любви», против которой так резко выступал В. И. Ленин.

Юношей, стоящих на пороге жизни, учите, мой юный друг, великим человеческим истинам: любовь—это прежде всего ответственность за судьбу того человека, которого полюбил. Развратник и негодяй тот, кто в любви ищет только наслаждений. Любить—это значит прежде всего *отдавать*, отдавать любимому существу силы своей души, творить для любимого существа счастье.

Пусть на всю жизнь запомнят ваши питомцы, что от характера отношений мужчины и женщины до брака, от того, насколько преобладает в этих отношениях духовно-психологический, морально-эстетический элемент, зависит нравственная чистота всей их жизни.

Не бойтесь рассказать юношам и девушкам о том, что такое семейная жизнь, как переплетается в ней духовное и материальное. И юношей, и девушек мы предостерегаем от того, чтобы чувства не заслонили разумных, трезвых мыслей о материальном благе будущей семьи. Старая поговорка: с милым и в шалаше рай — в наши дни не оправдывается. Не рай, а одно мученье, если пет самого необходимого для жизни. Прежде чем думать о создании семьи, овладейте специальностью, получите заработок, станьте на собственные ноги, — учим мы юношей и девушек.

В воспитании большую роль играет слово. Но необходимо множество условий, чтобы слово-поучение о том, как жить, доходило до юных сердец. Еще раз надо повто-

рять, что сердечная чуткость к слову есть только у того, кто трудится, вкладывая в свой труд желание принести добро людям, кто уже познал радость творения счастья для людей. Слово доходит до сокровенных уголков юношеских сердец при том условии, когда ко времени вступления в раннюю юность, уже в годы отрочества, человек имеет значительный нравственно-трудовой опыт. Сначала пробудить сердце, чтобы оно пережило радость творения добра для людей, а потом обратиться со взволнованным, одухотворенным словом — такова логика воспитательного воздействия педагога на юную душу. В этом воздействии активная духовная деятельность органически сливается со словом. Такое слияние особенно важно там, где речь идет о воспитании будущих мужей и жен, отцов и матерей. Слияние активной духовной деятельности воспитанников и слова педагога в этой сфере человеческой жизни начинается самым чистым в мире ручейком, имя которому — уважение к женщине. Без совместной работы школы и родителей этот ручеек быстро иссякнет, высохнет, закроются родники, питающие его.

61. КАК ВОСПИТЫВАТЬ УВАЖЕНИЕ К ЖЕНЩИНЕ — ДЕВУШКЕ, МАТЕРИ

Умейте, мой юный друг, донести до сердец и разума своих питомцев ту истину, что с матери начинается святое чувство патриотизма. Умейте научить своих питомцев видеть жизнь, — а в жизни множество тех сложнейших человеческих отношений, которые прямо говорят юношеству, иногда вопиют: не проходите мимо, вмешайтесь в то, что вы видите.

Морозный январский день. Мои питомцы-восьмиклассники еле добрались в школу — везде снежные сугробы. Собрались в теплом школьном коридоре, отряхивают снег. Кто-то вспомнил: а ведь рядом с нашим домом живет старая женщина — как она сейчас? Снег-то идет второй день. Идемте к ней, разве можно спокойно сидеть в теплом классе и забыть о том, что снег засыпает маленький домик, в котором живет человек? Может быть, женщине некому и воды подать.

Через снежные сугробы с трудом добрались к домику. Открываем дверь. У женщины жар. Что делать? Звоним в больницу.

Больную надо доставить в больницу. Колхоз дает машину, но она и со двора не может выехать. А женщина стонет, мечется в жару. В юных глазах вспыхивают оговорки — таких я еще никогда не видел. Это и мужество, и готовность помочь человеку. Делаем носилки, закутываем больную в шубу. Беремся вшестером, несем. Шесть человек несут, а двенадцать впереди прокладывают дорогу. Через каждые двести метров меняемся. Намечаем: вон до того сугроба несут одни, а дальше другие. Глаза засыпает снег, на дворе двадцатиградусный мороз, а мы, обливаясь потом, не чувствуем ни холода, ни усталости. До больницы мы добирались пять часов: только в сумерках, наконец, положили больную в постель.

В этот день произошло рождение мужчин. Четырнадцатилетние подростки поднялись на первую ступеньку мужества. Этот день они никогда не забудут. Вот теперь у них открылись сердца, они жадно воспримут мое слово о женщине, о матери, о девушке, о красоте и мужестве. Несколько дней подряд собираемся мы с ними в тихий вечерний час в комнате, которая называется у нас Комнатой Мысли — и я чувствую, что благородный поступок перевернул душу, вспахал поле под слово, которое в одних случаях является могучей воспитательной силой, а в других — пустой звук — одно и то же слово, об одном и том же... Чтобы слово о женщине заставило чаще биться юношеские сердца, поднимите подростков на первую ступеньку мужества. Пусть они совершат благородный поступок во имя женщины.

Я говорю подросткам о женщине-матери: никогда не забывай, сын, что она — творец жизни. Она дала тебе жизнь, вскормила тебя, открыла перед тобой красоту мира и родной речи, вложила в твое сердце первые понятия о добре и зле, чести и бесчестии. Помните, сыновья, что у матери все помыслы, заботы и тревоги — о детях, об их судьбе. Добро в сердцах и в делах детей — это ее счастье, зло — ее горе. Каждая женщина — мать или будущая мать. Она по-своему глубоко, по-своему красиво переживает свою ответственность за весь род человеческий. Материнство делает женщину красивой и мудрой. С того времени, как женщина становится матерью, ее чувства приобретают высокий, никому, кроме нее, не доступный смысл.

Пока существует школа, незыблемой истиной останутся слова К. Д. Ушинского: «В воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он ни был придуман, не может заменить личности в деле воспитания... Без личного непосредственного влияния воспитателя на воспитанника истинное воспитание, проникающее в характер, невозможно. Только личность может подействовать на развитие и определение личности, только характером можно образовать характер»⁹.

Жизнь убеждает, что воспитанник — зеркало воспитателя. Искусство и мастерство воспитания заключается в том, чтобы уметь видеть себя в образе воспитанника, в том мыслящем, чувствующем, переживающем существе, которое мы образуем из маленького ребенка. «Образованный человек — человек, в котором доминирует образ человеческий»¹⁰ — эти замечательные слова А. В. Луначарского заставляют нас задуматься над истинной ролью педагога. Образование человека — это не только его знания, но и вся многогранность его человеческого образа. Воспитательная сила личности педагога заключается в том, зависит от того, насколько органически сливается в нем учитель и воспитатель. Если мы говорим: школа воспитывает знаниями, то эта воспитательная сила знаний кроется прежде всего в личности учителя.

Ведь *оставить себя* в наших питомцах, мой юный друг, это не значит механически переложить знания из своей головы в головы тех, кого мы учим. Нельзя ни на минуту забывать, что, помогая человеку познавать окружающий мир, мы сами предстаем перед его умом и сердцем как важнейший элемент окружающего мира. Познавая мир, человек не может не познавать и нас. Знания, которые мы ему даем, не являются чем-то неотделимым от человеческой личности. Они слиты с миром человеческих чувств и переживаний. В этой слитности кроется один из «секретов» того, что в учебно-воспитательной работе является, по моему, одним из самых трудно уловимых моментов процесса формирования человека — претворения знаний

в убеждения. Дело в том, что отношение наших воспитанников к знаниям, приобретаемым в школе, в огромной мере зависит от того, как воспитанники относятся к учителю — светочу знаний. У влюбленного в свой предмет педагога ученики тоже проникаются чувством любви к знаниям, науке, книге. Слово учителя несет в себе не только смысл, содержание предмета, но и эмоциональный оттенок мысли; эмоции, чувства пробуждаются у учеников только тогда, когда перед учениками человек, горячо влюбленный в науку.

Что же такое влюбленность в предмет? Каковы ее истоки? Как *воспитывать любовь к науке*? Это, по моему твердому убеждению, прежде всего неисчерпаемость интеллектуального богатства педагога. По-настоящему любит свой предмет лишь тот педагог, который на уроке излагает сотую долю того, что знает. Чем богаче знания педагога, тем ярче раскрывается его личное отношение к знаниям, науке, книге, умственному труду, интеллектуальной жизни. Это интеллектуальное богатство и есть влюбленностью учителя в свой предмет, в науку, школу, педагогику.

Учитель, любящий свой предмет, обладает одним исключительно ценным качеством. Он не только передает своим питомцам фактические знания, но и пробуждает у них мысль о знаниях. К этому стремятся все преподаватели, которые стараются воспитывать знаниями, любовью к предмету. Влияние своей личности на ученика они видят в том, что человек оставляет в другом человеке свою мудрость, ясность ума, неискоренимую жажду и потребность знать. К мастерству воспитательного воздействия личности воспитателя на коллектив и личность воспитанника можно прийти лишь тогда, когда на уроке между обязательными знаниями и тем, что выходит за пределы программы, как бы перебрасывается мостик, и воспитатель ведет своего питомца по этому мостику. На элементарные знания, которые даются ученикам на уроке, я смотрю как на зернышко, из которого вырастает могучая поросль мысли, давая обильный урожай — жажду познания, стремление быть умнее, развитее, духовно богаче. Если этого урожая нет, учение превращается в зубрежку, урок — в проверку вызубренного, ученик — в послушный механизм, заучивающий знания. Я считаю, что педагог становится светочем знаний — и поэтому воспитателем — лишь тогда, когда

у воспитанника появляется желание знать несравненно больше, чем он узнал на уроке, и это желание становится одним из главных стимулов, побуждающих воспитанника к учению, к овладению знаниями.

Я стремлюсь к тому, чтобы после урока, где я бросил зернышко знаний в хорошо вспаханную почву, началась богатая интеллектуальная жизнь, в которой мои питомцы выплывают из реки в океан знаний. Я бы не мог стать воспитателем, и знания бы не воспитывали, если бы учение ограничивалось уроком, учебником, домашними заданиями от такой-то страницы до такой и т. д. Зернышко знаний прорастает и появляется могучая поросль мысли тогда, когда после уроков у воспитанников загораются многочисленные огоньки живой, пытливей мысли.

Это прежде всего индивидуальное чтение, духовное обогащение в мире книг (к этому вопросу мы еще возвратимся). Вторым очень важным огоньком мысли, благодаря которому преподаватель становится воспитателем, а ученики — воспитанниками, является кружок. По моему твердому убеждению, без этого очага духовной жизни и урок становится скучным, унылым переключением знаний из головы учителя в голову ученика. Все мы — и педагоги, и воспитанники — путешественники в океане научных знаний. Мы готовим доклады и сообщения о новейших достижениях науки, аннотируем статьи из научных журналов.

Хочу посоветовать вам, мой юный друг: *ваши знания, ваша жажда познания, страсть к чтению — это могучий источник воспитательной силы Вашей личности.* Умейте подойти к этому источнику сами и подвести к нему своих питомцев. Будьте хозяином в своем учебном предмете. Пусть школьная программа и школьный учебник будут для вас столь же элементарным делом, как азбука для человека, владеющего тонкостями стилистики. Неустанно, всегда пополняйте свои научные знания. В вашей личной библиотеке по той науке, основы которой вы преподаете в школе, должно быть много книг. Так много, чтобы каждому своему питомцу в течение четырех-пяти лет вы могли давать каждый месяц (а кое-кому, может быть, и каждую неделю) новую книгу. Находите, воспитывайте своих питомцев. Воспитывайте родственные вам юные души — родственные по увлечениям, интересам, наклонностям, способностям. Пусть в каждом классе будут

увлеченные вашей областью знаний воспитанники. Пусть у каждого педагога будут свои воспитанники: у словесника — свои, у историка — свои, свои у географа, биолога, математика.

Чем глубже влюблены ваши питомцы в предмет, который вы преподаете, тем лучший вы педагог, тем органичнее сливаются в вашей личности воспитатель и преподаватель. Проблема воспитания способностей, склонностей, призвания не может быть решена практически без непосредственного влияния личности педагога на личность воспитанников. Способности воспитываются только способностями, склонности — склонностями, призвание — призванием.

Здесь, отвлекаясь несколько в сторону, надо сказать, что хорошие педагоги начинаются за школьной партой; огонек любви к профессии педагога способен зажечь только человек, любящий детей, обладающий самой большой педагогической мудростью — умением постоянно пробуждать в юном сердце желание быть хорошим, желание стать сегодня лучше, чем вчера, чувство уважения к самому себе.

Я представляю себе идеальной ту школу, в которой у каждого педагога есть свои воспитанники — в таком смысле, как истолковано выше. Может возникнуть вопрос: а не ослабит ли первичный и общешкольный коллектив то, что каждый педагог стремится создать для своих питомцев в какой-то мере обособленный интеллектуальный мир? Здесь не только нет никакой опасности, но наоборот, если у каждого педагога есть свои воспитанники — люди, в которых он оставляет сам себя — тогда лишь возможен настоящий коллектив как воспитательная сила.

63. КОЛЛЕКТИВ КАК ОРУДИЕ ВОСПИТАНИЯ. КАК СОЗДАЕТСЯ КОЛЛЕКТИВ, НА ЧЕМ ОН ДЕРЖИТСЯ

Коллектив — детский, подростковый, юношеский — очень сложное единство. Это река, питающаяся тысячами ручейков. Коллектив создается постепенно, исподволь. Тридцать два года я наблюдаю жизнь первоклассников, по одно поколение маленьких детей сам учил от I до IV класса — и у меня, думается, есть право сказать, что в течение какого-то периода после того, как дети переступили школьный порог, в классе еще нет и быть не может того, что

мы вкладываем в понятие, говоря о коллективе. Коллектив рождается постепенно. И мне кажутся наивными утверждения, что главное, на чем держится коллектив, — это требовательность и система организационных зависимостей. Требовательность, ответственность, подчинение и руководство — очень важные основания, на которых держится коллектив, но без других, столь же важных оснований коллектива нет и быть не может. Тщетными оказываются на практике надежды некоторых воспитателей на то, что коллектив будет создан, если избрать из учащихся руководителей, распределить обязанности, поставить требования. Вообще в такой исключительно сложной духовной общности, как школьный коллектив, недопустима абсолютизация какого-то одного элемента. Нетерпима универсализация и категоричность: вот так — только хорошо, а так — только плохо. Коллектив — это не что-то проявляющееся неизвестно откуда. Коллектив — это творение педагога. В коллективе, как в капле воды, отражаются воспитательные идеалы педагога, его мировоззрение.

По-моему, коллектив строится, образно говоря, на нескольких краеугольных камнях: идейная общность; интеллектуальная общность; эмоциональная общность; организационная общность.

Формирование коллектива, закладка этих краеугольных камней зависит от воспитателя. В одних случаях элементы коллектива появляются уже в первый год школьной жизни ребят; в других — позже. Устойчивость, крепость одного краеугольного камня зависят от прочности, устойчивости других. В частности, организационная общность — требовательность, подчинение, руководство, управление, система зависимостей — зависит от идейной, интеллектуальной и эмоциональной общности в их единстве. Поэтому не надо спешить с созданием той или иной структуры организационной зависимости — руководства и подчинения. Не надейтесь, что, если у вас в классе избран руководящий ученический орган, распределены обязанности — все пойдет само по себе.

Создание коллектива начинается, по-моему, с идейного единства, на него опирается тот краеугольный камень, который называется единством организационным. Я всегда начинал формирование коллектива с того, чтобы у детей были единые, общие понятия, взгляды, представления о добре и зле, другими словами — о том, «что такое хорошо

и что такое плохо». Исключительно важно для закладки первоначального основания коллектива, чтобы дети стремились делать добро, боролись за добро, утверждали добро своей коллективной деятельностью и в то же время были нетерпимы, непримиримы к злу, ненавидели зло, боролись против него с той решительностью и волевой силой, которая только доступна детям. Воспитателем детей вы станете в той мере, в какой вам удастся утвердить в их мыслях и сердцах понятие о красоте добра, нетерпимости к злу. Я стремлюсь к тому, чтобы каждый ребенок понял и почувствовал, что быть настоящим борцом за добро можно только в коллективе; коллективная борьба дает огромную радость, помогает человеку ощутить свою силу, почувствовать свою красоту; в товариществе совместной борьбы человек познает другого человека, у него рождается важнейшая духовная потребность — потребность в другом человеке, в его поддержке, в том, чтобы помочь ему. Прежде, чем властвовать над другими (руководить), человеку надо научиться властвовать над собой, заставлять себя делать то, что велит собственная совесть, а чтобы быть чутким к голосу совести, надо быть очень чутким к добру и злу; чуткость же эта приобретает лишь тогда, когда человек, хотя он маленький, но уже человек, и об этом никогда нельзя забывать — уже имеет какой-то нравственный опыт борьбы за добро, испытал, познал радость такой борьбы, а она познается на первых порах только в совместном создании чего-то красивого, доброго — без этого ничего невозможно сделать.

Чем старше воспитанник, тем значительнее его борьба за добро, против зла. Наш педагогический коллектив считает очень важным, чтобы в годы детства и отрочества каждый человек прошел школу этой коллективной борьбы. Это прежде всего труд, созидание, утверждение добра собственными руками. Нет ничего хуже в воспитании коллектива, чем «словесный энтузиазм», словесная нетерпимость к злу и... фактическая бездеятельность. Ведь зло в нашей жизни — это прежде всего лень, нерадивость, безразличное отношение к социалистической собственности, эгоизм, мещанство. Мы добиваемся того, чтобы в годы детства, отрочества и ранней юности членов коллектива объединяли мысли и переживания о создании материальных и духовных ценностей для людей. Вырастить дубовую рощу на земле, где даже сорняки не росли, превратить мертвую,

неплодородную почву в почву высокого плодородия — такой труд посилен только коллективу, и в этом его огромная воспитывающая роль. Именно этот труд объединяет людей едиными убеждениями и единими чувствами. Как раз в нем и закладываются такие краеугольные камни коллектива, как идейная и эмоциональная общность. Складывая по крупице свои силы, воспитанники чувствуют, осознают, что коллектив — это могучая сила, и что только в коллективе можно по-настоящему познать человеческую красоту.

Умейте, мой юный друг, объединить своих питомцев трудом, в котором бы ярко выразилась идея — служение людям, отдача сил во имя блага людей. Возможности для такого труда — вокруг нас, на каждом шагу. Вот перед вашими питомцами пустырь — они настолько привыкли к нему, что не видят, не замечают этого пустыря у дороги, превращенного в свалку. Сделайте так, чтобы они увидели этот пустырь, чтобы им захотелось создать здесь маленькую тенистую рощу — место отдыха для уставшего от летнего зноя путника. Помните, что коллективный труд на благо людей — это и есть азбука подлинного идейного воспитания, в этом труде сходятся, смыкаются идейный и эмоциональный краеугольные камни коллектива. Но ни в коем случае не допускайте, чтобы, начав что-нибудь делать, ваши питомцы остановились на полпути, забросили начатое. Это развращает человека. Не допускайте также, чтобы ваши питомцы только говорили: вот это плохо и это плохо, вот у других людей лучше, а у нас — плохо, — и палец о палец не ударили для того, чтобы сделать хорошее. Пустыми словами не воспитаешь. Коллектив рождается и крепнет в практической деятельности, в борьбе, в труде.

Одним из краеугольных камней коллектива является интеллектуальная общность. Это не означает, что всех должны увлекать одни и те же конкретные интересы в области познания. Наоборот, «секрет» успеха заключается в том, чтобы у членов коллектива были разные интересы и увлечения, чтобы они читали разные книги. Интеллектуальное единство — это общее стремление к знаниям, дух уважения к научной мысли, книге, умным, образованным людям. Я так представляю себе настоящую интеллектуальную общность коллектива, скажем, VII или VIII класса,

в котором 35 учеников: восемь человек увлекаются математикой, влюблены в учителя математики; для семи человек путеводным огоньком стала физика, для восьми — литература, для девяти — биология, почвоведение, растениеводство и т. д. Вот это и есть подлинная интеллектуальная общность. Каждый имеет свою увлеченность, у каждого — своя «живинка», каждый обогащает коллектив чем-то своим. При таком разнообразии увлечений интеллектуальная жизнь коллектива очень богата. Собравшись перед уроками, или по дороге домой после уроков, подростки спорят, мечтают о будущем науки и техники, и вот что интересно: они говорят не только о программном материале, не только об учебнике, их умы волнует и то, что не изучается на уроках. Коллектив живет стремлением к постоянному обогащению знаний, — вот что очень важно. Стремление это всецело зависит от того, насколько удалось учителям истории, географии, математики, физики, биологии, литературы стать воспитателями, насколько удалось им завоевать умы и сердца воспитанников интеллектуальными богатствами своей науки. Такое воспитание коллектива представляет собой прежде всего умную, тактичную борьбу педагогов за души воспитанников. Это, по существу, создание в школе нескольких очагов, центров интеллектуальной жизни, каждый во главе с умным, увлеченным своей наукой педагогом. Каждый из этих центров имеет и свою организационную форму — у нас, например, в школе — это научно-предметные кружки, но могут быть и другие организационные формы.

64. КАК КОЛЛЕКТИВ СТАНОВИТСЯ СРЕДСТВОМ ВСЕСТОРОННЕГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Человек — неделимое целое (нравственное, интеллектуальное, эмоциональное, эстетическое, творческое), и найти формы раскрытия, выражения, развития этого целого только в одном коллективе, в силу ограниченных возможностей организации отношений между членами этого коллектива, — задача невыполнимая. Так, первичный коллектив класса не может быть единственной формой объединения, в рамках которого решались бы задачи всестороннего развития личности. У одного воспитанника интерес к изучению математики, другой увлечен биологией, третий — ли-

тературой, четвертый — техническим творчеством. У каждого, кроме того, есть еще одно или еще несколько увлечений: музыка, рисование, резьба по дереву и т. д. По мере приближения к зрелости у отдельных воспитанников развивающаяся склонность требует своей деятельности, совершенно не похожей на деятельность других. Всю эту сложность и многогранность интересов, увлечений, деятельности невозможно *вместить* в организационные формы работы первичного коллектива. Выше уже шла речь о том, что если преподаватель становится воспитателем, он неизбежно является центром коллектива, в котором подростков, юношей, девушек объединяет общность интеллектуальных интересов. Научно-предметные кружки — это одна из самых необходимых форм коллективов, обеспечивающих всестороннее развитие личности. Их можно создавать уже из учащихся VI—VII, а в отдельных школах — там, где ключом бьет богатая интеллектуальная жизнь, можно включать в эти кружки и пятиклассников, четырехклассников. Как правило, эти коллективы должны быть одновозрастными. Это не исключает возможности совместной работы в одном и том же научно-предметном кружке семиклассника и восьмиклассника, восьмиклассника и девятиклассника.

Кроме интереса к знаниям, науке, книге, у воспитанников есть и другие интересы — трудовые, творческие. Труд и творчество, связанное с трудом, — очень важная сфера развития индивидуальных склонностей, способностей, призвания. У нас в школе есть кружки трудового творчества — технические, сельскохозяйственные. Они построены тоже по возрастному принципу, например, есть кружок юных механизаторов III—IV классов, юных механизаторов V—VI классов, юных радиотехников VI—VII классов, юных садоводов I—II классов, юных садоводов III—IV классов, юных селекционеров V—VII классов, юных механизаторов VIII—X классов и др. В каждом кружке — от 8—10 до 15—20 учеников. Это очень устойчивые объединения. Есть школьные кружки, существующие уже больше двадцати лет — одни воспитанники, проработав в кружке 2—3 года, переходят в кружок школьников старшего возраста, другие приходят им на смену. Трудовое творчество — столь же сильный фактор, объединяющий воспитанников, как и интеллектуальная общность.

Как в научно-предметных, так и в кружках трудового творчества есть своя материальная база. Для предметных кружков — Комната Мысли (или Комната Книги), где протекают наиболее богатые, наиболее наполненные часы духовной жизни воспитанников, часы общения с книгой, часы того, что К. Маркс называл игрой интеллектуальных сил¹¹. У кружков трудового творчества — это рабочие комнаты, лаборатории и Комната Дел — здесь подростки решают трудовые задачи (конструкторские, монтажные). Руководители научно-предметных кружков — учителя; руководители кружков трудового творчества — и учителя, и ученики старших классов. Это один из важных моментов, обеспечивающих принцип самодеятельности.

Есть и кружки другого рода — художественной самодеятельности, литературно-творческие, музыкальные, драматические, художественного чтения. Здесь проявляются и развиваются интересы, обогащающие духовную жизнь личности не только в эстетическом, но и в нравственном, эмоциональном, интеллектуальном отношениях. Здесь происходит — наш педагогический коллектив в этом твердо убежден — одно из тех чутких, нежных прикосновений к сердцу и разуму воспитанников, без которых невозможна жизнь первичного коллектива как духовного единства. Нас очень тревожит, если воспитанник не проявляет себя активно в одном из таких коллективов.

Эти коллективы мы называем коллективами художественной культуры. Нам кажется, что такое наименование в наибольшей мере выражает сущность того, что происходит в этих коллективах. Кружками художественной культуры охвачены даже самые маленькие школьники. У нас есть два кружка сказки. В них по 15—20 детей-первоклассников. Руководят кружками ученики старших классов. Дети приходят в Комнату Сказки, старшие читают и рассказывают интересные сказки. Малыши инсценизируют отдельные народные сказки. Наиболее интересной для детей формой работы является в этом кружке составление новых сказок.

Среди коллективов художественной культуры особенно большую ценность представляет для нас детский кукольный театр. В нем участвуют свыше сорока воспитанников начальных классов (этот коллектив делится на три секции). Руководят коллективом ученики старших классов — комсомольцы.

65. КАК ВОСПИТЫВАТЬ УМЕНИЕ
ПОДЧИНЯТЬСЯ И РУКОВОДИТЬ.
КАК ВОСПИТЫВАТЬ В ДУХЕ
ВЫСОКОЙ ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТИ

Если всестороннее развитие воспитанников происходит во многих коллективах (а я рассказал еще далеко не о всех), то создается такое положение, что каждый старший школьник — становится руководителем, воспитателем; многие из пионеров тоже приобретают опыт руководства. При этом руководство выступает как величина производная от деятельности. Оно как бы зарождается в процессе деятельности. Чаще всего руководителя избирают тогда, когда он уже показал себя как мастер своего дела. Такому руководителю дети охотно подчиняются, потому что в данном случае подчиняться равнозначно желанию стать сегодня лучше, чем был вчера. Подчинение и руководство вне активной деятельности, на которую воодушевляет весь коллектив единая цель, в школе невозможны. При этом очень важно, чтобы деятельность, которой вы воспитываете коллектив в духе высокой требовательности, имела ярко выраженный общественный, гражданский смысл.

Подчинение — это прежде всего приказание самому себе. Этот волевой акт требует высокой сознательности. В юношеские, подростковые и тем более в детские годы *понять* возвышенную цель деятельности (а общественная, гражданская цель — всегда возвышенна) человек может лишь при условии, когда до него дойдет не только ее смысл, но и *эмоциональный подтекст*. Волевой акт подчинения возможен лишь там, где есть эмоциональный акт самоподчинения, проще говоря, ребенок, подросток сознательно подчиняется слову своего товарища тогда, когда он подчиняется собственному сердцу. Исключительно важно в этом тонком деле, чтобы воля руководителя опиралась на благородную нравственно-эмоциональную основу; другими словами, чтобы руководитель призывал коллектив к деятельности, которая по самому характеру своему является служением людям, обществу. Здесь мы видим тесную связь между всеми краеугольными камнями коллектива — идейной, интеллектуальной, эмоциональной и организационной общностью. Если воспитанник в предстоящей деятельности видит то, что волнует его сердце, возвышает его, — он не может допустить даже мысли, чтобы

не подчиниться воле — приказу, требованию — руководителя. Вот почему я советую молодому педагогу:

К подчинению ведите своих воспитанников через нравственное, идейное богатство труда. Пусть требование, приказ руководителя сливаются для воспитанников с голосом их собственной совести. Пусть, выполняя труд большой общественной значимости, завтрашний гражданин чувствует гражданское начало в своем труде уже сегодня, пусть он видит себя глазами своих ровесников и старших товарищей, пусть коллектив выразит в своих правилах, нормах, требованиях идеалы общества — большого социалистического коллектива всех тружеников нашей страны.

Как только мой коллектив маленьких школьников уже может, делясь на определенные объединения (группы, звенья), самостоятельно выполнять общественно полезный труд, я добиваюсь, чтобы в этом труде была яркая идейная сердцевина, чтобы каждый ребенок не только понимал, но и чувствовал возвышенный характер своей деятельности.

66. КАК ВОСПИТЫВАТЬ ЮНЫХ ЛЕНИНЦЕВ. РОЛЬ УЧИТЕЛЯ В ЖИЗНИ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

С того времени, как дети поступают в пионерскую организацию, для них начинается новый этап общественно-политической жизни. Многолетний опыт убедил меня в том, что главная задача педагога, воспитателя первичного коллектива — одухотворить жизнь пионерского отряда возвышенными гражданскими идеалами. Пионерский отряд — это важнейшая форма организации гражданской, общественно-политической жизни детей и подростков. Жизнь пионерского коллектива должна быть такой, чтобы детей и подростков одухотворяло, духовно обогащало, объединяло нечто несравненно более значительное, чем индивидуальные наклонности и способности, интересы и увлеченность трудом, творчеством.

По мнению нашего педагогического коллектива, пионерская организация — это школа гражданственности, школа общественно-политических отношений советского патриота. Мы считаем, что главная воспитательная задача и пионерии, и комсомола — одухотворить юные сердца, вдохнуть в юные души мысль, что самое дорогое, самое святое для каждого советского человека — это наша великая Родина, социалистический строй, завоевания револю-

ция, борьба за построение коммунизма. Надо помочь юным ленинцам так построить жизнь своей организации, чтобы в их сердцах утвердились эти святыни.

Как это осуществляется практически? Прежде всего в общественно-политической, идейной насыщенности деятельности детей, подростков. Родина, родная земля, завоевания революции, Коммунистическая партия, святыни Великой Отечественной войны — все это должно войти в юные сердца как самое дорогое, глубоко личное, заставляющее учащенно биться сердца, — а это возможно лишь тогда, когда идеи будут жить в делах, поступках, во взаимоотношениях, в общественной деятельности.

Лучшие воспитатели нашей школы всегда заботятся о том, чтобы великое, святое, возвышенное не заслоняла в сознании и чувствах юных ленинцев практическая сторона бесчисленного множества дел. На протяжении всего периода пребывания в пионерской организации (5 лет) мы постоянно раскрываем перед юными ленинцами такие идеи: все материальные и духовные богатства, которые нам дают старшие поколения, завоеваны дорогой ценой, каждый клочок советской земли обильно полит кровью наших дедов и прадедов; каждый из нас без Родины — ничто; только могучие руки Родины являются той сказочной силой, которая поднимает, возвышает каждого из нас; если бы не двадцать миллионов героев, павших в боях против фашизма, за свободу и независимость нашей Родины, мы бы не знали счастья безмятежного детства и отрочества; наш священный долг — бороться за величие, могущество великой Советской Родины, знать ее, дорожить ею как самым святым, ни с чем не сравнимым и не сопоставимым.

Мы считаем одной из важнейших задач пионерской организации имени В. И. Ленина познание Родины, познание разумом и сердцем. Чтобы, познавая самое дорогое и священное, каждый завтрашний гражданин был изумлен и одухотворен ее величием, богатствами, могуществом; чтобы в каждом юном сердце крепло чувство: а что сделал я, чтобы Родина была еще величественнее, богаче, могущественнее? Познание Родины разумом и сердцем мы стремимся слить с активной деятельностью.

В каждом пионерском отряде у нас проводятся путешествия по Родине. Это интересные, волнующие рассказы о природных богатствах и народах нашей страны. Перед

юными ленинцами — карта. Каждый рассказ посвящается одному уголку нашей Родины. Дети мысленно путешествуют от своего родного села все дальше и дальше на восток. Мы показываем им картины и диафильмы о жизни и труде советских людей. Перед юными сердцами открывается изумительный мир сердечной дружбы народов. Путешествие по Родине длится несколько лет; ребенок становится подростком, готовится к поступлению в комсомол, а путешествие продолжается. Это усиливает впечатление величия и могущества нашей Родины.

Путешествие по Родине — это не только познание разумом и сердцем того, что есть в настоящее время, но и экскурс в прошлое. Мы рассказываем детям о борьбе народов против социального угнетения и иноземных захватчиков. Чувство единой семьи, чувство дружбы народов — одно из самых сложных и глубоких чувств; оно невозможно без личной убежденности в величии и красоте единения, братства народов в их совместной борьбе за освобождение от эксплуатации и иноземных поработителей и захватчиков.

Для воспитания этого чувства необходима деятельность, одухотворенная идеями. Наши пионеры дружат с детьми братских народов нашей страны. Особенно крепкая у нас дружба с юными ленинцами России и Белоруссии. Больше пятнадцати лет наши дети дружат с пионерами Смоленщины и Белоруссии, живущими на берегах Днепра. Каждый год в один и тот же день и час украинские, белорусские и русские дети идут на берег великой реки и высаживают Дерево Дружбы. Юные ленинцы поклялись: сколько лет будут существовать наши три школы, столько деревьев будет посажено на берегах Днепра.

В День Дружбы — так называется этот праздник — дети переживают волнующее чувство братства. Это чувство углубляется благодаря личным встречам с детьми братских народов. Десять лет наша пионерская дружина ежегодно направляет своих делегатов в волнующую поездку: мы едем в гости к белорусским братьям — пионерам Кормянской школы-интерната Гомельской области. Раз в год белорусские братья приезжают к нам. Трудно передать словами глубину чувств, которые переживают дети благодаря этим встречам. У каждого есть свой далекий друг. Со слезами на глазах расстаются дети после нескольких быстро прошедших дней встречи.

Наш педагогический коллектив убедился, что чувство дружбы народов — это одно из самых топких, самых благородных, самых возвышенных движений человеческой души; в этом движении органически сливается общественное и личное. Мы считаем исключительно важным то, что мальчики и девочки вкладывают это чувство в труд; каждый пионер в День Дружбы сажает дубок на память о вечной дружбе со своим ровесником; проходят годы, дерево растёт, уход за ним так же облагораживает человеческую душу, как забота сына о матери.

У каждого пионерского отряда есть памятное, священное место, где произошла битва в годы гражданской или Великой Отечественной войны. На этом месте создается живой памятник героям: дети высаживают желуди, собранные с двухсотлетнего дуба. Пионеров воодушевляет мысль о том, что их живой памятник будет стоять не меньше пятисот лет не только напоминая людям о героях, но и принося радость уставшим путникам.

Недалеко от берега Днепра юные пионеры-следопыты нашли большой, вошедший в землю, камень. Очевидцы боев за освобождение Украины от фашистских захватчиков, рассказали, что у этого камня больше суток держали оборону два советских бойца, первыми переправившиеся с левого берега на правый во время форсирования Днепра. Пионеры нашли множество осколков камня, отбитых пулями. У камня посадили два дуба — в память о двух героях, отдавших жизнь за родную землю. После долгих поисков нашли родственников павших героев, они приезжали к нам в гости из далекой Сибири. Пионеры, поступающие в комсомол, передают, как эстафету, следующему поколению юных ленинцев живые памятники героям.

Почитание памяти павших за свободу и независимость Советской Родины стало важнейшей идеей в жизни пионерской дружины и каждого отряда. За несколько лет юные ленинцы создали Комнату Вечной Славы. Здесь — портреты наших земляков, павших на фронтах Великой Отечественной войны. Бережно, как бесценные крупницы чести и славы народа, записывают пионеры рассказы участников сражений, происходивших на суше, на море, в воздухе. Никто не забыт и ничто не забыто — эти слова стали для наших питомцев девизом.

Слова учат, примеры влекут — говорит старинная латинская пословица. Наш педагогический коллектив одну из важнейших своих воспитательных целей видит в том, чтобы коммунистические идеи раскрывались перед сознанием и сердцем детей и подростков в ярких образах, на примерах, воплощающих самую высокую человеческую красоту — борьбу за счастье народа, самоотверженность в этой борьбе, верность убеждениям, непоколебимость в преодолении трудностей, непримиримость к врагам коммунистической идеологии. Мы стремимся, чтобы в детские и отроческие годы сердце каждого воспитанника буквально пленил, одухотворил все его существо человек, жизнь которого является подлинной борьбой за коммунизм. Как только дети повязали красные галстуки и дали торжественную клятву, я, воспитатель, провожу с ними раз или два раза в неделю *Коммунистические чтения*. У нас каждый воспитатель убежден, что это его важнейшее дело. Это настолько близкое духовное общение воспитателя со своими питомцами, сердца юных ленинцев настолько доверчиво раскрываются перед вами, что не быть в эти мгновения с детьми означает не знать многих сокровенных уголков детской души, а значит и не сделать своим нежным резцом тончайших черточек на скульптуре Человека, которого вы создаете.

Коммунистические чтения — это и чтение книг, и яркие, увлекательные рассказы. На протяжении многих лет сложилась определенная тематика чтения и рассказов. Мы читаем и рассказываем о таких выдающихся борцах-коммунистах, как Дзержинский, Свердлов, Лазо, Тельмап, Димитров, Камо, Фучик, Николай Островский, Никос Белоянис. О жизни и борьбе за счастье человечества великого учителя — Владимира Ильича Ленина.

В образах коммунистов детей особенно глубоко воодушевляет, одухотворяет верность убеждениям, непоколебимость, непримиримость к врагу и идейному противнику. Каждый раз, читая и рассказывая юным ленинцам о том, как мужественно переносил коммунист-ленинец Камо пытки в полицейских застенках, как даже самые страшные истязания не могли заставить его ни застонать, ни проронить слова просьбы о пощаде, — я вижу, как в детских

глазах загораются огоньки восхищения. Чем больше таких чтений, тем глубже проникает коммунистическая правда в юные сердца.

Мой друг, как бесценную святыню берегите в детских и юношеских сердцах чувство изумления, восхищения перед великой силой и правдой коммунистических идей. Знайте, что юная душа, познающая разумом и сердцем правду окружающего мира, стремится к постижению святыни. Стремится видеть перед собой образец, путеводный огонек и ясную дорогу. Не давайте угаснуть вечному пламени юной души — вере в святые, незыблемые истины, в правду коммунистических идей, вере в то, что бороться за эти идеи, а если потребуется, то и жизнь отдать за них — величайшее человеческое мужество, величайшая красота.

Эта вера в святое и непоколебимое, в красоту идейного мужества, зажженная огоньком Коммунистических чтений, разгорается ярким факелом лишь при условии, когда человек стремится выразить собой, своими поступками то, что изумило, восхитило его в яркой, мужественной жизни коммуниста. Не только что-то делать, но и что-то доказывать своими поступками, своим трудом — это очень важное правило коммунистического воспитания и самовоспитания. Свою воспитательную задачу мы видим в том, чтобы вдохнуть в труд детей и подростков одухотворенность, рождающуюся в те мгновенья, когда юный разум и юное сердце познают великие истины коммунистической правды. Если в детской жизни может быть коммунистический труд, то это такой труд, которым завтрашний гражданин что-то доказывает и благодаря этому он становится гражданином уже сегодня. Мы стремимся к тому, чтобы наши воспитанники своим трудом доказывали:

что в нашем обществе человек человеку друг, товарищ и брат;

что свободный труженик хочет видеть в труде самого себя, хочет оставить в создании своих рук собственную красоту;

что трудом и только трудом гражданин социалистического общества утверждает свою честь, достоинство;

что в любом, самом скромном деле труд может возвыситься до творчества, стать поэзией, источником нового вдохновения;

что своим трудом каждый гражданин укрепляет силу и могущество нашей Родины.

Сделать так, чтобы труд одухотворялся этими высокими побуждениями, — в этом и заключается, по-моему, одна из сторон мастерства идейного воспитания юных ленинцев.

Как же практически осуществляется эта идейность труда?

В жизни есть для этого безграничное множество возможностей. Выращивая сад для людей, каждый из пионеров нашего отряда растит свое дерево. Труд становится молчаливым соревнованием. Каждый стремится вложить в дерево что-то свое, глубоко личное, индивидуальное.

Я убеждаюсь, что каждый с радостью встречается со своим деревцом как с творением собственных рук, всматривается в него — так начинается влюбленность в труд. Каждый доказывает, что он способен создать своими руками красоту.

Я убедился, что если человек утверждает своим трудом возвышенные идеи — он становится гордым, непоколебимым в своих принципах. Он *дорожит святынями*. В жизни общества нет ничего, что не касалось бы его лично. Такой человек становится общественным деятелем на деле — и без громких слов. К нему уже в годы отрочества приходит моральная зрелость.

У вас, мой друг, может возникнуть недоумение: автор начал говорить о том, как донести до ума и сердца пионеров идеи Коммунистической партии, а перешел к труду. Но ведь наше время — это время трудового созидания. Надо учить молодое поколение быть мужественными прежде всего в труде. Именно в труде во имя победы коммунизма раскрывается в наше время человек.

**68. КАК ДОБИТЬСЯ, ЧТОБЫ КРАСНЫЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ
ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА, ПРИКАСАЯСЬ К ГРУДИ,
ЗАСТАВЛЯЛ ТРЕПЕТАТЬ СЕРДЦЕ, ЧТОБЫ ЮНОШИ
И ДЕВУШКИ ДОРОЖИЛИ ЗВАНИЕМ КОМСОМОЛЬЦА**

Вам, молодому педагогу, придется работать со старшеклассниками. Хочу посоветовать вам то, что подсказано мне собственными переживаниями.

Окончился рабочий день, прихожу домой, открываю записную книжечку, думаю о моих юных друзьях, и передо мной опять умные, смешливые, радостные и озорные, задумчивые и грустные глаза. Советую и вам — чаще

оставайтесь наедине с самим собой, полюбите радостные и тревожные минуты раздумий о судьбах юности.

Помните, что комсомольская организация — это организация единомышленников, братьев по идее, по убеждениям, по мировоззрению, по отношению к жизни, к людям и к самим себе. Золотое правило комсомольского воспитания — стремитесь к тому, чтобы юноши и девушки были одухотворены, воодушевлены, сплочены идеей, мыслью, убеждением: мы пришли в этот чудесный дворец — Комсомол — как единомышленники, готовые отдать все, если надо будет — и свою жизнь во имя наших идей, наших убеждений.

В чем же заключается это единомыслие, как его утвердить, как его достичь практически?

Душа и сердце комсомольца — идеологическое, идейное единомыслие. Каждый, на чьей груди хранится комсомольский билет, должен чувствовать себя борцом за коммунизм. Одухотворенность великими, прекрасными, благородными идеями начинается с того, что мысли наши, взгляды наши устремлены в будущее, и мы, комсомольцы, являемся борцами за будущее; ореолом будущего озарено наше будничное, повседневное, обычное, и в этом ореоле оно становится ярким, привлекательным, романтичным. Идеологическое единомыслие — это и есть борьба за будущее, в ней — живое, трепетное сердце комсомольской романтики. Вспомним героические страницы истории Ленинской партии и Ленинского комсомола: что вело нас в смертный бой — полуголодных и плохо одетых, против вооруженных до зубов интервентов; что одухотворяло труд штурмовых ночей первых пятилеток; что помогало переносить лишения и невзгоды в первые дни покорения целины? Мысль о будущем, о самом справедливом и самом прекрасном, самом разумном и самом человечном строе — коммунизме.

Но как открыть коммунистическое будущее буквально перед каждым? Не каждому суждено полететь в космос или двадцатидвухлетним защитить докторскую диссертацию, стать всемирноизвестным певцом или расшифровать письма, над которыми ученые безуспешно бьются много лет. Большинство нашего народа — не космонавты и академики, а пахари и животноводы, каменщики и токари, — давайте же подумаем, дорогой друг: как в обычном, ничем не примечательном труде раскрыть перед юными

сердцами величественную идею, чтобы каждый видел в своем труде не только хлеб насущный, но и нечто неизмеримо большее?

Путь к идейному, идеологическому единomyслию — в труде, в том обычном, ничем не примечательном, с первого взгляда, труде, который может стать для человека и тягостным, надоедливым делом, и красотой, возвышающей человека борьбой за творение красоты мира, за создание красоты в самом себе. Коммунистическое единomyслие борцов состоит, на мой взгляд, в том, чтобы идти на шаг впереди своего времени, быть разведчиком будущего, видеть это будущее в своем труде, чувствовать его в напряжении своих рук.

Я помню, каким героем чувствовал себя первый тракторист в селе на заре коллективизации. Ведь он шагнул в неизведанное, он разорвал вековые узы, связывающие человека с частной собственностью на средства производства — распахал межи, повелевал непостижимым чудом — машиной. Каждый год, когда я прихожу в группу 14—15-летних комсомолят, чтобы сказать им, что мы, отцы, советуем им делать, с чего начать, я вижу перед собой одухотворенные глаза нашего первого тракториста — Яшки-огонька, как называли его девушки, каждая из которых была втайне влюблена в него.

Расскажу вам, мой друг, о том времени, когда наша школьная комсомольская организация только создавалась: нас было двадцать пять человек... Труд, который нам предстоял, тысячи раз выполняли наши отцы, деды и прадеды: мы должны были посеять гектар пшеницы, вырастить семена, передать колхозу. Можно тысяча первый раз повторить то, что делалось на нашей земле. Но можно сделать шаг вперед и работать так, как будут трудиться люди при коммунизме. Гектар плодородной почвы в самый удачный в нашем районе год дает не больше тридцати пяти, иногда сорока центнеров. А вот мы давайте поставим цель: вырастить семьдесят центнеров. Такого никогда не было, но силы и тайны природы еще далеко не раскрыты человеком. Пшеница может дать урожай в два раза больший, чем она дает, если полностью раскроется ее природа. Это будет необычный труд, но и мы станем необычными, юные друзья. Такое богатство будет давать наша земля при коммунизме — не на одном гектаре, а на широких полях. А мы добудем это богатство сегодня.

Наш труд и в самом деле необычен. Не только по характеру трудовых процессов — многое приходится делать не так, как делают, выращивая пшеницу на больших массивах. Необычен прежде всего потому, что он захватывает все сферы духовной жизни мальчиков и девочек. Он становится борьбой за идею, и эта идея, одухотворяя и воодушевляя, объединяет нас в содружество единомышленников. Мальчики и девочки чувствуют, что они не обычные люди, не добыватели куска хлеба насущного, а люди, прокладывающие первую борозду там, где до них никто никогда не бывал.

Любые организационные связи в коллективе становятся бессильными, если нет идейного единства, если всех не одухотворяет возвышенная коммунистическая идея. Я представляю себе на мгновение: что было бы, если бы кто-нибудь из наших комсомолят отказался прийти на нашу *фабрику удобрений* в те дни, когда мы, руками выбирая из траншей перегной, ссыпали его на воз, вывозили в поле? Если бы это случилось, на виновнике, как говорится, места живого не осталось: товарищи назвали бы его лентяем, соней, маменькиным сынком, белоручкой — и все это было бы чистосердечно, без какой бы то ни было «подготовки вопроса», потому что если сердце воодушевлено возвышенной идеей, оно становится очень чутким ко всему, что делается в окружающем мире, оно стоит на страже разума, оно подсказывает, что надо делать и говорить. Помните, юный друг, это тоже очень важное правило комсомольской педагогики — чтобы сердце не спало, а всегда было на страже совести... А трудиться нам приходилось — мальчики и девочки говорили: как чертям в аду. Сваленный в траншею навоз, превратившийся в мелкий перегной, мы вывозили в поле, рассыпали, как зерно, по земле, — чтобы под каждым кустом было питание. В научном журнале прочитали: хорошим удобрением под пшеницу является ил. Ила этого в наших прудах скопилось, наверное, миллионы тонн, мы грузили его и тоже вывозили на ниву. Зимой, после снегопадов, приходили в поле, собирали снег — все па свой гектар, чтобы напоить почву. Весной подкармливали растения. Летом каждый комсомолец был занят своей работой — одни трудились на животноводческой ферме, другие — в овощеводческой бригаде, были среди нас и шелководы. Выращивание пшеницы было дополнительным трудом, мы собирались или рано

утром или вечером. Несколько раз рыхлили междурядья маленькими сапками, чтобы сохранить влагу и заставить пшеницу куститься. Мощные кусты и тяжелые колосья радовали нас, мы пересчитывали зернышки в колоске, а перед уборкой урожая взвешивали колос. Уборка урожая была для всех нас праздником: мы пришли празднично одетые, душа у каждого из нас торжествовала. Но и волновались: а сколько все-таки даст наш гектар? Земля щедро вознаградила нас; гектар дал больше семидесяти центнеров.

Как тянет юношей и девушек друг к другу в минуты радости! После того, как все до зернышка было собрано и взвешено, комсомольцы собрались вечером в школе, хотя никто нас и не созывал. Нам хотелось быть вместе. Хотелось мечтать. Мы чувствовали себя как победители после выигранного сражения. Мы как будто поднялись на высокую вершину, и перед нами открылись новые, сияющие в солнечных лучах вершины. Мы мечтали: придет время, и наши поля будут давать по восемьдесят, по девяносто центнеров. Изменится агротехника, придут на поля новые машины, междурядья зерновых будут обрабатываться так же, как обрабатываются при выращивании пропашных культур — свеклы, кукурузы. Зерно станет в три раза крупнее. Наши сердца трепетали от чувства гордости, от того, что мы заглянули в будущее.

69. КАК ВОСПИТЫВАТЬ КОМСОМОЛЬЦЕВ, ЧТОБЫ КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ВСЕГДА СТРЕМИЛСЯ СТАТЬ ЛУЧШЕ

Я видел, как юноши и девушки улыбаются друг другу, как бы всматриваются друг другу в глаза.

Одухотворенность великой идеей творит нашу собственную красоту. Задумаемся над этим, мой юный друг, вдумаемся в эту истину нашей комсомольской педагогики: надо так воспитывать юношество, чтобы каждый чувствовал себя красивым. Чтобы чувство нравственной красоты питало великую человеческую гордость, гражданское достоинство, чтобы человек всматривался не только в то, что вокруг него, но и в самого себя. Если человек не гордится своей собственной красотой, ему недоступны угрызения совести, никогда не доходит до его сердца доброе слово поучения или слово укоризны старших. А воспитывается

чувство собственной красоты только тогда, когда коллектив одухотворен идейным единомыслием.

Мы сделали шаг в будущее, наш труд был одухотворен благородной коммунистической идеей. Но святые слова нельзя произносить часто, — иначе они постареют и притупятся, как инструмент у нерадивого мастера. Это будет опошление великого и священного, если на каждом шагу при возникновении трудностей пускать в ход этот хрупкий, нежный инструмент. Надо, скажем, прийти выколоть бурьян, поработать день под палящим зноем, и воспитатель сразу же напоминает: а в каких условиях работал Павка Корчагин, заготавливая дрова, а какие трудности и лишения выпали на долю первых строителей Комсомольска-на-Амуре? Нет, так нельзя воспитывать; от острого инструмента останутся одни колодочки, и на сердце, на юную душу уже не будет действовать ничто. Стремитесь к тому, чтобы коммунистическая одухотворенность жила в каждом сердце как внутренняя, самодвижущая нравственная сила, чтобы самые острые инструменты использовались как можно реже — только при этом условии они будут влиять на молодежь.

Но чувствование собственной моральной красоты не означает, что человек любит себя сам собой. Переживая чувство гордости за себя, человек в то же время чувствует неудовлетворенность собой. Ему хочется стать лучше, иначе и чувство собственного морального достоинства не может быть доступно. Это очень трудно уловимая закономерность нравственного развития юношества: человек хочет быть хорошим только тогда, когда он сегодня стал лучше чем вчера, когда перед ним открылось что-то совершенно новое в товарищах и в самом себе, и ему захотелось стать еще лучше, совершеннее. Очень важное правило комсомольской педагогики заключается в том, чтобы юноша всегда был в процессе становления, постоянно изменялся, никогда не оставаясь таким, каким он был вчера. И еще очень важно, чтобы человек осознавал и чувствовал свое собственное становление. Бойтесь, мой юный друг, остановки в нравственном развитии своих питомцев, бойтесь моральной окостенелости. Не допускайте, чтобы в течение продолжительного времени человек чувствовал, что он никак не может изжить в себе тот или иной недостаток.

Это вообще одна из самых интересных и, по-моему, мало еще исследованных сфер воспитательной работы с юношеством. В нашем педагогическом коллективе выработалось правило, которое кратко можно сформулировать следующими словами: чтобы человек стремился к моральной красоте и совершенству в самом себе, он должен видеть эту красоту и совершенство рядом с собой — в своем товарище. Человек не может выработать свое собственное Я иначе как через отношение к другим людям, в процессе общения с ними. Как писал Маркс, чтобы выработать самосознание, «человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку»¹². Научиться относиться к себе как к человеку — не в этом ли одна из тех тайн мастерства воспитания в коллективе, которую, к сожалению, никак не могут постигнуть многие воспитатели.

Мы твердо убеждены: источник воспитательной силы коллектива прежде всего в процессе коллективного труда, когда в богатой коллективной духовной жизни человек видит сегодня в своем товарище то, что он не замечал вчера, — *открывает человека*, и благодаря этому он, образно говоря, *заглядывает сам в себя*, оценивает сам себя, сравнивает: что во мне было и что есть сегодня. Это исключительно важный момент духовной жизни коллектива. Воспитывая юношество, стремитесь к тому, чтобы каждый ваш питомец в коллективном труде увидел в глазах своего товарища огонек одухотворенности высокой целью. Пусть даже самый инертный, самый, казалось бы, равнодушный, взглянув в глаза товарищу, как в зеркале, увидит свои мысли, стремления; пусть остановится в изумлении, пусть в его сердце загорится огонек человеческой гордости за товарища. Знайте, что только достигнув этого, вы сможете заронить в душу своего питомца искру мысли о самом себе.

Поэтому столь большое значение в воспитательной работе имеет коллективная одухотворенность трудом. Умейте объединить мысли и чувства юношей и девушек делом, в котором бы возвышался человек. Пусть, увидев подлинную человеческую красоту в своем товарище, каждый

юноша, каждая девушка спросят у самих себя: достиг ли я этой красоты? доступна ли она мне? могу ли я завтра стать лучше, чем сегодня? От того, насколько требовательно и придирчиво относится человек сам к себе, зависит его моральный облик. От этого также зависит путь юного сердца к святыням гражданской доблести, красоты.

71. КАК ДОБИТЬСЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЮНОЕ СЕРДЦЕ НЕ БЫЛО РАВНОДУШНЫМ К НАШЕЙ ЖИЗНИ И БОРЬБЕ

Речь идет о святынях юношества. В мыслях своих и в сердце своем каждый юный коммунист должен нести нечто святое, бесценное, ни с чем не сравнимое и не сопоставимое. Святыня в сердце и в мыслях — это наша Советская Родина, ее слава, честь и могущество. Все другое должно меркнуть и блекнуть перед этой святыней.

Воспитание патриота и гражданина — одна из самых главных и самых сложных задач нашей комсомольской педагогики. Как достигнуть того, чтобы каждый юноша, каждая девушка дорожили святыней, бережно несли ее в своем сердце, чтобы Родина была для каждого тем ярким светом, который озаряет все другое, чтобы весь окружающий мир и — главное — самого себя человек видел только при этом свете?

Здесь мы подходим к тому, что я в уме всегда называю *святая святых воспитания* — к воспитанию гражданских чувств. Патриотом и гражданином может стать только человек с чутким и мужественным сердцем. Патриотизм — это, образно говоря, сплав чувства и мысли, постижение святыни — Родины — не только разумом, но прежде всего сердцем. И начинается это постижение с того, что в окружающем мире кто-то становится для человека безмерно дорогим, кому-то он готов отдать все силы своей души. Патриотизм начинается с любви к человеку. Истоки патриотического видения и чувствования мира, чувства Родины — в любви к самому дорогому на земле человеку — к родной матери. «Величайший и благороднейший предмет в природе — человек», — писал В. Г. Белинский¹³. И венец этого величия и благородства — мать. Не случайно и само понятие *патриотизм* выкристаллизовалось в сознании многих поколений из этой жемчужины человеческого — из образа того, кто нас родил и взлелеял. Треть столетия работы с юношеством дает мне право высказать твердое

убеждение в том, что воспитание сердечного, душевного, нежного, заботливого отношения к матери как к венцу и вершине человеческого — это одна из важнейших идеологических, политических задач комсомольской организации. Никакие добродетели не найдут места в сердце бездушном, каменном, жестоком к собственной матери; гнусным предателем становится тот, кто оставляет страну, земля которой хранит прах матери, и устремляется к чужим берегам. На чертополохе не расцветет цветок розы. Тот, кому недоступна сердечность, нежность, душевность, не может быть патриотом.

Постигнем же, мой юный друг, азбучную истину комсомольской педагогики: человек должен любить людей, должен тонко *чувствовать* рядом человека с его радостями и тревогами. И это *чувствование человека* пусть начинается с матери. Подумаем, сколько проводится всевозможных субботников и воскресников, недельников и месячников, рейдов и походов. А найдите хоть одну организацию, где бы секретарь спросил у комсомольцев: «Что вы сделали, друзья, в эти дни для своей матери?» Я советую воспитателям юношества:

найдите в нашей изумительно богатой речи те хрустально чистые, как роса, слова, которые зажурчали бы, заструились родником, и чтобы в этом роднике жила, как в сказочной живой воде, вечная красота человеческой верности и преданности — мама, дорогая, любимая. Пусть повесет эту красоту каждый юноша, каждая девушка к своему родному очагу, пусть отдаст силы своей души родной матери.

Я говорю мальчикам и девочкам:

«Сегодня у нас торжественный день — вы получили комсомольские билеты. Поделитесь своей радостью с матерями. Вот каждому из вас чудесный саженец яблони — берите. Это необычный сорт: прозрачно-розовое яблоко будет отражать в себе и нежную утреннюю зарю, и багровый закат перед ветреным днем. Так и назовем этот сорт — яблоко Материнское. Будем лелеять эти деревца, беречь, как имя матери».

Это самое идейное, самое политическое, самое коллективистское воспитание. Тот ясный июльский вечер, когда мой питомец, мой юный друг снимает с Яблони Матери плоды и несет их матери — это радостная для меня минута восхождения на одну из вершин педагогической мудрости.

Любовь к человеку — это плодотворная почва, на которой расцветают цветы патриотического служения Родине. Чтобы заиграл, затрепетал этот радостный цветок, каждый мальчик, каждая девочка должны постигнуть разумом и сердцем нашу великую Родину. Каждый должен чувствовать себя сыном Отечества, переживать личное чувство гордости от того, что он наследник его тысячелетней славы и тысячелетних духовных ценностей, творец его героического сегодня.

Как воспитателю юношества достигнуть этого практически?

Надо перед юным сердцем зажечь огненное слово, которое, как яркий факел, осветило бы трудный и славный путь нашего Отечества с древних времен и до наших дней, озарило бы и нелегкую дорогу в светлое будущее, чтобы юный гражданин почувствовал себя тысячелетним путником, ответственным за то, что донесли до него его предшественники, ответственным за ту бесценную ношу, которую надо доставить в будущее, не потеряв по пути ни одной крупинки богатств, не забыв ни одной мудрой истины, добытой в борьбе за наше великое и славное Отечество.

Это огненное слово о тех сыновьях нашей Родины, чьи имена, как вечные звезды, горят и всегда будут гореть на небосводе Отчизны, были и всегда будут путеводными огоньками для новых сердец.

Может быть, кто-то усмехнется, прочитав это. Может, кто-то подумает: не слишком ли вы переоцениваете силу слова, не принимаете ли вы за реальность желаемое? Нет, все так и есть. Слово — это полководец, ведущий в бой. Это музыкант, прикасающийся к дремлющим струнам человеческой души; знайте, к какой струне прикоснуться, и она зазвучит дивной музыкой. В минуты вот таких бесед о сокровенном и высоком я прикасаюсь к струнам, которые называются: Гражданственность, Человечность, Честь, Достоинство. Я обращаюсь непосредственно к живой душе каждого человека; передо мной не какой-то абстрактный воспитанник, а вдохновенные, горящие глаза Коли и Любы, Вани и Гали, Зины и Шуры. Слово воспитателя лишь тогда будет *огненным*, когда оно ставит своей целью воспитать не какого-то абстрактного патриота — такого в природе быть не может — а заставляет трепетать сердца Коли и Любы, Вани и Гали, Зины и Шуры.

Это тоже одно из золотых правил нашей комсомольской педагогики.

Есть десятки вдохновенных рассказов об *истинных сыновьях Отечества*. Я рассказываю о далеком прошлом и о днях, накал которых еще не остыл. Юные друзья мои, затаив дыхание, слушают рассказы о запорожских казаках, с которых живьем сдирали кожу и к ранам прикладывали раскаленное железо, требуя измены Родине или хотя бы молчаливой покорности, а они гордо бросали в лицо врагу огненное слово «нет»; о Сергее Лазо, которого живым бросили в топку паровоза за его коммунистические убеждения, о наших двух земляках — пионерах-героях, которых фашисты закопали в землю живыми, не добившись ни слова о партизанской тайне страшными, нечеловеческими мучениями. Я вижу, как в глазах моих юных друзей пылает огонь неугасимой ненависти к врагу. Скажи им: зовет нас, юные друзья, наша Советская Родина в бой за свободу и независимость, за славу и могущество — и каждый из них пойдет на смертный бой с именем Отчизны на устах.

Только слабоумие или нравственная развращенность могут закрыть дорогу слову к сердцу человека. Слово — могучий борец за человеческую душу. Все зависит от того, что стоит за вашим словом, воспитатель. Есть слова хилые и уродливые, как кретины. Есть слова немощные и бескровные, как тень засыхающего стебелька. Есть слова яркие и неугасающие, как вечные звезды, указывающие человеку путь. Стремитесь к тому, чтобы ваши слова были путеводными звездами.

72. КАК ДУХОВНУЮ ЖИЗНЬ КОМСОМОЛЬЦА НАПОЛНИТЬ МЫСЛЯМИ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЕ

Речь идет опять же о топком и сложном — о личной, индивидуальной одухотворенности величием, красотой, возвышенностью патриотического служения Родине. Одухотворенности, пробуждающей глубокие раздумья, приносящей тревожные дни и бессонные ночи. Я не представляю себе комсомольской педагогики без того, чтобы Коля А. и Люба Ш., Валя Г. и Галя М., Зина Г. и Шура Ч. не просидели ночь над книгой и не встретили рассвет — четырнадцатилетние, одержимые мыслями о цели и смысле жизни — над книгой о Марксе, Ленине, Александре Ульянове, Николае Кибальчиче, Феликсе Дзержинском

или Юлиусе Фучике. Каждый из них, одухотворенный ошеленным словом воспитателя о патриотическом служении Родине, искал и нашел *свою* книгу, встретил *свою* яркую звезду на небосводе Родины. Каждое сердце, изумленное и очарованное ярким примером преданности Родине, учащенно билось в эти весенние ночи над страницами *своей* дивной книги. Без глубоко личных, индивидуальных раздумий: кто я, какой я, как я жил до сих пор и как буду жить, какую пользу принесу социалистическому Отечеству, — истинная комсомольская педагогика превратилась бы в пустопорожние разговоры.

Если вы хотите, мой юный друг, стать настоящим воспитателем комсомольцев, поинтересуйтесь, что делают, чем заняты, что читают, что думают мальчики и девочки, юноши и девушки в те часы и дни, когда они остаются наедине с собой. Хочется ли им остаться наедине с собой? Если не хочется — очень плохо, — значит, нет индивидуального духовного мира, нет личности, а значит нет и коллектива.

Есть у нас в школе комната, которую мы называем Комнатой Мысли. Здесь всегда тишина. В шкафах книги об истинных сыновьях Отечества — смотрите, ищите *свою* книгу, обретайте *свою* звезду и свой путеводный огонек. Чтобы ни один подросток не прошел мимо этой книги — в этом вижу я одну из важнейших задач воспитателя юношества. После каждой беседы о патриотах, когда мне удастся прикоснуться к чутким струнам в самых сокровенных уголках юных сердец, я вижу — несколько мальчиков и девочек направляются в Комнату Мысли. В добрый час, юные друзья, — вы поднимаетесь на самую трудную ступеньку самовоспитания. Вот я впервые увидел у окна, рядом с кустом розы, голубоглазого *великана*, как зовут его товарищи, Ваню Г. Ему четырнадцать лет, а он уже выше отца; меня уже беспокоят чересчур детские взгляды Вани на мир, я жду не дождусь, когда сердце и разум взволнуют *взрослые* мысли. И вот я вижу в его руках книгу о Юлиусе Фучике... Будь мужчиной, Ваня. Бери книгу домой, читай, думай, пусть не спится тебе всю ночь, пусть волнуют тебя *взрослые* думы.

С этого начинается юношеское самовоспитание.

Только начинается. Необходим огромный труд, чтобы юность стала духовной зрелостью.

Можно услышать споры: когда начинается ранняя юность — в четырнадцать или в шестнадцать лет? С какого возраста лучше принимать в комсомол — с 14 или с 15-летнего? В последние годы ученых беспокоит акселерация — ускорение физического развития юношей и девушек и в то же время отставание развития социального, духовного, нравственного.

Юность, по твердому убеждению нашего педагогического коллектива, начинается в 12—13-летнем возрасте. Если вы хотите, чтобы мальчик стал духовно зрелым человеком, помогите ему сделать первые шаги на гражданском поприще. Совершенно беззаботное детство и отрочество — вот корни духовного инфантилизма. Заботы в жизни юношества должны быть. Я имею в виду заботы и тревоги нашего народа, общества, Родины. Пусть *все*, что окружает наших мальчиков и девочек, уже на заре их юности тревожит, волнует, беспокоит их сердца. Ничего в жизни — ни непосредственно рядом с ними, ни где-то далеко, на краю света, — не должно быть такого, что не касалось бы *их лично*. Дать подростку гражданское видение мира — одна из вершин педагогической мудрости. Самое главное — чтобы мальчики и девочки жили заботами и тревогами общества. Чтобы общественное стало личным.

Как это достигается практически?

Гражданское возмужание приходит с мыслью о том, что ты что-то сделал для людей, что-то дал им. *Это важнейший источник морального богатства юности*. Постигнуть Родину разумом и сердцем может лишь тот, кто в 12—13-летнем возрасте уже приобрел свое моральное богатство. Если не приобрел — бессильным окажется ваше слово, не может стать оно тем огненным словом, которое одухотворяет сердца, заставляет юношей и девушек задуматься: зачем я живу на свете? благодаря чему, думая о подвиге Сергея Лазо, молодой человек думает о себе, и у него замирает и учащенно бьется сердце от сознания своего приобщения к великому и священному. Может быть, вам приходилось слышать жалобы воспитателей юношества: ты им говоришь о святых вещах, о героизме, мужестве, самопожертвовании, но слово твое почему-то не доходит до души... А не доходит оно потому, что душа полна толь-

ко радостью потребления, на самом же деле она убога, пуста, в ней нет морального богатства — радости творения для людей.

По крупинке, по зернышку накапливайте моральное богатство юности — накапливайте с детства, с отрочества. В 12—13-летнем возрасте человек должен, оглянувшись назад, увидеть то, что он сделал для людей, и пережить гордость: вот это мой труд. Эта гордость и есть духовным зарядом коммунистической идейности, основой идейного единомыслия.

Когда моим юным друзьям было по десять лет, мы решили создать Виноградник для Людей. Перед нами — выжженный палающим солнцем, безжизненный южный склон холма, неплодородная почва. А ведь с этого гектара можно собрать десятки центнеров «солнечных ягод». И вот мы трудимся: очищаем склон от сорняков, копаем ямы — сотни ям; носим в каждую яму ил и перегной и еще, по совету старших, почву из-под корней тех растений, которые убивают вредителей виноградников (есть такая народная «растительная медицина»). Перетаскиваем с одного места на другое сотни тонн земли: надо вокруг каждого куста сделать защитные валики, чтобы вода не стекала. Для воспитателя это самый трудный период: ведь однообразный физический труд сам по себе не может быть приятным и не приносит никакого удовлетворения. Что же побуждает подростков к этому труду? Слово, только огненное слово, зажигающее в юных сердцах порох гражданского служения людям. Верю в огромную силу слова, одухотворенного коммунистическими убеждениями.

Зазеленели первые побеги виноградных лоз, теперь мы уже любимся своим трудом. Теперь меня уже не страшит, что тяжелое физическое напряжение может надломить кое у кого духовные силы, породить пренебрежение к труду. А труд у нас лишь начался: надо поливать растения, оберегать их от зноя и холода.

Проходят месяцы и годы, забота о винограднике становится для каждого из нас чем-то дорогим, родным. Мы накрепко прирастаем к земле. Появляются первые плоды, наступают дни торжества наших гражданских чувств. К нам приходят маленькие дети и старики, мы угощаем их плодами. Несем солнечные ягоды больным, сердца наши бьются учащенно, когда нас благодарят и желают нам добра.

Вот она, одна из вершин педагогической мудрости: пусть 13—14-летние мальчики и девочки услышат благодарность за сердечность, душевность, человечность. Трудно найти силу, которая одухотворяла бы в большей мере, чем эти простые слова. Мои питомцы переживают ни с чем не сравнимую радость творения добра для людей. Теперь уже огненное слово поселилось в их сердцах, теперь вдохновение, побуждающее к новому и новому труду, стало внутренней духовной силой каждого сердца. Теперь каждый — я в этом твердо убежден — способен проявить гражданскую самоотверженность не только в коллективе, но и наедине с самим собой.

Вот при каком условии общественное становится личным, сердечным, мой юный друг: когда собственная совесть не позволяет быть равнодушным к людям.

Поле, на котором мы вырастили Виноградник для Людей, стало для моих питомцев полем гражданского самовоспитания. Их глаза обрели *гражданское видение мира*. В мире нет ничего, что не касалось бы каждого из них лично. Нелегкий физический труд духовно закалил их. Юноши стали настоящими мужчинами. Я с радостью вижу, что в те периоды, когда физические усилия достигают особенно большого напряжения, юноши и мыслят как-то по-другому: они думают о том, как преодолеть трудность, а не о том, можно или нельзя ее преодолеть.

74. НЕ БОЙТЕСЬ ТРУДНОСТЕЙ. ПУСТЬ БУДЕТ ТРУДНО — БЕЗ ЭТОГО НЕТ ИДЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ ЮНОШЕСТВА

В преодолении трудностей воспитывается мужественность, облагораживается сердце. Не ожесточается, а, наоборот, делается нежным и чутким к человеку, к добру и непримиримым, беспощадным к злу.

Жизнь, которую мы открываем перед своими питомцами, — не укатанная дорожка. Молодежи, особенно юношам, надо быть готовой ко всему. Надо быть готовой к самым суровым испытаниям. Воспитывайте юношей столь мужественными и выносливыми, чтобы трудности и лишения, которые — ко всему этому надо быть готовыми ежедневно — встретятся на их пути, не породили растерянности и расслабленности. С физической стойкостью и выносливостью связана и стойкость духовная. Проверьте, мой юный друг, сможет ли ваш питомец — 16-летний юноша —

целый день быть на лютom морозе — да не просто быть, но и работать. Сможет ли он пройти под палящим солнцем сорок километров и после этого несколько часов потрудиться. Сможет ли он вытерпеть полдня без воды. Все это надо сделать не в виде каких-то искусственных упражнений. В самой жизни, в повседневном труде могут быть и бывают трудности и лишения такого рода. Мы не говорим юношам: упражняйтесь в выносливости. Мы даем им трудовое задание, которое выполняют в их возрасте молодые колхозники: в лютые январские морозы юноши едут в поле, нагружают на тракторные прицепы сено, подвозят его к животноводческим фермам. Цель этого труда юноши видят не в том, чтобы поупражняться, а в том, чтобы коровы давали молоко, не будет сена — не будет молока...

Если человек научился в годы отрочества и ранней юности преодолевать трудности и лишения, он будет видеть вокруг себя то, что никогда не увидит избалованный бездельем, разнеженный, расслабленный «маменькин сынок».

75. ОБЕРЕГАЙТЕ ЧИСТОТУ ДУШЕВНЫХ ПОРЫВОВ ЮНОШЕСТВА

Каждый раз, когда речь заходит о воспитании юношества, я снова и снова говорю о *тревожном сердце гражданина*. Это сердцевина всей нашей комсомольской педагогики. Как огня, бойтесь равнодушия, мой юный друг. Это самый страшный яд, порождающий обывателя, мещанина, которому ни до чего дела нет, который следует гнусным истинам морали шкурника: «не мое засыпалось — не мое смелется», «мое дело петушиное — прокукарекал, а там хоть и не рассветай». Чем больше создали молодые руки для людей, тем чище, благороднее сердце. Оно чувствует радости и огорчения людей, беды и заботы общества. Взгляд юного гражданина на окружающий мир становится пытливым и придирчивым, натура — беспокойной и хлопотливой, благородство сердца никогда не уживается со злом, с безразличным отношением к общественным интересам, с унижением человеческого достоинства. Юное сердце бунтует, протестует, негодует. Оно толкает человека на благородные, красивые, хотя иногда, может быть, и резкие, опрометчивые поступки.

Помните, что первая реакция на зло, первое побуждение, подсказанное голосом совести, бывает обычно

самым благородным. Не глушите голоса совести. Не связывайте благородные юношеские порывы шорами логических размышлений и умозаключений. Все это придет со временем — зрелая мудрость, рассудительность, умение семь раз отмерить и раз отрезать. Но горячий трепет юного сердца, возмущенного злом, готового превратить зло в пыль, — никогда не придет, если юношество не возьмет его из той тревожной, беспокойной поры, когда происходит великое открытие мира — сложное и небезболезненное познание добра и зла сердцем. Пусть не будет у вас ни одного юноши, ни одной девушки с рыбым сердцем. Будьте мудры и избегайте опрометчивости в оценке хороших поступков. Холодный рассудок будет, не беспокойтесь. Было бы горячее сердце.

Как самой гнусной развращенности сердца опасайтесь юношеского равнодушия в тех случаях, когда зло, встречающееся в жизни, как-будто не имеет своего прямого виновника, оно — как роковая неотвратимость, оно просто как беда, при виде которой люди иногда, покачав сочувственно головой, говорят: что же, ничего не поделаешь, — и проходят мимо. Вот такие факты и таят в себе большую опасность. Пройдя равнодушно один, второй раз мимо беды, которая тебя лично не касается, ты будешь проходить равнодушно мимо забот и тревог человеческих всегда.

Пробуждайте в юных сердцах тревогу и заботу как раз тогда, когда нет явного виновника беды. Пусть загорится в юном сердце неугасимый порыв: я должен что-то сделать, я буду жалким эгоистом, если пройду мимо. Этот огонек загорается тоже не вдруг, горючим для него является моральный опыт забот и тревог о том, что не касается воспитанника лично.

Во время грозы от колхозной отары отбились два десятка ягнят. По-видимому, ливень загнал их куда-то в заросли кустарника или в камыши. А может быть они застряли где-то в илистых озерах, образовавшихся после ливня. До нашей организации дошли слухи об этой беде. Давайте, ребята, отправимся на поиски. Ведь они же маленькие такие, ягнята... Берем запас продовольствия дня на три и отправляемся в безбрежные приднепровские плавни. Одного за другим спасаем ягнят. Радость и гордость волнуют наши сердца. Возвращаемся искушенные комарами, уставшие, но счастливые, возмужавшие. Такие коллективные поступки я называю *уроками сердечности*.

Они пробуждают чуткость сердца к бедам, огорчениям, тревогам, которые, не будь этих уроков, вызывали бы холодную, беспристрастную сентенцию: без нас разберутся.

Уроки сердечности я представляю себе не чем-то обособленным, изолированным от окружающего мира. Это гражданская жизнь, мой юный друг. Это тот большой мир общественных интересов, о котором с тревогой за судьбы будущего писал В. Г. Белинский.

76. КАК УЧИТЬ КОМСОМОЛЬЦЕВ ЖИТЬ В МИРЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Как-то я слушал доклад одного заместителя директора школы по внеклассной работе. Он подробно говорил о кабинете обществоведения: какие плакаты и картины повесили на стенах, как художественно оформили комнату. Моральный кодекс строителя коммунизма написали на большом листе, сделали красивую рамку... А вот о том, как великие истины марксистско-ленинской пауки должны войти в юную душу и поселиться в ней навечно — ни слова. И когда спросили, что же делается «в этой части» — заместитель директора не мог сказать ни слова. Потому что о кабинете обществоведения есть строгий приказ, а о душе никаких приказов нет. Я думаю, что больше вреда, чем пользы, приносят на педагогическом поприще люди, видящие только распоряжение начальства и не ведающие, что без души, без сердца оно — нуль. Мне кажется, что уроки сердечности — очень важное дело во всех звеньях и формах воспитательной работы.

Однажды мы всей своей дружной семьей (так мы назвали свою комсомольскую организацию) перебирали кукурузные початки: самые хорошие грузили на автомашину, отвозившую зерно на государственный склад, а початки похуже относили на склад па корм свиньям. Кто-то со стороны подошел к нам и доверительно посоветовал: вы, мол, бросайте на дно кузова початки похуже, а сверху прикрывайте хорошими, на складе проверяют только то, что сверху; нам ведь надо сдать побольше — план... Вижу, комсомолята переглянулись, стыдно им стало. Ваня Г. покраснел до корней волос, а Зина Г. опустила глаза. Ушел хозяйственник, стоят мои юноши и девушки, и я стою, сердце мое замерло: ну, что вы будете делать, чему научили вас первые уроки сердечности?

«Да что же это такое?» — глухо промолвил Шура Ч. Больше они не сказали ни слова. С каким-то упорством, с ожесточенностью стали бросать в кузов самые хорошие початки. Несколько раз подходил к нам человек, посоветовавший хитро «выполнять план», молча смотрел на работу комсомольцев, хмурил брови, но ни слова сказать не решился... Тот, кому совесть хоть раз подсказала восстать против зла, обмана, несправедливости, — становится очень чутким к явлениям окружающего мира; видит зло в безделии, расточительстве, становится непримиримым к неправде, обману.

Стремитесь к тому, чтобы в подростковом и юношеском возрасте человек жил заботами о ценностях, принадлежащих коллективу, обществу. В сельскохозяйственном производстве есть напряженные периоды, когда ни один подросток, ни один юноша не должен находиться в стороне от трудового напряжения, от забот, овладевающих душами и сердцами людей.

Весна. В колхозе посеяны тысячи гектаров зерновых, овощных, технических культур. Если не позаботиться о своевременной прополке, урожай может погибнуть. Колхозники в эти дни живут мыслью о том, как наилучшим образом организовать труд, как использовать каждую минуту рабочего времени. Вам, воспитателю, надо позаботиться, чтобы трудовое напряжение, общественная активность овладели и школьным коллективом. Пусть трудятся подростки, юноши и девушки на тех участках производства, от которых в большой мере зависит общественное благосостояние, успех в хозяйстве. Пусть труд школьников не будет чем-то изолированным, обособленным от труда взрослых. Позаботьтесь об организации таких отношений своих питомцев со взрослыми тружениками, чтобы материальных ценностей, созданных вашими воспитанниками, с нетерпением ожидали взрослые; чтобы свой *детский* и *школьный* труд дети, подростки, юноши и девушки рассматривали как труд взрослый. Поменьше школярского, условного в труде ученического коллектива — вот требование, осуществляя которое мы воспитываем людей с малых лет в духе заботы об общественных интересах.

В своей воспитательной работе мы добиваемся того, чтобы трудовая энергия, трудовые усилия школьников были самостоятельными кирпичами в здании общественного производства. Так, младшие школьники, ученики

I—II классов, в летние канюкулы несколько дней работают коллективно в поле, заготовляя самое лучшее, наиболее питательное — витаминное — сено для маленьких телят. Результат труда — несколько десятков тонн кормов самого высокого качества. Малыши убирают сено, сушат его, складывают. Ученики IV—V классов заготавливают семена овощных растений — помидоров, капусты, огурцов. Никто, кроме них, в колхозе этой работой не занимается. Дети прекрасно понимают, что если бы они не вкладывали своих кирпичей в здание общественного производства, строительство этого здания задерживалось бы. Труд одухотворяется общественными интересами с самых первых шагов трудовой жизни.

Старшие пионеры и комсомольцы выполняют еще более значительные трудовые задания. На пионерских и комсомольских гектарах, которых в колхозе ежегодно выделяется от 10 до 15, они выращивают семена пшеницы, кукурузы и других культур. Весь цикл сельскохозяйственного труда выполняется здесь исключительно школьниками — от первой обработки почвы до уборки урожая и сдачи его на хранение.

Они чувствуют себя такими же тружениками, как и взрослые колхозники. Секретаря комитета комсомола и председателя совета пионерской дружины приглашают с отчетом на заседание правления колхоза так же, как и бригадиров взрослых бригад. Хозяйственные, экономические интересы занимают в духовной жизни школьного коллектива большое место. Заботы о материальных цеплостях придают особый оттенок взаимоотношениям в школьном коллективе, всему строю мышления пионеров и комсомольцев. Чтобы воспитать зрелость, *взрослость* мысли, мы заботимся об экономических, хозяйственных отношениях не только школьников со взрослыми тружениками, но и внутри школьного коллектива.

77. КАК СОЗДАТЬ ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВНУТРИ ШКОЛЬНОГО КОЛЛЕКТИВА

Здесь мы подходим, мой юный друг, к особенно важному элементу создания и воспитания коллектива. Речь идет о материальных отношениях, о материальном выражении таких понятий, как ответственность, руководство, подчинение; взаимопомощь, сотрудничество, обмен опы-

том. Все слова о чувстве ответственности останутся детским лепетом, если нет ответственности за материальные ценности. Нет и быть не может никакого коллектива, если отношения между его членами не проникнуты духом взаимопомощи, сотрудничества, товарищеского обмена идеями и опытом.

Пионерская организация нашей школы имеет *бригаду малой механизации*. В распоряжении бригады — машины и механизмы, используемые на работе на школьном учебно-опытном участке, а также в детских политехнических кружках. В бригаде есть маленький, смонтированный учителями и старшеклассниками трактор, которым пионеры обрабатывают школьный участок и сад. Бригада имеет две маленькие автомашины для обучения младших школьников, две сеялки, косилку, молотилку, зерноочистительные машины — все эти механизмы сделаны в школе и приспособлены для детского труда.

Комсомольская организация имеет *бригаду юных механизаторов*. Бригада избирает бригадира, двух помощников, двух механиков. В ней выделено звено юных электротехников. В распоряжении бригады — *взрослая*, как говорят пионеры и комсомольцы, техника — трактор, два автомобиля, комбайн, сеялки, зерноочистительные машины. Бригадир и его помощник — по уполномочию бригады — являются хозяевами техники и ремонтной базы (в их распоряжении — установка для зарядки аккумуляторов, электросварочный аппарат). Они назначают юных механизаторов на период выполнения той или иной работы. Получить работу в бригаде механизаторов — большая честь. Прежде чем допустить человека к трактору, бригадир юных механизаторов принимает у желающего трудиться целую систему зачетов (например, ученик изготавливает на токарном станке деталь для машины, принимает участие в конструировании и монтаже нового механизма). В период весенних и летних полевых работ бригадир устанавливает очередность работы юных механизаторов в поле (на пионерских гектарах и на колхозных полях).

Есть в пионерской и комсомольской организациях еще две бригады: *бригада юных растениеводов* и *бригада юных садоводов*. Это трудовые коллективы, в распоряжении которых — опытный участок, сад, школьная пасека, инвентарь для ручной работы по растениеводству и садоводству.

Опыт хозяйственных материальных отношений позволяет комсомольской и пионерской организациям быть хозяевами многих материальных ценностей. Наши пионеры и комсомольцы распоряжаются средствами, поступающими па внутрихозяйственный счет школы от учебно-опытного участка, сада, огорода. Деньги, которые выручаются от продажи фруктов, овощей, саженцев деревьев, школьники приносят, сдают в бухгалтерию. В течение года накапливаются значительные суммы. Комитет комсомола и совет пионерской дружины расходуют деньги на приобретение музыкальных инструментов, на проведение экскурсий. Это обогащает жизненный опыт комсомольцев и пионеров.

Хозяйственные, материальные, экономические отношения, тесно связанные с трудом, — одна из нитей, связывающих школьников в разновозрастных коллективах.

78. РАЗНОВОЗРАСТНЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ НЕЛЬЗЯ СТРОИТЬ НА ПУСТОМ МЕСТЕ

Конечно, материальные, хозяйственные отношения порождают отношения другого рода — духовные. Чем интереснее труд, составляющий самую сущность хозяйственных отношений, тем глубже могут быть духовные отношения между воспитанниками разного возраста. Труд же становится интересным тогда, когда дети, подростки и юноши, работающие в одном коллективе, управляют машинами и механизмами, овладевают сложными практическими умениями и навыками, передают друг другу знания и опыт — когда есть духовные отношения. Без трудовой увлеченности, без жажды знаний, без совместной деятельности, которая предполагает овладение сравнительно сложными умениями и навыками, разновозрастный коллектив как инструмент воспитания — невозможен. Но если вам удалось достигнуть слияния труда и духовной жизни воспитанников разного возраста, тогда у вас появляется новый, очень сильный источник воздействия коллектива на личность.

Сущность этого воспитательного воздействия заключается в том, что ребенка и подростка, подростка и юношу притягивает друг к другу общность интересов, способностей, склонностей, призвания. Черты личности при этом выражаются в конкретной деятельности. Воспитательный эффект разновозрастного коллектива заключается в том,

что под влиянием яркого положительного примера ребенок, подросток осознает, каким человеком он хочет стать, у него появляется стремление достигнуть идеала, образца. Вне духовных отношений, возникших на почве интересного, увлекательного труда, стремление стать *таким-то* человеком вообще не может возникнуть и овладеть мыслями воспитанника.

Разновозрастные трудовые — их можно назвать еще и творческими — коллективы должны быть делом добровольным. Здесь недопустимо какое бы то ни было *прикрепление* одного ученика к другому. Пионеры и комсомольцы очень тонко чувствуют способности, склонности, призвание, они никогда не выделяют в бригаду механизаторов или растениеводов того, кто не интересуется соответствующим трудом.

Есть разновозрастные коллективы и другого рода. В период летних каникул наши воспитанники, как правило, никуда не уезжают — условия отдыха в селе прекрасные. На каждой улице, на каждом *«кутке»*, как говорят на Украине, у нас есть очаги народной педагогики. Так мы называем маленькие школы народного воспитания. Душой каждой из этих школ является человек, горячо любящий детей. Это или ветеран производства, ушедший на отдых, или же молодой рабочий, колхозник, служащий, для которого общение с детьми — радость, полнота духовной жизни. У себя в коллективе мы называем таких людей хранителями очагов народной педагогики. Их воспитательное воздействие огромно: красота создается только красотой, человек творится только человеком.

Треть столетия работы в школе убедила меня в том, что человек лучше всего воспитывается тогда, когда он воспитывает других, заботится о другом человеке. Наш педагогический коллектив стремится к тому, чтобы уже в отроческие годы каждый воспитанник проявлял сердечную заботу о маленьком ребенке. Чуткость, участливость, тревога о ребенке — эти чувства являются благородной эмоциональной основой подросткового и юношеского коллектива. Чем активнее выражаются эти чувства в деятельности, тем нежнее и мужественнее становится сердце подростка — мальчика и юноши, тем больше женственности в сердце подростка — девочки и девушки.

Когда наша комсомольская организация создавала стенной Уголок Красоты для людей, в жизнь нашей дружной семьи неожиданно вошла судьба маленькой девочки Наташи — Наталочки, как ласково называли ее комсомольцы. Девочка жила на окраине села. У нее была только мать. Трех лет Наталочка тяжело заболела — перестала ходить. Весной и летом мама укладывала дочку в маленькую тележку и ставила ее под ветвистой яблоней. Зеленый двор, яблоня, два улья, колодец, аисты на сарае, собака Пальма, кролики, которых оберегала собака — вот и весь мир Наташи. Голосистая и говорливая, но в то же время опечаленная своей болезнью, девочка просила нас принести полевых цветов, которых она не видела. У каждого из нас болело сердце: неужели девочка не выздоровеет? Врачи ее лечили, но быстрого выздоровления не обещали: какое-то глубокое поражение нервной системы, ноги у девочки недвижимы. Чем же тебе помочь, маленькая Наталочка?

Что только мы не делали для нее! В ее просторной комнате сделали настоящий сад: посадили елочку и сосну, перенесли из школьной теплицы цветущие хризантемы. Под окном посадили розы. Через год девочке надо было идти в школу, и мы стали учить ее читать и рисовать. Всю зиму в ее комнате цвели цветы. Но девочка была очень бледной, хрупкой. Я видел, как, возвращаясь от Наталочки, Зина Т. и Галя М. украдкой плачут. Мы мечтали, чтобы скорее пришла весна.

Весной, как только распустились листья орехов и зацвели первые степные цветы, мы посадили Наталочку в тележку и повезли в Уголок Красоты. Девочка с изумлением открывала новый для себя мир, все ей было незнакомым: и дрожание степного марева над курганами, и пение жаворонка, и огромные кузнечики... В Уголке Красоты мальчики и девочки построили шалаш. Здесь мы проводили целые дни во время летних каникул. Целительный воздух степи, аромат ореховых листьев, красные помидоры и сочные арбузы, хрустящие на зубах яблоки — наверное, все это было самым лучшим лекарством для Наталочки. Ее щечки порозовели, в глазах заиграли радостные огоньки. Через два года девочка встала на ноги.

Врач сказал: лечат не только лекарствами, но и радостью. А особенно вот такие болезни, как у Наталочки.

Два с половиной года душевной заботы о больной девочке были ни с чем не сравнимыми уроками сердечности. Юноши и девушки научились чувствовать, познавать сердцем беду, тревоги, заботы там, где глазами их, бывает, не увидишь. Я убедился, что если коллектив заботится о ребенке, он становится очень чутким и к самой большой беде — человеческому одиночеству.

80. ВОСПИТЫВАЙТЕ КОЛЛЕКТИВ ТАК, ЧТОБЫ ЮНОШИ И ДЕВУШКИ НЕ ПРОХОДИЛИ МИМО ОДИНОЧЕСТВА

Еще не встала на ноги Наталочка, а моих питомцев потрясла новая беда. Возвращаясь однажды из лесу, мы встретили женщину, проводившую нас задумчивым, печальным взглядом. В селе принято здороваться с каждым встречным — и со знакомым, и с незнакомым. На наше *добрый вечер* она ответила *доброе здоровья, дорогие*, и в ее голосе мы тоже услышали печаль.

«Почему у нее такие печальные глаза?» — спросил кто-то из мальчиков.

«У нее большое горе... но какое?»

Через день мы узнали о горе женщины, и оно потрясло нас. Три сына, муж и два брата ее погибли смертью героев на фронтах Великой Отечественной войны. А недавно у нее умерла мать — единственный в мире родной человек. Женщина осталась одна.

Боль бабуся Марии стала нашей сердечной болью. Чем мы можем помочь вам, дорогой наш человек? «Мы бы отдали вам все тепло наших сердец, только бы вы улыбнулись», — сказал Костя К., когда мы узнали о тяжелой судьбе женщины.

Пришел тот день, когда бабуся Мария улыбнулась нам. Улыбнулась, вспоминая своих сыновей. Улыбнулась, когда мы пришли к ней посадить шесть кустов винограда и шесть кустов роз — в честь ее сыновей, мужа и братьев. Она улыбнулась, потом из ее глаз потекли слезы, плакали и мы... Потому что до сих пор не встречали в мире столь огромного материнского горя.

Нам хотелось хоть сколько-нибудь облегчить ее горе. Мы сердцем чувствовали, что ее нельзя оставлять одну —

одиночество приносит ей страдания. Сердце подсказывало и го, что нельзя ни утешать бабушку, ни советовать ей забыть свое горе. Оно останется в ее душе навсегда — до могилы.

Старая женщина улыбалась, видя мальчиков и девочек. Мы приходили к бабушке Марии каждый день, трудились в ее саду Красоты. Зацветали розы, созревали виноградные гроздья. Всматриваясь в глаза мальчиков и девочек, вслушиваясь в их щебетанье, я заметил, что они в глубине души как будто бы чувствуют вину перед бабушкой. Они радуются жизни, смеются, улыбаются друг другу, солнцу и ясному небу, а ее сыновья погибли на войне, — вот что чувствовали мальчики и девочки. Хорошо это или плохо? — думалось мне. Да, хорошо. В этом сложном чувстве, которое они ни за что не высказали бы словами, — благородный долг перед павшими за их счастье.

Благородная тревога сердца, чистые, возвышенные душевные порывы — никогда вы не добудете этого богатства, если начнете добывать его в зрелые годы. Добывайте, создавайте его в годы юности. Берегите его как бесценное сокровище.

Еще и еще раз, тысячу раз полезно посоветовать: учите своих питомцев видеть человека. Пусть каждый научится видеть в человеке, как в зеркале, самого себя. Дать каждому юноше, каждой девушке это зеркало, научить смотреться в него — это одна из вершин педагогической мудрости. Если вы хотите стать настоящим воспитателем юношества, учите видеть в этом зеркале самые тонкие, самые сокровенные, самые неожиданные черточки.

81. ОБЕРЕГАЙТЕ СВОИХ ПИТОМЦЕВ ОТ ПУСТОСЛОВИЯ

Я специально обращаю на это внимание потому, что пустословие развращает душу человека, как ржавчина разъедает коллектив. Там, где есть пустословие, по существу нет и не может быть идейного единства коллектива. Пустословие — это безответственное бряцание оружием, превращение оружия в игрушку, это духовное разоружение человека.

Вместе с тем, как самого гнусного опасайтесь яда лжи, лицемерия. Пусть с детства, с отрочества в плоть и в кровь, в привычку мальчиков и девочек входит правди-

вость: пусть привычка называть вещи своими именами превращается в характер, в натуру. Воспитывайте у своих питомцев непримиримость и нетерпимость к пустозвонству, красноречию, трескучей фразе, бахвальству.

Как же осуществлять на практике эти золотые истины? Здесь мы приближаемся к вопросу о самовоспитании. Многолетний опыт воспитания юношества убедил меня в том, что если слово живет в душе человека, если оно не превращается в шелуху, — оно может стать могучим средством самовоспитания. Учите мальчиков и девочек не бросать слов на ветер, ничего не говорить «просто так», для красного словца. Я поучаю своих питомцев: — Если ты хочешь сделать вот так, но не уверен, что сделаешь, никогда не говори: даю слово, сделаю. Лучше скажи: хочу заставить себя сделать вот так, заставлю себя сделать вот так. И заставляй себя. Как бы ни было трудно — добивайся поставленной цели. Десять раз переделай, но сделай так, чтобы не было стыдно перед людьми.

Не забывайте, что процесс самовоспитания никогда не идет гладко, без трудностей. Нет более доблестной победы, чем победа над собственными слабостями. Помните, воспитатели юношества, что правдивость — это прежде всего честность перед людьми и одновременно перед самим собой, перед собственной совестью. Правдивая оценка самого себя: что я уже могу и чего не могу, как я продвигаюсь к той вершине самоусовершенствования, достигнув которой, я имею право сказать: *я хозяин своей воли*, — правдивая оценка всего этого является краеугольным камнем правдивости и честности.

Зеркало правдивости, правильно отражающее жизнь, отшлифовывается трудом. Стремитесь к тому, чтобы мысль и слово одухотворялись делом, трудом. Чтобы за звучанием слова стояла глыба дела. Еще раз приходится повторить, что в деле воспитания все взаимосвязано. Правдивость и честность, непримиримость ко лжи и обману идут от великой правды труда. Недаром старинная украинская мудрость говорит: правдивое слово у того на языке, у кого на ладонях мозоли. Сердце труженика восстает, возмущается против лжи и неправды. Корни истины — в труде на общее благо, в радости творения для людей, в преодолении трудностей. Кому все легко, без трудностей, без напряжения сил дается, у того и мысль порхает легко, как бабочка. А мысль должна быть твердой, как ствол

могучего дуба. Сильной, как стрела. Яркой, как огонь. Твердость правды, незыблемость мысли, ясность истины — это родники, пробивающиеся из источника, имя которому — *трудно*. Юношество должно знать, что такое трудно. Знать из собственного опыта. Тот, кто познал трудности, дорожит словом и нетерпимо относится к пустословию.

82. КАК УЧИТЬ СВОИХ ПИТОМЦЕВ ВОСПИТЫВАТЬ САМИХ СЕБЯ

Научное построение процесса коммунистического воспитания выдвигает в числе самых острых, самых животрепещущих вопрос о взаимозависимости богатства духовной жизни коллектива и личности. Откуда в коллективную жизнь придут духовная полнота и богатство, если каждый будет *только* потребителем? Разве можно говорить о коллективе как о воспитателе личности, если не разобраться со всей серьезностью, откуда же текут ручейки, наполняющие источник духовного богатства коллектива? Группа людей становится неорганизованной толпой, если каждый человек, общающийся со своими товарищами, не открывается перед ними каждодневно. Личность и коллектив — это две стороны одной медали. Без воспитания личности не может быть и речи о коллективе как о воспитывающей силе, а воспитание личности немислимо без самовоспитания. В широком смысле понятие воспитание я представляю себе как гармонию воспитания коллектива и воспитания личности, а в воспитании личности одна из ведущих ролей принадлежит самовоспитанию.

Воспитывать человека — значит воспитывать у него требовательность к самому себе. А это возможно лишь тогда, когда человека не ведешь постоянно за руку, но и предоставляешь его самому себе, чтобы он отвечал за самого себя, вырабатывал собственную жизненную позицию.

Как это делать практически?

С малых лет учите человека познавать себя и воспитывать себя. Девиз самопознания хорошо выражен в словах великого мыслителя и художника Ф. М. Достоевского: «Найди себя в себе, подчини себя себе; овладей собой»¹⁴. Воспитание чувств, дисциплинирование мысли и воли, выработка и уравнивание характера — все это человек должен делать сам, познавая себя и овладевая собой.

Самовоспитание нуждается в очень важном, могучем стимуле — чувстве собственного достоинства, уважения к самому себе, в желании стать сегодня лучше, чем был вчера. Самовоспитание возможно только при том условии, когда душа человека очень чутка к тончайшим, чисто человеческим средствам воздействия — доброму слову, совету, ласковому или укоризненному взгляду. Не может быть и речи о самовоспитании, если человек привык к грубости и реагирует только на «сильное» слово, окрик, принуждение. По самому существу своему самовоспитание предполагает веру человека в человека, обращение к чести и достоинству личности. Педагогическое руководство самовоспитанием — это прежде всего отношения между педагогом и воспитанником, проникнутые глубокой взаимной верой в добрые намерения.

Исходя из многолетнего опыта, я позволяю себе дать воспитателю практический совет: самовоспитание вашего питомца требует определенного стиля вашего воспитательного влияния. В коллективе у вас должно царить спокойствие, не должно быть крика, нервозности. Нечего и думать о самовоспитании, если у воспитателя время от времени *закипает злость* к тому или иному воспитаннику и если это недоброе чувство находит свою «разрядку» в окрике, сгоряча придуманном наказании, в стремлении как можно сильнее *пробрать* воспитанника. Чем больше человека *распекают, пробирают, наказывают*, тем меньше он чувствителен к доброму слову, тем меньше у него развивается та способность, которую Л. Н. Толстой называл способностью *думать хорошо*¹⁵.

Я твердо убежден — и это убеждение не плод книжных умозаключений, а итог многолетней практики, — что абсолютно нормальное воспитание не знает наказаний. Надо сделать оговорку, товарищи педагоги: речь идет *о детях*, о наказании *ребенка*. Там, где все строится на наказаниях, нет самовоспитания, а без самовоспитания не может быть нормальным и воспитание вообще. Не может, потому что наказание уже освобождает воспитанника от угрызений совести, а совесть — это ведь главный двигатель самовоспитания; где совесть спит, не может быть и речи о самовоспитании. Получивший наказание думает: мне нечего больше размышлять о своем поступке; я получил то, что положено.

Был в нашей школе такой случай. Девятилетний Костя, ученик III класса, стрелял из рогатки по воробьям. Ранив птичку, он поймал и мучил ее. Учитель наказал мальчика: запретил ему три раза идти с классом в лес. Накануне второй, интересной, с нетерпением ожидаемой детьми прогулки, Костя сидел на уроках угрюмый, невпопад отвечал на вопросы учителя. Когда класс пошел в лес, мальчик остался в школе. В соломенной крыше сарая он поймал несколько голых, беспомощных воробышков и положил их в стол учителю. Через день (поход в лес был перед выходным), открыв стол, учитель нашел птенцов, почти все они задохнулись.

Чем объяснить эту жестокость? Почему очень часто в результате наказания ребенок озлобляется? Потому что «сильное» средство воздействия освобождает ребенка от мыслей, раздумий, размышлений; он переживает не предосудительный свой поступок, а наказание; он по существу забывает о плохом поступке, а ведь логика воспитания заключается в том, чтобы ребенок о нем помыслил, подумал. Получается же так, что ребенок *думает плохо*. Он думал о себе как об обиженном, в его сердце накапливается озлобление. К тому же, если в наказании есть хоть капелька несправедливости, — тогда лавина озлобления грозит сильным, неожиданным для учителя обвалом.

Нормальное воспитание я представляю себе так: ребенок не допускает серьезных предосудительных поступков, а маленькие, незначительные «грешки» он глубоко переживает, принимает близко к сердцу, чувствует угрызения совести — это самое главное. Искусство воспитания в том, чтобы предупредить серьезные проступки. Чем же предупреждать? Прежде всего — индивидуальной беседой с ребенком.

83. ОВЛАДЕВАЙТЕ ИСКУССТВОМ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ БЕСЕДЫ С ВОСПИТАННИКОМ

Присмотритесь к детству, взвесьте в то, как ведут себя малыши, как относятся они друг к другу, к матери и отцу, а потом и к вам, педагогу, и вы убедитесь, что у ребенка есть органическая духовная потребность излить перед вами свои чувства и мысли, раскрыть свою душу.

Но знайте: ребенок чистосердечно раскроет перед вами душу только при условии, если вы *никогда* не обраща-

етесь ни к кому с просьбой или требованием унять, обуздать его. Если же вы надеетесь, что, скажем, мать и отец заставят вашего питомца быть хорошим, и об этой надежде вашей знает ребенок, или вы даже специально даете понять ему, на что возлагаете свои надежды,— пишете, как говорится, пропало: не только самовоспитания, но и нормального порядка в классе у вас не будет. К родителям обращаться надо, беседовать с ними надо, но у ребенка никогда даже мысль не должна зародиться о том, что самых дорогих, любимых людей учитель делает пугалом. В воспитании вообще недопустимо, чтобы на человека ребенок смотрел как на страшилище. Надо воспитывать так, чтобы ребенок не боялся матери, отца, учителя, а любил их. Чтобы у него вообще были любимые люди. А в детском сердце любовь рождается к тому, кто способен рассеять тревогу и смятение, утешить, утвердить веру в свои силы, кто способен оберегать легко ранимые, очень чуткие к грубым, неосторожным прикосновениям чувства ребенка, и прежде всего чувство собственного достоинства.

Мне кажется странным и непостижимым: как может педагог рассчитывать на доверие, откровенность, чистосердечность ребенка, если он не стал для него любимым человеком.

Хочу посоветовать также: не отмахивайтесь от так называемых детских жалоб. Не считайте все детские жалобы ябедой, а всех маленьких жалобчиков «плаксивыми ябедниками», как любит говорить один мой знакомый учитель. Это не так. *Умейте выслушать жалобу.* Вообще умение слушать ребенка — большое педагогическое искусство. Там, где нет этого искусства, нет и не может быть самовоспитания.

Вам удалось достигнуть того, что воспитанник охотно идет к вам, раскрывает перед вами душу. Знайте, что прикосновение к детскому сердцу должно быть нежным, самым осторожным, только нежность и осторожность ведут к тому, что своей беседой с ребенком вы побуждаете его к самовоспитанию. Помните, если в школе царит добро и взаимное доверие, воспитанник приходит к вам, когда в душе у него смятение, когда он не может сам разобраться в том, что творится в его душе, не знает где истина, что ему делать. Помните, что вопросов таких во взволнованном детском рассказе вы можете и не услышать, но

умейте прочитать их между строк. Берегите тайну, которую доверил вам человек — это одно из элементарных правил педагогики, касающееся и воспитания и самовоспитания. Знайте, что раскрывая перед вами душу, вам могут поведать о самом трудном и сложном. Вы можете услышать о предосудительном поступке, о таких взаимоотношениях между вашими питомцами, которые, казалось бы, сразу же требуют немедленного вмешательства взрослых. Умейте быть терпеливым в таких случаях, умейте сдерживать порывы горячего сердца мудрым рассудком и в то же время одухотворить мудрость своей мысли пламенем горячих чувств. Следствием вашей беседы с раскрывшим перед вами душу питомцем никогда не должно быть наказание — помните об этом. Знайте, что одним из наиболее остро ранивших юную душу наказаний является выставление перед коллективом глубоко личного, сердечного.

Я еще раз повторяю, что если воспитанник переживает горе, невзгону, огорчение, обиду, несправедливость, смятение — он стремится излить свои чувства и мысли перед человеком, которого он уважает и любит, которому он доверяет. Но каждый честный и скромный человек переживает в таких случаях большую стеснительность. Умейте увидеть в глазах своего питомца тончайшие движения его души. Умейте сделать так, чтобы вы остались наедине с ним. Найдите слово — единственное слово среди тысяч — которое тонко, умно, тактично побудило бы вашего питомца раскрыть свое сердце.

Если человек открылся перед вами, — это уже большой успех воспитательной работы. Но дальнейшее в огромной мере зависит от того, *каким увидит и почувствует* ваш питомец ваше человеческое прикосновение к его сердцу.

Я, как говорится, голову даю на отсечение, утверждая, что если воспитанник не идет к учителю со своими радостями и горестями, если воспитанник не открывает перед ним свою душу, — вообще смешно говорить о каком бы то ни было воспитании, — его нет, нет и нет. Откровение сердца воспитанника по отношению к любимому воспитателю — это процесс взаимного облагораживания чувств и мысли. Изливая в слова мысли о своей душевной травме, человек прежде всего облагораживает чувства: примитивные чувства вытесняются более тонкими, возвышенными. Человек, как говорят в таких случаях, *берет себя*

в руки — это как раз и есть тонкое побуждение к самовоспитанию. Поэтому доверительная беседа с воспитателем приносит облегчение, улучшает самочувствие. Разделенная радость — двойная радость, разделенная горе — половинное горе. Открыв свою душу, излив чувства и мысли, человек убеждается, что он сам в состоянии изменить свое самочувствие, повлиять на себя.

Больно даже от мысли о том, что в школах у нас еще бывают отдельные воспитанники, которые носят в себе неразделенное горе. Оно иссушает сердце, опустошает душу. У меня содрогается сердце, когда я вижу угрюмого, замкнувшегося подростка. И самым страшным горем для него бывает чувство своей неполноценности: другим знания даются, а у меня ничего не выходит, я неудачник, такова уж моя судьба... Это горе накапливается постепенно, изо дня в день, оно больно сжимает сердце, холодом сковывает душу. Подростку хочется поделиться своим горем, но ему стыдно, и он молчит. Молчит дома, молчит в школе. Юный друг, присмотритесь к некоторым своим питомцам и помогите им избавиться от непосильной тяжести. Прежде всего принесите им радость: сделайте так, чтобы они увидели свой успех в овладении знаниями и испытали от этого чувство гордости...

Если вы и ваш воспитанник стали друзьями, если вас объединяет взаимное доверие, если вы никогда не принесли своему питомцу зла, огорчения, тягостных переживаний, — вы имеете моральное право учить самовоспитанию, и ваши поучения будут восприниматься как мудрость жизненного опыта.

Но есть еще одно условие, без которого невозможно самовоспитание. Условие это, образно говоря, лежит между волей педагога и волей воспитанника, оно как бы объединяет воспитание и самовоспитание в единое целое. Это условие — осознание воспитанником своего собственного становления; *понимание и переживание того, что сегодня он стал лучше, чем вчера*, что в его душу входит человеческая красота, и это вхождение красоты зависит в огромной мере от него самого, от собственной его воли. Прекрасный спутник в осознании собственного становления — уважение к самому себе, переживание чувства собственного достоинства. Только там, где воспитанник уважает себя, возможно самовоспитание. И чем глубже чувство самоуважения, тем больше чуткости, восприимчивости к вашим

нравственным поучениям, к вашим наставлениям: воспитывать себя надо вот так. Там, где нет самоуважения, человек совершенно глух к вашим поучениям и советам.

От чего же зависит *самоуважение*, как оно воспитывается? Помните, мой юный друг, — это очень хрупкая вещь. С ней надо быть исключительно осторожным. Таким же осторожным, как осторожны мы бываем с каплей воды, дрожащей на цветке розы, когда надо срезать цветок, не стряхнув прозрачную каплю, в которой сияет маленькое солнце. Чтобы воспитать самоуважение, надо действовать только нежными, тонкими воспитательными средствами. Самоуважение не терпит грубых, «сильных», «волевых» средств. Я бы назвал самоуважение детской интеллигентностью. Это душевная мягкость, помноженная на чистоту мыслей, побуждений, намерений. Здесь мы имеем дело с самым интересным в школе делом, — с делом, заслуживающим огромного внимания, но, к сожалению, мало изученным — с детским умственным трудом, точнее, с отражением этого труда в эмоциональной сфере, — с интеллектуальными чувствами. Уважение к самому себе рождается из светлых интеллектуальных чувств, из радости познания. Здесь, в светлых интеллектуальных чувствах — источник детской интеллигентности. Если же учение сопровождается мрачными чувствами, человек становится равнодушным, безразличным к самому себе — ни о каком самовоспитании не может быть и речи. Важнейшая задача педагога как *воспитателя* заключается в том, чтобы оберегать в юном сердце огонек светлых интеллектуальных чувств, не дать ему угаснуть, — зажечь его снова очень трудно.

Итак, воспитанник ваш уважает сам себя, дорожит каждым вашим словом о самом себе, — значит, почва вспахана под посев семян самовоспитания; вы можете учить, как воспитывать себя, и ваши поучения не останутся пустыми словами.

Есть несколько сфер самовоспитания: сферы морали, труда и учения, физической культуры. Все они взаимосвязаны, потому что весь процесс самовоспитания — это единство сложной работы ума и сердца, единство чувств и убеждений.

Важнейшим побуждением к самовоспитанию нравственности является внушение воспитанникам мысли о том, что мы, индивидуумы, живем среди людей. Люди видят нас ежечасно и ежеминутно. Люди чувствуют наше присутствие даже тогда, когда не видят нас. Каждая вещь материального мира, с которым мы соприкасаемся, сохраняет на себе наш след. Но самый заметный, иногда неизгладимый след мы оставляем в людях, с которыми общаемся. Настоящему человеку не безразлично, что о нем думают, как его оценивают другие. Но что бы мы ни делали, где бы ни находились, — помните, на нас всегда глядят глаза людей. Самое гнусное, самое мерзкое в жизни человека — это нравственная нечистоплотность. Представьте себе, что красивая девушка целый час занята своей прической — ей хочется быть красивой, ведь прическа у всех на виду. И в то же время у нее грязные, невымытые ноги. Но это ее не беспокоит — ведь ноги в чулках. Такова и нравственная нечистоплотность: на людях человек становится душкой, а наедине с собой — хрюшкой, — так этот гнусный порок оценивает народная мораль.

Учите взыскательности, жесточайшей щепетильности в вопросах морали. Учите своих воспитанников контролировать самих себя. С первого же дня пребывания ребенка в школе мы учим его: если ты делаешь что-нибудь наедине, знай, что о тебе думает в это мгновение самый любимый в мире человек — мама. И если ты делаешь что-нибудь нехорошее — в надежде на то, что тебя никто не видит, ты ошибаешься. Твой плохой поступок болью отзывается в материнском сердце. Мать видит тебя, даже если не видит тебя. Она с тобой, даже если ее нет с тобой. Ты придешь домой, и она в глазах твоих увидит, что ты сделал что-то предосудительное. Поэтому лучше сразу же расскажи о своем предосудительном поступке. А еще лучше — не делай плохо. Помни, что на тебя всегда смотрит мама.

Здесь опять надо сказать, что чувствительность, чуткость ребенка к этим поучениям зависит от всего строя его духовной жизни. И прежде всего надо добиться, чтобы характерной чертой духовного мира ребенка были сердечность, участливость, трогательная забота о матери. Утон-

честь души — вот что необходимо, чтобы ребенок воспитывал сам себя, чтобы его совесть зорко стояла на страже поступков. Самовоспитание в нравственной сфере мы начинаем с элементарной моральной культуры. Воспитанник ваш сорвал, боязливо оглянувшись, цветок с куста роз — это уже нравственное невежество. Он прошел мимо плачущего ребенка, не спросил: чем помочь тебе, дитя? — это еще хуже — моральная толстокожесть. В течение многих лет наш педагогический коллектив выработал программу самовоспитания моральной культуры. Эта программа представляет собой ряд требований, которые ставит перед собой воспитанник в нравственных отношениях с другими людьми. Вот эти требования:

1. Помни, что в мире есть вещи ни с чем не сравнимые и не сопоставимые. Это прежде всего наша Советская Родина, земля, которая вскормила и вырастила тебя, дала тебе жизнь.

2. Помни, что ты живешь среди людей. Ты есть не то, что ты сам о себе думаешь, а то, что думают о тебе люди. Если та величина, которую ты видишь сам в себе, огромная, а та, которую видят в тебе люди, ничтожная, значит, ты ничтожество; умеи мужественно признаться себе в этом, умеи преодолеть в себе мелочное, ничтожное существо, умеи стать настоящим человеком.

3. Настоящий человек тот, кто не делает гадости, пошлости, подлости наедине с самим собой. Пусть всегда, когда ты остаешься наедине с самим собой, строгим, требовательным свидетелем твоих поступков будет твоя совесть. Пусть этот свидетель будет беспристрастным, жестоким и неумолимым.

4. Делая добро людям, ты приобретаешь бесценное богатство. Тот, кто живет во имя блага людей, — самый богатый, самый счастливый человек. Помни, что в мире есть единственное измерение богатства, красоты, величия — человек. Возвышая человека, ты возвышаешь сам себя. Помни, что человек рождается и умирает, и если после его смерти что и остается на земле, так это то, что он сделал доброго для людей.

5. Высшее воплощение человеческой красоты — это женщина. Девочка, девушка — это не только твой друг. Она — будущая мать. Оберегать ее красоту, щадить ее здоровье — это значит заботиться о красоте и величии всего рода человеческого. Если надо даже умереть для того,

чтобы помочь женщине — умри, но не отступи с прямого пути человеческой доблести.

6. В человеке может поселиться множество пороков, из них двадцать самые страшные — безразличие к добру и злу, лень, двуличие, лесть, угодничество, отсутствие своих убеждений, молчаливое согласие с неправдой; упорство в своих ошибках, чванство, пустословие, лживость, подлость наедине с самим собой; отказ от друга, когда все против него, неверие в доброе начало в человеке, лицемерие, злорадство, жестокость к слабому и незащищенному существу, чревоугодие и обжорство, скупость. Помни, что каждый из этих пороков начинается с маленького зернышка и разрастается до чудовищных размеров. Будь непримиримым к человеческим порокам прежде всего в самом себе. Учись делать то, что восхищает тебя в другом человеке и никогда не делай того, что ты ненавидишь, презираешь в других. Люби в себе красоту и ненавидь в себе порок. Знай, что гнойный нарыв, если он даже *твой* гнойный нарыв, всегда остается гнойным нарывом. Свою болячку лишь эгоист любит.

7. Если ты заметил в себе зернышко порока, умей быть беспощадным к самому себе. Вырывай корни порока: лень — трудом, равнодушие к добру и злу — участливостью, человеческой тревогой, двуличие — принципиальностью, лесть — прямоотой, угодничество — готовностью отстаивать истину даже тогда, когда против тебя ополчился весь свет; отсутствие своих убеждений — независимостью собственной мысли, молчаливое согласие с неправдой — борьбой, бесстрашным поединком с ней; упорство в своих ошибках — мужественным признанием собственных заблуждений и готовностью стать единомышленником того, кто отстаивал истину, борясь с твоими ошибками; чванство — скромностью, умением не говорить о себе без нужды ни слова; спесивость — простотой, достоинством, которые Маркс выше всего ценил в людях¹⁶; пустословие — умением дорожить словом; лживость — нетерпимостью ко лжи, щепетильной правдивостью во всем; подлость наедине с самим собой — умением отчитываться прежде всего перед собственной совестью как перед самым беспощадным судьей; отказ от друга, когда все ополчилось против него — готовностью подставить под пулю собственное сердце, когда целются в друга; неверие в доброе начало в человеке — безграничной верой в величие и силу

человеческой красоты; лицемерие — откровенностью и правдивостью; злорадство — жалостью; жестокость к слабому и беззащитному существу — человечностью; чревоугодие и обжорство — умеренностью; скупость — щедростью.

8. Если ты видишь зло, и где-то в глубинах твоего сознания закопошилась мысль: какое мне дело? — знай, что это голос звериного инстинкта, зовущего спасти свою шкуру. Не потворствуй инстинктам, изгоняй их, будь беспощадным к звериному зову спасти свою шкуру.

Помни, что ты человек. Если ты прошел мимо зла один раз, ты вынужден будешь проходить мимо зла всегда. Ты превратишься в жалкое существо.

9. В человеческом мире множество доблестей, но есть одна доблесть, являющаяся вершиной человечности — это чувство собственного достоинства.

Держи голову прямо и тогда, когда ты вышел победителем в борьбе за истину, и тогда, когда ты вынужден признать свою ошибку.

10. В мире есть вещи ни с чем не сравнимые и не сопоставимые. Это прежде всего наша Советская Родина, земля, которая дала тебе жизнь, имя и человеческое достоинство. Если ты переживаешь трудную, безвыходную минуту, если ты в смятении, если ты не знаешь, как поступить, подумай: что требует от тебя в этих обстоятельствах Родина. Как Родина требует, так и делай.

В чем сущность нравственного самовоспитания?

Кроме желания быть хорошим, кроме высоко развитой чуткости, тонкости души, исключительную важность имеет и то, что я назвал бы *познанием человека*. Познавая окружающий мир, человек с детства должен познавать человека — его мысли, чувства, тончайшие и сложнейшие движения души, стремления, порывы. Единство воспитания и самовоспитания начинается там, где человек, познавая человеческое, познает тем самым себя, учится смотреть на себя как бы со стороны. Одна из самых сложных вещей в нашем педагогическом мастерстве — это рассказ педагога о человеке. Каждому поколению маленьких школьников я рассказываю об отважном советском воине, который в годы Великой Отечественной войны на вражеской земле грудью своей закрыл маленькую девочку, спас ее от смерти. Рассказываю о двух наших земляках — юных партизанах-героях, которые,

попав в руки фашистов, не сказали ни слова о партизанской тайне, не выдали друзей и были жестоко замучены — враги живыми закопали их в землю. Рассказываю о Николае Гастелло, Зое Космодемьянской, Александре Матросове; о выдающихся тружениках, проработавших на земле по пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лет.

Я твердо убежден, что познание нравственности — познание умом и сердцем — должно включать в себя не только восхищение красотой, но и возмущение злом. Из бесмертных произведений мировой литературы я беру образы, в которых гений художников воплотил человеческие пороки. Рассказывая о Яго и Иудушке Головлеве, Гобсеке и Плюшкине, я пробуждаю в юных сердцах глубоко личное чувство нетерпимости, непримиримости к злу. Постоянное, ни на один день не прекращающееся познание человека способствует тому, что уже в детские годы человек чувствует нравственный смысл обстоятельств, взаимоотношений, которые складываются в повседневной жизни. Думая хорошо о человеке, ребенок стремится к доброму поступку; добрый поступок дает ему большое моральное удовлетворение, полноту радостных переживаний. Эти чувства в свою очередь обостряют чуткость, чувствительность к добру и злу, порождая нетерпимость ко всему, что унижает человека. Как важно для воспитания и самовоспитания, чтобы уже в младшем возрасте человек выразил себя, проявил свою принципиальность *в борьбе* со злом, ощутил торжество добра, понимал и переживал свою причастность к этому торжеству — сам торжествовал, радовался.

Знайте, мой друг, что побуждение к самовоспитанию требует тончайших прикосновений слова воспитателя к самым сокровенным струнам человеческого сердца — Чести, Достоинству, Благородству. Умейте понять, почувствовать тот момент, когда сердце ребенка требует этого прикосновения. Этот момент наступает тогда, когда перед маленьким человеком открываются два пути: идя по первому пути, надо молчаливо примириться со злом, равнодушно отнестись к нему; идя по второму пути, надо вступить в борьбу со злом. Второй путь часто означает для ребенка огромное духовное напряжение, затрату больших нравственных сил, хотя с точки зрения взрослых обстоятельства, сложившиеся в жизни, и не кажутся слишком сложными.

Для этого необходима прежде всего атмосфера труда, окружающая воспитанника в школе и дома. Безделье — то ли на уроках, то ли дома — превращает в пустой звук самые ценные поучения относительно того, как трудом воспитывать самого себя.

Есть общие поучения, одинаково ценные для всех возрастов. Они в нашем педагогическом коллективе выражаются в следующих истинах:

1. Помни, что без труда человек вырождается — превращается в гнусное, мерзкое существо.

2. Человека узнают по колосу пшеницы, которую он посеял и вырастил, — так говорит народная мудрость. Ты выражаешь сам себя своим трудом. Дерево, выращенное твоими руками, — это ты, твое трудолюбие и мастерство. Твоя рабочая тетрадь — это тоже ты, твой труд, твой долг перед отцом и матерью.

3. Обучаясь за школьной партой, ты берешь в долг у старших поколений материальные ценности, необходимые тебе для жизни. Мать и отец дают тебе хлеб и одежду, книги и наглядные пособия для того, чтобы ты учился и готовился трудиться в будущем. Твой долг — как можно раньше начать производительный труд, помочь семье, зарабатывать деньги для того, чтобы за них покупали тебе одежду, обувь, учебники.

4. Знай, что труд — нелегкое дело. Не случайно слова труд и трудно — от одного корня. Труд немислим без пота, усталости, напряжения физических и духовных сил. Труд не может быть таким же интересным, как игра, забава, развлечение. Труд интересен другим — тем, что, вкладывая в работу свой ум, мудрость, напряжение своих рук, человек создает нужные и красивые вещи — творит жизнь и красоту, утверждает, выражает в вещах самого себя. Человек живет семьдесят, восемьдесят лет, а дуб, посаженный и выращенный его руками, может прожить семьсот, тысячу лет. Оставляй себя в труде — и ты будешь счастливым.

5. С самого начала труда умеи представить его завершение. Не бойся однообразия, пусть не отпугивает тебя от работы то, что и сегодня, и завтра, и месяц подряд надо делать одно и то же. Труд — как восхождение на

высокую гору: ее сияющей вершины не достигнешь, если не пройдешь трудной, изнуряющей каменной тропы.

6. Труд делает человека зрелым и мужественным. С шестилетнего возраста начинай работу, рассчитанную на несколько лет. Живи так, чтобы уже в десятилетнем возрасте, оглянувшись назад, увидеть то, что ты сделал своими руками — плодоносящее дерево, плодородную почву, созданную на том месте, где никогда ничего не росло. Мудрость науки, свет знаний по-настоящему откроются перед тобой лишь тогда, когда трудятся твои руки, когда ты знаешь, что такое пот, трудовая усталость, мозоли.

7. Учение станет для тебя трудом и ты сможешь управлять сам собой, овладевая знаниями, лишь тогда, когда научишься преодолевать трудности в работе, где сливаются мастерство рук и мудрость ума. Только тот, кто умеет думать работая, постигает тайну работы мысли. Помни, что редко кто рождается с природными задатками Ньютона или Эйнштейна. Рассчитывай на самое неблагоприятное — на то, что природа обделила тебя. Выбатывай, развивай свои способности трудом, творчеством.

8. Никогда не оставляй начатого дела, доводи его до конца. Если ты привыкнешь бросать начатое и переходить от одного к другому, ты станешь лодырем и певеждой.

9. Знай, что мастерство безгранично. Можно десятки раз переделывать одну и ту же работу, каждый раз поднимаясь на новую ступеньку совершенства. Воспитывай в себе мастера, умей не удовлетворяться тем, что ты уже сделал. Есть сотни специальностей, всеми никогда не овладеешь. Овладевай чем-нибудь одним, но овладевай так, чтобы быть господином в своем деле.

Эти поучения доходят до сознания воспитанников лишь при определенных условиях. Они останутся пустым звуком, их даже не поймут воспитанники, словно вы говорите с ними на неизвестном им языке, если в школе нет атмосферы *радости труда*. В школе должна царить радость труда. Что же это такое? Радость труда — это самовыражение в труде. Это то сложное духовное состояние, когда человек с изумлением и восхищением видит творение своих рук, находит в нем самого себя, свое напряжение, часы однообразного, ничем не примечательного труда. Чтобы сделать труд сферой самовоспитания (а без *трудового* самовоспитания вообще самовоспитание немислимо), надо дать каждому воспитаннику радость труда, добиться,

чтобы труд стал для него творчеством. В труде начинаются те поиски самого себя, которые, продолжаясь несколько лет, завершаются становлением призвания.

Радость труда, трудовое творчество, поиски самого себя — все это возможно лишь в том случае, когда в труде раскрывается индивидуальность. Трудовое самовоспитание — это не просто выход на уборку картофеля, не сбор металлолома. Это углубление в самого себя, слияние умственных сил и мастерства рук, сознательная постановка цели и преодоление трудностей. Я еще раз подчеркиваю, что трудовое самовоспитание невозможно без напряженной мысли, без умственного творчества, без книги, без того выхода за пределы элементарной школьной программы, с которого начинается становление призвания. Там, где нет интересных уроков, где в одухотворенном слове учителя на уроке ученик не слышит призыва выплыть в безбрежный океан знаний и не следует этому призыву, — трудовое самовоспитание невозможно. Невозможно оно и там, где у учителя нет своих воспитанников, где учитель не оставляет себя в своих питомцах благодаря глубокой влюбленности в науку.

Если все это есть, тогда давайте каждому своему воспитаннику такое трудовое задание, которое пробудило бы в нем увлеченность, одухотворенность, потребность знать больше, чем он знает сегодня. Ваш воспитанник увлечется, например, опытами по почвоведению. Вы замечаете, как у него в глазах загорается огонек любопытства, когда вы рассказываете о сложных биохимических процессах, происходящих в почве. У вас есть биологический кабинет, есть теплица. Отведите своему питомцу уголок, заинтересуйте его опытом: мертвую глину можно превратить в живую почву. Вместе с ним вы поселяете в почву полезные микроорганизмы; по вашему совету воспитанник ваш создает условия, благоприятные для жизнедеятельности микроорганизмов. И вот началось самовоспитание: подросток уже не может оставить своего уголка. Он засиживается за ящиком с почвой, над пробирками и микроскопом, за книгами до полуночи. Никакого побуждения теперь не надо: человек загорелся. Теперь опасайтесь, чтобы питомец ваш не охладел к делу. А для этого необходимы очень тонкие, тактичные прикосновения воспитателя к огоньку увлеченности: его надо поддерживать.

Эти советы мы даем учащимся старших классов, начиная с VII. Они касаются очень важной сферы духовной жизни школьника — чтения, мышления, решения умственных задач. Эффективность этих советов зависит от множества условий и предпосылок, среди которых наибольшее значение имеет то, чтобы в школе, прежде всего в педагогическом коллективе, царила атмосфера богатых интеллектуальных интересов; чтобы уроки проходили на фоне многогранной умственной жизни, чтобы учитель знал в сто раз больше, чем он дает на уроках, чтобы у каждого школьника было свое умственное увлечение. Есть все это — значит и воспитанники будут очень чутки к поучениям, касающимся самодисциплины в умственном труде. Наиболее важными мы считаем:

1. Если хотите, чтобы у вас было достаточно времени, ежедневно читайте. Читайте каждый день хотя бы две страницы научной литературы, связанной с предметом, которым вы увлекаетесь (ваш факультатив). Все, что вы читаете, — это интеллектуальный фон вашего учения. Чем богаче этот фон, тем легче учиться. Чем больше вы читаете ежедневно, тем больше у вас будет резерв времени. Потому что во всем, что вы читаете, — тысячи точек соприкосновения с материалом, который изучается на уроках. Эти точки являются, — назовем их так, — *якорями памяти*. Они притягивают обязательные знания к океану знаний, которые окружают человека. Заставляйте себя читать ежедневно. Не откладывайте этой работы на завтра. То, что упущено сегодня, никогда не возместите завтра.

2. Умейте слушать учителя. В девятом и десятом классе конспектируйте лекции по важнейшим темам — независимо от того, есть ли материал в учебнике. Конспектирование учит мыслить и проверять самого себя — свои знания. Надо учиться думать над конспектом уже на лекции и работать над записями ежедневно хотя бы полчаса. Я советую делить конспект как бы на две рубрики (графы): в первую записывать кратко изложенные лекции, во вторую — то, над чем надо подумать. Сюда следует заносить узловые, главные вопросы. Это тот *каркас*, к которому как бы привязывается все здание знаний по предмету. Вот над такими каркасными вопросами надо думать

повседневно, связывая с этим думанием повседневное чтение научной литературы. Если вы будете придерживаться этой рекомендации по всем предметам, у вас не будет «авральных» дней. Не будет надобности перечитывать и заучивать весь конспект при подготовке к экзамену. Каркас предмета будет своеобразной программой, на основе которой припоминается весь материал.

3. Начинайте рабочий день рано утром, часов в шесть. Вставайте в 5 часов 30 минут, сделайте зарядку, выпейте стакан молока с хлебом, начинайте работу. Полтора-два часа умственного труда перед уроками — это золотое время. Выполняйте в утренние часы самый сложный, творческий умственный труд. Думайте над узловыми вопросами теории, читайте, штудлируйте трудные статьи, работайте над рефератами. Если вам предстоит умственный труд с элементами исследования, выполняйте его только в утреннее время. Вы не будете засиживаться до полупочы. Составьте свой дневной режим так, чтобы спать не меньше двух часов до двенадцати. Это самый целебный сон.

4. Умейте определить систему своего умственного труда. Речь идет о соотношении главного и второстепенного. Главное надо уметь распределить во времени так, чтобы оно не отодвигалось на задний план второстепенным. Главным надо заниматься ежедневно. Определите самые важные научные проблемы, от понимания которых зависит становление ваших способностей, задатков. Они должны быть у вас на первом месте в утреннем умственном труде. Умейте найти по главным научным проблемам книги, научные труды, над которыми работайте в течение продолжительного времени.

5. Умейте создавать себе внутренние стимулы. Многие в умственном труде не настолько интересно, чтобы выполнять с большим желанием. Часто единственным движущим стимулом является лишь *надо*. Начинайте умственный труд как раз с этого неинтересного. Умейте сосредоточиться на тонкостях теории по этим вопросам, сосредоточиться настолько, чтобы *надо* постепенно превращалось в *хочу*. Самое интересное оставляйте на конец работы.

6. Вас окружает море книг. Надо быть очень строгим в выборе книг и журналов для чтения. Пытливому и любознательному хочется прочитать все. Но это неосуществимо. Умей же ограничивать круг чтения, исключать из него

то, что может нарушить режим труда. Но в то же время надо помнить, что в любую минуту может появиться необходимость прочитать новую книгу — то, что не было предусмотрено. Для этого необходим резерв времени. Он создается умелым умственным трудом на уроках и над конспектами, предотвращением «авральных» дней.

7. Умейте самому себе сказать: нет. Вас окружает множество занятий. Есть и кружки художественной самодеятельности, и спортивные секции, и вечера танцев. Умейте проявить решительность: во многих из этих видов деятельности заключены соблазны, которые могут принести вам большой вред. Надо и развлечься, и отдохнуть, но нельзя забывать главного: вы труженик, государство тратит на вас большие деньги, и на первом месте должны стоять не танцы и отдых, а труд. Для отдыха старшекласснику я советую шахматную игру, чтение художественной литературы. Шахматная игра в абсолютной тишине, при полной сосредоточенности — замечательное средство, тонизирующее нервную систему, дисциплинирующее мысль.

8. Не тратьте времени на пустяки — пустую болтовню, праздное времяпровождение. Бывает так: соберутся несколько юношей и начинают, как говорят по-украински, «разводить теревени». Проходит час, ничего не сделано, никакая умная мысль не родилась в этом разговоре, а время потеряно безвозвратно. Умейте и разговор с товарищами сделать источником своего духовного обогащения.

9. Учитесь облегчать свой умственный труд в будущем, т. е. создавать резерв времени на будущее. Для этого надо привыкнуть к записным книжкам. У меня их сейчас около 40. Каждая предназначена для записи ярких, как бы мимолетных мыслей (они имеют «привычку» приходить в голову раз и больше не возвращаются). Сюда же я записываю самое интересное из прочитанного. Все это нужно в будущем, все это облегчает умственный труд. Создавайте свою систему записей. Берегите то, что почерпнуто из книг.

10. Для каждой работы ищите наиболее рациональные приемы умственного труда. Избегайте трафарета и шаблона. Не жалейте времени на то, чтобы глубоко осмыслить сущность фактов, явлений, закономерностей, с которыми вы имеете дело. Чем глубже вы вдумались, тем прочнее отложится в памяти. До тех пор, пока не осмыслено, не

старайтесь запомнить — это будет напрасная трата времени. Умейте не перечитывать, а лишь просматривать то, что хорошо вам известно. Опасайтесь поверхностного просматривания того, что еще не осмыслено. Всякая поверхностность обернется тем, что вы будете вынуждены к отдельным фактам, явлениям, закономерностям возвращаться много раз.

11. Умственный труд не может быть успешным, если вам будут мешать. В часы сосредоточенного умственного труда каждый должен работать совершенно самостоятельно. Лучше всего работать в читальне (в Комнате Чтения), где строго придерживаются режима.

12. Умственный труд требует чередования математического и художественного мышления. Чередуйте чтение научной литературы с чтением беллетристики.

13. Избавляйтесь от дурных привычек (например, перед началом работы сидеть минут пятнадцать; без какой бы то ни было надобности перелистывать книгу, которую не собираетесь читать; проснувшись, лежать в постели и др.).

14. *Завтра* — самый опасный враг трудолюбия. Никогда не откладывайте на завтра какую-то часть работы, которую надо выполнить сегодня. Сделайте привычным то, чтобы часть завтрашней работы была выполнена сегодня. Это будет действенным внутренним стимулом, задающим тон всему завтрашнему дню.

15. Не прекращайте умственного труда никогда. Летом не расставайтесь с книгой. Каждый день пусть обогащает вас интеллектуальными ценностями — в этом один из источников времени, необходимого для умственного труда в будущем. Помните, что чем больше вы знаете, тем легче овладевать вам новыми знаниями.

87. КАК ПОБУЖДАТЬ К САМОВОСПИТАНИЮ В ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Физическая, интеллектуальная, эмоциональная, эстетическая и трудовая культура должны рассматриваться в их единстве и взаимозависимости. Физическая культура является элементарным условием полноты духовной жизни, интеллектуального богатства. Вместе с тем физическая культура облагораживает все другие сферы человеческого.

В работе нашего педагогического коллектива красной нитью проходит идея единства воспитания и самовоспитания в сфере физической культуры. Мы бы не могли даже думать о здоровом духе в здоровом теле, если бы с малых лет нашими помощниками не были сами воспитанники.

По нашему твердому убеждению, единство воспитания и самовоспитания в физической культуре начинается с самого раннего возраста и связано с идеей народной педагогики: как только научился держать ложку в руке и нести ее от тарелки ко рту — трудись. Мы добиваемся того, чтобы ребенок работал, думая, и думал, работая. Только при этом условии человек может понять смысл физической культуры, почувствовать полноту своих сил, познать зависимость здорового духа от здорового тела, уметь направлять свои духовные силы на укрепление сил физических. Если бы с малых лет наши дети не трудились, никакие поучения о самовоспитании в физической культуре не дошли бы до их разума и сердца. Но так как дети наши являются труженникам, они очень чутко, с большим интересом воспринимают наши поучения и делают так, как мы им советуем. Вот наши советы по самовоспитанию в физической культуре:

1. Здоровье — это полнота духовной жизни, радость, ясный ум. Твое здоровье — в твоих руках.

2. Важнейший источник здоровья — окружающая нас природа: воздух, солнце, вода, летний зной и зимняя стужа, тенистые рощи и поля цветущего клевера. Живи и трудись среди природы. Поднимайся рано, до восхода солнца. Летом солнышко поднимается очень рано, но ты должен подниматься раньше солнца. Иди в поле, дыши свежим воздухом, умой руки и лицо росой — это настоящая сказочная живая вода. Воздух, насыщенный ароматом цветущих и созревающих хлебов, обладает целебными свойствами. Кто дышит этим воздухом в летнюю пору — никогда не болеет легочными заболеваниями.

3. Поставь себе за правило: ежедневно, пробудившись от сна, сразу же сделай утреннюю гимнастику. Летом спи во дворе — на сене или свежей соломе (только что обмолоченного хлеба) — фитопциды, которые выделяют сено и свежая солома, предохраняют от заболевания гриппом.

4. Заставляй себя каждое утро делать холодные обтирания. Купайся в пруду как можно дольше — до осенних

заморозков. В зимние дни растирай ноги (до колен) снегом — до ощущения тепла, разливающегося от колен до ступней. Не бойся на несколько минут выйти босым на снег — это хорошая закалка для ног и для всего организма.

5. Ни дня без физического труда. Труд выпрямляет тело и душу. В постоянном, повседневном труде — человеческое долголетие. Кто трудится с раннего детства до глубокой старости, тот до последних дней жизни остается полноценным человеком, сохраняя физические силы, ясность ума, богатство восприятий и эмоций.

6. Ежедневно проходи от трех (в младшем возрасте) до десяти километров. Сделай привычкой ходить по лесу, лугу, полю. Если тебе идти в школу два-три километра, и дорога пролегает по лугу — это твое счастье. В летнюю пору сделай привычкой проходить несколько километров среди цветущих и созревающих хлебов и трав (особенно среди полей пшеницы, ячменя, овса, клевера).

7. Пусть станут твоими заповедями простота, умеренность, воздержанность. В детстве не ешь много сладостей. Лучше всего совершенно не потреблять чистых углеводов. Не будь обжорой, не передай. Вставай из-за стола с таким ощущением, что ты еще немного не доел.

88. ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ КОЛЛЕКТИВ УСПЕШНО ВЫПОЛНЯЕТ СВОЮ ФУНКЦИЮ ВОСПИТАТЕЛЯ ЛИЧНОСТИ

Этот совет, основанный на определенных теоретических обобщениях, очень нужен для практической работы. Важно прежде всего знать исходные принципиальные установки и понимать сложную взаимозависимость воспитательных воздействий на человека. Особенно это важно, если иметь в виду создание гармонического единства коллектива и личности.

Итак, в чем источники воспитательной силы коллектива, при каких условиях коллектив успешно, эффективно выполняет роль воспитателя личности? Подводя итог сказанному в ряде предыдущих советов, приходим к выводу, что здесь самым важным является:

1. Понимание и чувствование каждой личностью той истины, что рядом живет и трудится человек (я бы назвал это условие *чувствованием человека*), что у него есть радости и горести, что к нему надо относиться по-челове-

чески, понимать и чувствовать его духовный мир и состояние в данную минуту. Где нет умения каждого человека ориентироваться — разумом и сердцем — в человеческом океане, там нет и не может быть коллектива, нет и не может быть ни уважения к каждому члену коллектива, ни самоуважения.

2. Способность каждой личности ограничивать свои желания, умение отказываться от некоторых своих желаний, соотнося и соразмеряя их с желанием других людей. Это очень важное качество души воспитывается уроками чуткости, уроками человечности (о них шла речь выше), которые заключаются в том, что человек, познавая сердцем духовный мир другого человека, приходит ему на помощь, отдает ему свои силы, оставляет себя в другом человеке. Умение ограничивать свои желания во имя блага других людей, проявляется, в частности, в том, что обычно называют уступчивостью. Если бы у людей не было этой способности, жизнь превратилась бы в ад. Она и превращается в ад там, где каждый следует своей прихоти.

3. Постоянное развитие нравственной, эмоциональной, интеллектуальной, эстетической, творческой культуры человека. Коллектив лишь тогда есть коллектив, и в силу этого — большая воспитывающая сила, когда он все время духовно растет. А это возможно лишь там, где сегодня каждый умнее, развитее, щедрее сердцем, чем вчера. Речь идет о постоянном, непрерывном духовном самообогащении коллектива, о том, чтобы он, как один из скульпторов, творящих нового человека, всегда работал над своим собственным изваянием — над самим собой, обогащаясь все новыми и новыми тончайшими черточками.

4. Высоко развитое чувство собственного достоинства, самоуважения личности. Развивая, оберегая, щадя чувство уважения каждого к самому себе, воспитывая чувствительность души к доброму слову, красоте, мы тем самым повышаем воспитательную силу коллектива. Есть целый период духовной жизни человека — возраст от 5—6 до 9—10 лет, который я назвал бы периодом воспитания готовности к жизни в коллективе. В эти годы особенно недопустимы грубость, равнодушие, бессердечность — ведь это удары по тончайшей ткани детского сердца, после которых она становится твердой и бесчувственной, как кожа буйвола. Зорко оберегайте чуткую

ткань детского сердца в эти годы, воспитатель. Знайте, что позже, в отрочестве питомец ваш будет смеяться над вашими педагогическими ухищрениями, имеющими целью «пробрать», задеть за живое, если в самые юные годы вы сделали его сердце морально толстокожим. Чем меньше наказаний пережил человек в годы раннего детства, чем более чутко откликался он на доброе слово, тем вернее будет страж его совести — сердце, и тем сильнее будет коллектив, состоящий из таких личностей.

5. Желание ребенка, воспитанника быть хорошим, стремление к тому, чтобы о нем думали хорошо. Это один из самых живительных источников воспитательной силы коллектива. Его наполняют богатство нравственных отношений, идеи, которые воодушевляют коллективную деятельность. Человеку хочется быть хорошим, когда он увидел хорошее в своем товарище, пережил чувство восхищения, изумления нравственной красотой. И только в коллективном труде, одухотворенном высокой, благородной идеей, начинается то самоуважение, от которого зависит весь духовный облик личности, ее отношение к другим людям. Мудрость и мастерство воспитания заключаются в том, чтобы открыть глаза человеку на человека, одухотворить коллектив высокой целью труда.

6. Недопустимость выставления напоказ перед коллективом всех слабостей личности ребенка, недопустимость «выворачивания души». Человек должен не бояться коллектива, а радоваться тому, что коллектив видит в нем хорошее, думает о нем хорошо. Власть коллектива над личностью должна основываться на очень тонких человеческих отношениях. Она вступает в силу лишь тогда, когда коллектив видит в человеке несравненно больше хорошего, чем плохого.

7. Многообразие интересов, увлечений, деятельности членов коллектива. Коллектива нет, если воспитанники безликие. Коллектив лишь тогда приобретает воспитательную силу, когда каждый имеет свое неповторимое лицо, каждый чем-то обогащает взаимоотношения между товарищами.

8. Общественная активность коллектива. Воспитательная сила коллектива, его власть над личностью определяются тем, насколько ярко выражает он общественные идеи. Коллектив школы должен постоянно участвовать

в общественных делах, в создании и укреплении материально-технической базы коммунизма, в возвышении человека.

9. Хозяйственные отношения внутри коллектива. Прекрасные истины о долге, ответственности, сознательном подчинении, сочетании личных и общественных интересов останутся благими пожеланиями, если человек на собственном опыте не познал ответственности за ценности, принадлежащие коллективу. Многолетний опыт убеждает, что именно с этой ответственности начинается нравственный опыт организационных зависимостей в коллективе — руководства, подчинения.

10. Недопустимость такого деления в коллективе на актив и пассив, при котором человек чувствует, что он обречен только на пассивность и бездеятельность, что его удел — лишь подчиняться другим. Активность члена коллектива определяется не только тем, что он умеет требовать и руководить. Она должна быть многообразной. *Каждый* член коллектива пусть проявляет свою активность в той сфере деятельности, в которой наиболее полно раскрываются его задатки, способности, наклонности. Общественная активность личности в современной школе немислима без всестороннего развития человека. В коллективе не должно быть ни одного пассивного, безликого, ни в чем себя не проявляющего воспитанника. Не надо и таких, чья единственная активность заключается в том, что они руководят. Право на руководство должно вытекать из активности, обусловленной задатками, способностями, мастерством, примером в той или иной сфере творческого труда, созидания. Руководить в школьном коллективе — это означает прежде всего быть образцом в труде.

11. Многообразие коллективов. Воспитательная сила коллектива раскрывается лишь тогда, когда человек активно участвует в нескольких объединениях, каждое из которых выполняет свои задачи. Переплетение интересов, увлечений, различных видов деятельности, поиски самого себя, сознательное развитие своих задатков, способностей, талантов — только при этом условии возможна гармония коллективного и личного. Без многообразия коллективов невозможна активность всех без исключения воспитанников. Если жизнь воспитанников замыкается в рамках одного первичного коллектива, он «выдыхается», неизбежно появляются пассивные.

12. Забота детей, подростков, юношей и девушек о человеке, особенно о маленьком ребенке. Коллектив становится действенной воспитывающей силой лишь тогда, когда каждая личность вкладывает силы своей души в другого человека, заботится о нем. Особенно большое воспитательное значение имеет такая забота в период, когда происходит становление взглядов, убеждений, жизненного идеала.

13. Мудрость воспитателя коллектива — педагога. Коллектив, безусловно, является творением педагога, он не может возникнуть сам по себе и жить стихийно. Без умного педагога нет коллектива. Поэтому нельзя принимать всерьез «новаторские» предложения о классах без классного руководителя, о полной самостоятельности коллектива. Это так же невозможно, как невозможно лечение больных предоставить самим больным. Мудрость педагога-воспитателя заключается в том, чтобы воспитанники не чувствовали его мелочной опеки и формального надзора, чтобы замысел педагога дети выдвигали и осуществляли как свой собственный замысел. В настоящем мастере-воспитателе дети никогда не чувствуют повелителя. Но чем старше дети, тем выше их требовательность к воспитателю. Подростки уже прекрасно понимают, что педагог должен быть образцом, идеалом, совестью их коллектива. Поэтому от воспитателя подростков, юношей и девушек требуется особенно глубокое знание жизни и человека. Воспитатель коллектива является той силой, благодаря которой никогда не прекращается духовное — нравственное, интеллектуальное, эмоциональное, эстетическое — развитие коллектива. Для того, чтобы это развитие было реальностью, необходимо повседневное прикосновение педагога к разуму и сердцу воспитанников, необходимо постоянно открывать перед ними все новые и новые стороны жизни и духовного мира человека.

89. ЧТО МОЖНО И ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ОБСУЖДАТЬ В ШКОЛЬНОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Многолетний опыт воспитательной работы убедил меня в том, что далеко не все, что связано с поведением и поступками школьников, следует выносить на обсуждение школьного коллектива. Недопустимо делать предметом обсуждения в коллективе:

а) предосудительное поведение ребенка (подростка, юноши), причиной которого являются явные или скрытые ненормальности в семье, в частности, антиобщественные поступки родителей, споры, скандалы, несогласие между отцом и матерью. Особенно недопустимо в таких случаях обсуждение предосудительного поведения юношей и девушек. Они прекрасно понимают взаимосвязь между своим поведением и жизнью семьи, и обнажение мрачных сторон этой жизни их угнетает;

б) предосудительное поведение или отдельные отрицательные поступки, если причина их — душевный надлом у ребенка в связи с тем, что у него неродной отец или неродная мать. Каким бы злостным нарушителем дисциплины ни казался ребенок, но если у него нет отца или матери, разбирать его поведение в коллективе не следует;

в) поведение или отдельные поступки, которые объективно являются протестом ребенка против грубости, произвола родителей или кого-либо из взрослых, в том числе и педагогов. Это важно не столько из соображений защиты авторитета взрослых, сколько из интересов самого ребенка. Если ребенок выразил свой протест в форме предосудительного поступка, то разбирательство этого поступка он переживает как несправедливость;

г) предосудительные поступки детей (подростков), которые являются результатом допущенной педагогом ошибки. Абсолютно недопустимо, чтобы при рассмотрении неправильного поступка ученика учитель говорил: «Речь идет о тебе, а не об учителе, к учителю тебе дела нет». В равной мере недопустимо и то, чтобы обсуждая ошибку ученика, обсуждали ошибку педагога;

д) предосудительные поступки, вызванные тем, что учитель допустил необъективность в оценивании знаний ученика. Как и во многих других случаях, здесь мы имеем дело с детской обидой. А это очень нежная, капризная ранка: чем больше о ней беспокоишься, чем ближе прикасаешься к месту ранения, тем больнее. Ранку-обиду лучше всего оставить в покое. Вообще о некоторых вещах в коллективе не стоит говорить не потому, что дети не в состоянии определить, что хорошо и что плохо (иногда они могут разобраться в этом не хуже взрослых), а потому, что не надо лишней раз бередить раны. Во многих случаях значительно полезнее позаботиться о том, чтобы не было новых ранок-обид;

е) отставание ученика в учении в том случае, когда он имеет аномалии в умственном развитии или когда он проявляет старательность, но тот или другой учебный материал является для него просто непосильным. Учитель всегда должен отличать лень и нерадивость от непонимания и неумения. Если учитель не в состоянии это сделать, — он не воспитатель. Лишь вред, горечь и обиды приносит то, когда перед коллективом выдается за лень и нерадивость нечто совершенно другое;

ж) плохой, неправильный поступок, объяснение которого требует рассказа о глубоко личных, дружеских отношениях ученика со своим ровесником или со старшим или младшим другом. Наталкивание на откровенность в таких случаях осознается и переживается учеником как побуждение к измене, выдаче друга... Во взаимоотношениях между школьниками дело обстоит не так просто, как кажется с первого взгляда. У детей свои понятия, свои убеждения о чести и бесчестии, и эти понятия и убеждения надо уважать.

з) предосудительный поступок, мотивы которого связаны с особыми отношениями в семье, которые детям рано знать и которые нельзя им разъяснять. Такие поступки надо уметь тактично и незаметно сгладить, нейтрализовать.

Есть еще множество других предосудительных поступков, которые нельзя обнародовать, публично обсуждать, предавать гласности. Их трудно обобщить, трудно пайти для них какую-то общую трафаретную мерку, какой-то всеохватывающий стандартный критерий.

В тот день, когда писались эти строчки, в VI классе произошел такой случай.

Ученик Юрко ни с того ни с сего, как могло показаться, назвал Владимира, своего товарища по парте, бессовестным. Подростки у нас прекрасно понимают смысл этого слова. И если бы у Юрка не было никаких оснований для упрека, Владимир почувствовал бы себя обиженным. Но он, наоборот, переживал угрызения совести, чувствовал себя виноватым. Что же произошло? Юрко — близорукий мальчик. Очки у него были очень плохие: предмет кажется через них не на том месте, где он находится в самом деле. На уроке рисования Владимир подшутил над Юрком: поставил перед ним краски, и как только мальчик углублялся в работу, склонив голову над партой, — пере-

двигал коробку с красками па несколько сантиметров, и Юрко рисовал не той краской, что надо. Заметив эту недобрую шутку, Юрко рассердился, а по дороге домой расплакался. Слово *бессовестный* слышал весь класс, но о проделке Владимира не знал никто, она стала известна мне лишь через два дня, и не от Юрка я узнал о ней, а от Владимира, признавшего свою вину. Юрко же через три дня пришел ко мне и стал просить: не говорите никому о поступке Владимира...

Многие годы убедили меня в том, что в нашем трудном, иногда мучительно трудном деле надо выполнять очень важное правило: если воспитанники сами сумеют понять свои сложные отношения и разобраться в них, устранять коллективное разбирательство не следует.

У читателя может возникнуть вопрос: а что же следует, что допустимо разбирать в коллективе? Ничего.

Уточняю: если речь идет о проступках, то их вообще не следует разбирать, обсуждать, во-первых потому, что истинное коммунистическое воспитание заключается в том, чтобы ненормальных, предосудительных поступков вообще не было или было как можно меньше; во-вторых, коллектив как воспитательная сила существует и влияет на личность не разбирательством всевозможных проступков; в-третьих, чем меньше занимается коллектив разбирательством всевозможных конфликтов, тем большей воспитательной силой он обладает.

Есть еще одно исключительно важное правило коммунистического воспитания: надо уметь сгладить, нейтрализовать конфликт в самом его зародыше, не раздувать искру, не делать из нее костра, а погасить ее тогда, когда она еще только зарождается.

Могут сказать: «Вы за «бесконфликтное воспитание»? Да, я за воспитание детей (именно *детей*) без тех встрясок и взрывов, без тех сильных мер воздействия, которые ни к чему хорошему не приводят. Нельзя из «взрослой» социологии переносить понятия и закономерности в детский мир. Потрясения, конфликты, вспышки в воспитании детей не являются объективной необходимостью. И лучше обойтись без потрясений.

Не богатство духовной жизни зависит от самостоятельности, а наоборот, самостоятельность коллектива является результатом полнокровной, богатой духовной жизни. Чем выше развито в коллективе чувство человека, чем больше духовных ценностей приносит каждый своим товарищам, чем ярче раскрывает человек перед человеком свою внутреннюю красоту, чем полнее эта красота познается в совместном труде для блага людей, — тем больше подготовлен коллектив к тому, чтобы по-настоящему заботиться о судьбе каждого своего члена, влиять на человеческие взаимоотношения, добиваясь, чтобы они были гуманными и выражали высокую коммунистическую принципиальность, требовательность, нетерпимость к разнузданности и произволу — «что хочу, то и делаю».

Стремитесь, мой юный друг, к тому, чтобы основой самостоятельности коллектива были такие нормы взаимоотношений, в которых каждое требование коллектива к личности являлось бы в то же время заботой коллектива о личности, защитой личности. Я кратко остановлюсь на нормах коллективистских взаимоотношений в школе, в которых выражается гармония требовательности к человеку и заботы о нем.

1. В классном коллективе (начиная с IV класса) на четверть избирается ученик, ведущий учет выполнения домашних заданий и посещаемости школы. Каждый школьник, придя на занятия, сообщает этому *помощнику учителя*, выполнил или не выполнил он задание; если не выполнил — почему, что именно не смог сделать. Помощник учителя обобщает материал проверки домашнего задания и сообщает преподавателю (например, три ученика не поняли условия задачи, один не смог выполнить арифметические действия). По его предмету у учителя в каждом классе есть *консультант* (их может быть и несколько). Это наиболее развитый школьник, как правило, идущий впереди программы, знающий несравненно больше, чем требуется для отличной успеваемости. Выслушав сообщение своего помощника о результатах выполнения домашнего задания, учитель сразу же поручает консультанту: с такими-то учениками позанимайтесь, пожалуйста, разъяснить надо то-то и то-то, выполнить надо такую-то прак-

тическую работу. В необходимых случаях учитель проводит занятия сам. Дополнительные занятия и консультации проводятся только до занятий, никакие дополнительные занятия после уроков никогда не проводятся. Все сразу же после уроков идут домой. Никто никого не оставляет на дополнительные занятия. Хочешь — приходи на занятия перед уроками. Но именно благодаря духу взаимного доверия, пронизывающего всю работу школы, благодаря тому, что учение построено на уважении к человеку, каждый требователен прежде всего к себе. Никогда не бывает случая, чтобы ученик, которому необходима помощь, не пришел рано утром на дополнительное занятие или консультацию.

2. Избранный коллективом школьник ведет учет общественно полезного труда. Классы у нас по очереди работают на школьном учебно-опытном участке или в колхозе — каждый день работает один или два класса (в зависимости от потребности, но обязательно круглый год).

Ученик — организатор общественно-полезного труда ведет учет: отмечает, кто и как работает. Если кто-нибудь по уважительной причине не может сегодня выполнять работу, он просит организатора общественно-полезного труда прикрепить его на завтра или послезавтра к другому классу. В случае болезни работа выполняется после выздоровления. Нет и не может быть никакой уважительной причины, которая освобождала бы кого-либо от труда.

3. В каждом классе, начиная со второго, есть ученик, который ведает хозяйством класса (библиотечка, наглядные пособия, тетради, альбомы для рисования, краски, веники и тряпки для уборки класса, тапочки для уроков физкультуры в спортивном зале, мел), а также ведет учет дежурства по классу. На каждый день назначают двух дежурных. Они надевают на руку повязку с надписью. Обязанности дежурных очень широкие. Они приходят в класс за 15 минут до начала занятий, протирают влажной тряпкой доску и парты, кладут у двери влажный коврик — ни одна пылинка не должна попасть в класс; дышать пылью — недопустимо. После окончания занятий — снова влажная протирка доски и парт.

4. В каждом классном коллективе избирается на год ученик, отвечающий за здоровье своих товарищей. Он учитывает проведение утренней зарядки (дома). В субботу ответственный за здоровье спрашивает, кто из учеников

хотя бы один день не делал зарядку. С этими учениками классный руководитель потом проводит беседы о самовоспитании. Ответственный за здоровье записывает также учеников, чувствующих недомогание и сообщает об этом учителю. Учитель направляет больных к врачу.

5. В каждом классном коллективе (начиная с III класса) избирается ученик, который заботится о ведении дневников. Оценку, поставленную учителем в журнал, записывает в свой дневник тот, кто ее получил. Расписывается в дневнике не учитель, а ответственный за ведение дневников. Этой самостоятельности коллектива мы придаем исключительно большое значение: в ней выражается дух доверия, царящий в коллективе. Надо сделать оговорку: если ученик еще не может справиться с работой, ему не ставим никакой оценки. Оценка — это лишь положительный результат труда; нет оценки — значит, еще не потрудились как следует. Это предотвращает непорядочности во взаимоотношениях между ответственным за ведение дневников и классом: ученик ученику никогда не записывает в дневник неудовлетворительной оценки; уже тот факт, что в дневнике у школьника нет оценок, скажем, по грамматике, является тревожным сигналом для родителей: у сына (или дочери) что-то неблагополучно.

6. Перед окончанием каждой четверти и учебного года коллектив класса (начиная с IV) решает, кому из учеников снизить оценку по поведению. Решение по этому очень важному для учеников вопросу принимается на собрании, где учителю (классному руководителю) принадлежит такое же право голоса, как и любому ученику. В школе существует еще и такое правило: если классный коллектив по оценке поведения не пришел к единому мнению, вопрос передается педагогическому совету, решение которого является окончательным. Но у нас никогда не было случая, чтобы необходимо было решение педагогического совета. Оценок по поведению педагогический совет не утверждает.

7. Комитет комсомола и совет пионерской дружины распоряжаются материальными ценностями — деньгами, поступившими на школьный счет от учебно-опытного участка, сада и пасеки. Ежегодно на этот счет поступает не меньше 2 тысяч рублей. Комсомольцы и пионеры решают, на что израсходовать деньги. Из этих средств оказывается материальная помощь нуждающимся. В случае какой-

нибудь беды в семье ученик обращается к своим товарищам, и они помогают ему. За счет этих средств проводятся экскурсии, приобретаются музыкальные инструменты, подарки гостям из братских республик.

Такова элементарная школа внутриколлективной, организационной, материально-бытовой самодеятельности. Она является необходимым условием общественно-политических и интеллектуальных отношений, построенных на самодеятельности коллектива. Мы стремимся к тому, чтобы самодеятельность была ярко выражена в духовной, особенно в общественно-политической жизни. От этого зависит социальная и моральная зрелость подростков, юношей и девушек. Все, что рассказывалось выше о предметных кружках, о вечерах научно-естественных знаний для населения, о разновозрастных коллективах, — все это живая, творческая самодеятельность.

91. В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ИДЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ НА УРОКАХ

В практике учебно-воспитательной работы широко распространен такой взгляд: овладевая знаниями, человек тем самым, именно благодаря этому воспитывается нравственно, овладение знаниями само по себе является процессом нравственного развития. Просветительский взгляд на нравственность настолько глубоко укоренился в сознании многих учителей, что отказаться от окостеневших убеждений — дело для них очень трудное. Воспитание на уроках рассматривается как нечто само собой происходящее уже в силу того, что ученик приобретает знания. «Воспитание через образование», «мораль через знания», — эти утверждения, в основе которых лежит тот же ошибочный просветительский взгляд на нравственность, по существу порождают благодушие и самоуспокоенность.

Жизнь убеждает, что обладание знаниями, понимание естественно-научных и социологических закономерностей, хорошие ответы и столь же хорошие оценки, — все это само по себе еще не воспитание нравственности. Воспитание начинается там, где знания переходят, перерастают в убеждения. Об убеждениях речь может идти только там, где знание истин затрагивает душу, волнует сердце, побуждает к той деятельности, которая представляет собой практическое доказательство, практическое, выраженное

в делах, отстаивание истин, ставших для человека чем-то святым, дорогим. Знаниями обладают, убеждениями — дорожат. Отсутствие тех или иных конкретных знаний не говорит о моральной невоспитанности человека. Отсутствие же убеждений, даже при наличии знаний, — показатель нравственной безликости человека.

Я советую молодому педагогу: если хотите быть настоящим воспитателем, умеете прежде всего видеть разницу между знаниями и убеждениями. Умейте создать основу для убеждений, умеете пробудить к жизни тот нерв, в биении которого рождается горячая кровь нравственности — убежденность.

Помните, что *знание фактов* о природе и обществе является основой для формирования научных, общественных, политических, нравственных *идей*. Между знанием фактов и убеждениями пролегает мостик — идея. Знания становятся убеждениями через идеи. Идея — это уже не просто знание. В идее уже есть «кусочек души» — личное отношение человека к тому, что он знает. Можно обстоятельно, до мельчайших деталей, знать трагическую и героическую жизнь и борьбу Юлиуса Фучика, но знание фактов — еще не идея. Идея рождается тогда, когда читатель мысленно становится горячим сторонником героя. С идеей вы, воспитатель, имеете в данном случае дело, если питомец ваш готов плечом своим стать к плечу героя, готов отдать жизнь свою за то, за что отдал жизнь герой-коммунист. Идея характерна тем, что выводы, обобщения на основании осмысливания конкретных фактов, приобретают яркую эмоциональную окраску благодаря личному отношению человека к событиям, явлениям, фактам.

Там, где происходит переход от знания фактов к идее, рождается убеждение. Задача педагога — придать этому переходу яркую выразительность, добиться того, чтобы человек был не равнодушным «потребителем знаний», а личностью, кровно заинтересованной в торжестве истины и правды.

Всякие ли научные знания являются материалом для идейного воспитания? Нет, не всякие. Есть знания в идейном смысле нейтральные (это, конечно, не говорит о том, что на уроках, где изучаются эти знания, нет воспитания). При изучении формул сокращенного умножения научная истина находится в одинаковом отношении к нравственности и в школе капиталистического, и в школу

социалистического общества. Но даже по предметам естественно-научного цикла значительная часть знаний включает в себе горячий накал борьбы идей, столкновения мыслей. Многие научные истины добыты дорогой ценой — ценой жизни выдающихся мыслителей. Советую вам, мой друг, с особенной внимательностью подходить к изучению этих истин. Рассказывая о Солнечной системе, одухотворите свои слова чувством глубокого уважения к мыслителям, чьи идеи были восстанием против косности, невежества, духовного порабощения народа. Создайте яркое представление об образах мыслителей-борцов, зароните в юные умы мысль о том, что истина всегда революционна.

Пусть ваше изложение материала на уроках физики, химии, биологии, математики будет не бесстрастным толкованием истины, а пытливым, одухотворенным высокими мотивами борьбы за истину, путешествием юных исследователей по тернистым тропам науки. Сделайте свое преподавание предметов естественно-научного цикла (физика, химия, биология, математика, астрономия) таким, чтобы осознание, осмысливание, усвоение научных знаний было для юного ума и сердца внутренней борьбой — борьбой разума, души против схоластики, невежества, против той религиозной отравы, которая обрекает человека на бессловесную веру в догмы, запрещает ему думать, дерзать. Пусть через все ваши уроки красной нитью проходит мысль о неукротимости и неискоренимости человеческого духа пыливости, страстного порыва к истине, к познанию.

С особенным вниманием вдумчивый педагог-воспитатель подходит к изучению тех разделов программ по научно-естественному циклу, в которых есть перспектива новых открытий, перспектива неизведанного, еще не полностью объясненного наукой. Взаимозависимость пространства и времени, сущность материи и энергии, природа света, частицы и античастицы, гравитация, — все эти понятия вдумчивый воспитатель умеет одухотворить идеей торжества разума. Нельзя допустить, чтобы с урока, на котором перед воспитанником открывается грандиозная картина Вселенной, бесконечность мира во времени и пространстве, он ушел, чувствуя себя ничтожной пылинкой.

На уроках по предметам гуманитарного цикла нет и не может быть материала в идейном смысле нейтрального. Если вы, мой друг, преподаете историю, то воспитательная

задача ваша заключается прежде всего в том, чтобы на уроке перед вами был не некий абстрактный ученик (такого в природе нет). Вы должны видеть перед собой конкретных, живых, неповторимых людей — Колю и Ницу, Валю и Сергея... Людей с их глубоко индивидуальными мыслями и чувствами, стремлениями и порывами. Это исключительно важно, потому что трепетное биение живой крови идеи начинается лишь там, где есть живая человеческая индивидуальность. Идея живет только в конкретном духовном мире человека, в его мыслях, поступках, борьбе. О чем бы вы ни рассказывали своим питомцам — о восстании рабов под предводительством Спартака или о дворцовом заговоре против русского императора Павла, о тайной кухне подготовки второй мировой войны или о героической Сталинградской битве, — всегда обращайтесь непосредственно к духовному миру конкретного подростка, юноши, девушки. Не забывайте ни на минуту, что перед вами Коля и Нина, Валя и Сергей. Идея живет только в их сердцах и умах — помните об этом, мой друг. Вот почему вам, преподавателю гуманитарного цикла, надо заботиться о том, чтобы Коля и Нина, Валя и Сергей не были равнодушными потребителями знаний, а чувствовали себя как бы живыми участниками событий. История человеческого общества — это всегда история борьбы. В эксплуататорском обществе — борьба прогрессивного с реакционным, в бесклассовом социалистическом обществе — борьба человека за овладение силами природы, за построение коммунизма. Тайны педагогического мастерства преподавания истории в том, чтобы человеку, овладевающему знаниями, вдохнуть душу борца.

Как добиться, чтобы, слушая ваше изложение, подросток, юноша становился борцом? Это зависит от двух условий. А условия эти зависят от вас, педагога-воспитателя, от педагогического коллектива, от всей духовной жизни школы, от того, насколько активно участвует школа в общественной жизни.

Первое условие — дух современности, царящий в школе, в жизни коллектива, в учении, в общественно полезном труде. Определить свою позицию, овладевая знаниями, быть всегда на стороне прогрессивного, передового можно только тогда, когда человек понимает и чувствует смысл нашего времени. Идейность воспитания на уроках возможна только тогда, когда юный ум и юное сердце понимают и чувствуют, что наше время героическое, что на наших

глазах осуществляются величайшие свершения. Только через призму современности можно правильно увидеть и понять смысл любого исторического события. Донести до ума и сердца подростков и юношества дух современности — это одна из самых нелегких задач школы.

Второе условие — гармоническое единство идей и личности учителя. Одухотворение фактов идейным смыслом, переход знания фактов в убеждения, — все это немислимо без личности учителя. Идея живет на страницах книг; есть книги, страницы которых горячи, как раскаленное железо, и яркие, как солнце. Дух коммунистической идейности, царящий в школе, зависит от того, как часто и с какими мыслями и намерениями прикасаетесь вы, мой друг, к этим горячим страницам, к каким поступкам, к какой деятельности вас побуждают эти прикосновения. Чтобы донести до ума и сердца своего питомца идею, учителю мало владеть глубокими знаниями. Надо думать о знаниях. Думать о том, что вы черпаете из сокровищницы человеческих богатств и вкладываете в головы ваших питомцев. Я убежден, что не каждый учитель, глубоко знающий свой предмет, обладает бесценным даром думать о знаниях. Думать о знаниях — это значит знать, предвидеть, рассчитывать, к каким уголкам человеческого сердца прикоснется каждая истина, какие ответные мысли, вопросы, сомнения, пробудит. Думать о знаниях — значит представлять себя на месте подростка, юноши, уметь разделить их точку зрения. У тех учителей-воспитателей, которые умеют думать о знаниях, ученики овладевают редким, бесценным качеством: воспринимая учебный материал, они как бы абстрагируются от него, переходя от мысли о материале к мысли о самом себе, о своей судьбе.

Идейность преподавания — один из важнейших стимулов, пробуждающих жажду знания. Чем ярче определяет свою идейную позицию ученик, чем глубже он убежден в неискоренимости человеческого стремления к истине, тем больше ему хочется знать. В тех школах, где на уроках бьется трепетное сердце идеи, книга становится для подростков, юношей и девушек неразлучным спутником. Чтение же, самостоятельные раздумья над книгой — все это в свою очередь является полноводным родником идейности. Сама природа идеи и убеждения такова, что человек верит в то и дорожит тем, что он добыл собственным трудом и раздумьями, размышлениями. Если вы хотите, чтобы

знания ваших питомцев переходили в страстную коммунистическую убежденность, — как огня, опасайтесь зубрежки, заучивания, «проглачивания» готовых истин без их осмысливания. Вдумайтесь в прекрасные слова С. Г. Лазо: «Убеждения нужно выстрадать, нужно проверить их жизнеспособность, нужно обтереть их о чужие убеждения... Человек должен скорее пойти на гибель, нежели отказаться от своих убеждений.»¹⁷ Осмысливание знаний как раз и должно быть «обтиранием» их о чужие убеждения. Знания о природе и обществе надо подавать не как сумму безапелляционных истин, а как результат борьбы, столкновения мнений. Пусть эта борьба, эти столкновения продолжаются и после урока — в процессе чтения книг. Найдите для своих питомцев книги, в которых истина преподносится не как готовый, извечно горящий огонек, а как трепетный факел, зажженный огнем сердец, боровшихся за истину и победивших в этой борьбе.

92. КАК ДОНЕСТИ ДО УМА И СЕРДЦА ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕСТВА ДУХ СОВРЕМЕННОСТИ

Важнейшая идея современности: судьбы мира решает строительство коммунизма в нашей стране. В мире происходит острая, непримиримая идеологическая, политическая борьба. Сотни тысяч хорошо оплачиваемых капиталистами буржуазных идеологов клеветуют на нашу страну, волны сотен радиостанций ежеминутно извергают миллионы слов лжи, — и все это преследует цель духовно растлить наше молодое поколение, убедить его, что нет и не может быть никаких идей, за которые стоило бы бороться. Проповедники и защитники буржуазного, «свободного» способа жизни втайне надеются убедить нашу молодежь в иллюзорности идейной жизни, в том, что высшей целью человека и в капиталистическом и в социалистическом обществе является материальное благополучие, а не какие-то «эфемерные идеи». Отлучение советской молодежи от коммунистических идей — такова главная цель буржуазной пропаганды.

Этим далеко идущим в своих целях попыткам мы должны противопоставить высокую коммунистическую идейность. Наши юноши и девушки должны понимать и чувствовать, что в нашей стране, вокруг них, руками их родителей, братьев и сестер и их собственными руками совершается

величайшая в мире справедливость — строится новое, самое справедливое, самое демократическое в мире общество — коммунизм. Чувствование справедливости, величия, красоты коммунизма — это и есть идейный стержень современности, вокруг которого должны вращаться мысли, надежды, устремления молодежи. Пробудить это чувствование немисливо без активного участия в коммунистическом труде, о чем уже речь шла выше. Но это лишь одна сторона воспитательной работы. Донести до юного ума и сердца дух современности, утвердить в душах юношей и девушек коммунистические убеждения можно лишь при таком слиянии труда и мысли, когда человек переживает борьбу идей, сознательно разбирается в этой борьбе, определяет свою позицию.

Мы стремимся к тому, чтобы политическая информация, которая проводится в старших (IX—X) классах, была ярким, волнующим рассказом о борьбе идей. Раз в неделю собираются все старшеклассники. Директор школы рассказывает кратко о событиях внутри нашей страны и за рубежом. Значительное место в политинформации отводится тому, что говорят о нас буржуазные идеологи и как эта ложь разоблачается самой нашей социалистической действительностью. Отдельные утверждения буржуазных идеологов вызывают смех юношей и девушек — настолько они неуклюжи. С каждой новой беседой юноши и девушки все больше убеждаются, что правда на стороне коммунистических идей.

Наша современность — это величие, красота человеческого духа. Идеи живут у нас в человеческих делах, судьбах, поступках. Собирая раз в неделю для беседы своих старшеклассников, я рассказываю им о тех простых, ничем не примечательных с первого взгляда событиях, которые, если глубоко проникнуть в их смысл, потрясают сердца, пробуждают чувство гордости за то, что мы — сограждане и современники тех, чья жизнь — обычная в нашем обществе жизнь — является в самом деле путеводной звездой для молодежи.

Один из моих рассказов — о русской женщине Епистинии Федоровне Степановой. Девять сыновей вырастила она и все девять погибли в боях за свободу и независимость нашей великой Родины. Ни один подросток не может спокойно слушать слова матери: «Приходили ко всем матерям солдаты, и у каждого я спрашивала, где мои сыновья...

И ночью жду их, и днем жду». Повторяя эти материнские слова, показывая фото, на котором изображена женщина, воплощающая в себе красоту, величие, мудрость всего рода человеческого, я стремлюсь донести до юных умов и сердец потрясающее трагическое звучание этого факта, чтобы слово о матери зазвучало как реквием тем, кто не пришел с войны, чтобы каждый мой питомец поставил перед собой вопрос: кто же ответит за святые слезы матери? Чтобы на заре жизни каждого взволновали благородные гражданские чувства, чтобы каждый еще глубже возненавидел врагов своего Отечества.

Рассказывая о двух мужественных трактористах, ценой жизни своей спасших от огня тысячи гектаров совхозной пшеницы, я ставлю перед собой воспитательную цель: чтобы при свете огня, на котором сгорели герои, каждый подросток, каждый юноша увидел самые сокровенные уголки своего сердца. «Вы знаете, юные мои друзья, что в нашем обществе нет ничего дороже человека. Но если человек по велению своего сердца отдает во имя чего-то жизнь, значит есть нечто не сравнимое и не сопоставимое с жизнью каждого из нас, есть святое и священное — Родина».

Каждый день, каждая неделя открывают новую, вот такую же, как эти две, яркую страницу живой истории нашей героической современности. Умейте, мой друг, открыть перед юношеством эту книгу. Откройте ее так, чтобы ни одна страница этой огненной книги не осталась непрочитанной.

93. УМЕЙТЕ СДЕЛАТЬ ДОБРОДЕТЕЛЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОЙ

Если 17-летних тянет к яркому, значит и нужно самые высокие принципы нашей этики и нравственности сделать яркими. Кое-кто из педагогов считает: наши нравственные принципы сами по себе столь прекрасны, что не нуждаются в какой-то особой форме подачи, не требуют «украшательства». Это далеко не так. Чем благороднее принцип, тем ярче, выразительнее должна быть деятельность, раскрывающая этот принцип. Будь честным, правдивым, нетерпимым и непримиримым к лицемерию — если бы мы только без конца повторяли эти слова, они превратились бы для воспитанников в надоедливые нотации — к ним относились бы как к очень полезному, но противному рыбьему жиру. Честность, правдивость, нетерпимость к обману должна

стать волнующей, привлекательной, соблазнительной деятельностью (заметим в скобках, что слияние, единство деятельности и добродетели — одна из главных проблем практической педагогики). Нам удалось достигнуть того, что юноши и девушки не списывают, не подглядывают в учебник во время выполнения самостоятельной работы: стыдно самим перед собой. Если бы мы без конца повторяли: трудиться своими силами — хорошо; списывать, пользоваться чужим трудом — плохо, — наши хорошие поучения превратились бы в противные нотации. Мы побуждаем воспитанников к деятельности, раскрывающей красоту, привлекательность добродетели. С малых лет, ежегодно в дни летних каникул наши школьники несколько дней живут в Школе под голубым небом. Так называем мы соломенные или сделанные из веток шалаши, в которых в жаркую летнюю пору располагаются дети. Здесь не только полное самообслуживание, но и самообеспечение всеми необходимыми продуктами питания. Перед тем, как перейти в Школу под голубым небом, дети приносят в свой тайник (во всем пужна романтика) продукты, складывают их в бумажные мешки и в металлические банки. Здесь нет никакого учета, каждый приносит продукты тогда, когда в тайнике нет ничего. И не бывало случая, чтобы кто-нибудь пошел на обман — это немисливо представить. Дети здесь сами чувствуют, что своим трудом, своими заботами они создают радость для коллектива. И если бы у кого-нибудь зародилась мысль обмануть коллектив, все отнесли бы к этому как к попытке украсть радость.

В годы детства и отрочества дети имеют свои материальные ценности — коллективные библиотечки. Когда класс прекращает свое существование, библиотечка передается младшим товарищам. В отдельных случаях библиотечка дарится одному из младших школьников. Это событие волнует юношей и девушек, запоминается на всю жизнь.

Наши юноши и девушки стремятся принести радость тем, кто уже не может трудиться, живет в одиночестве. Каждую весну старшеклассники разбивают несколько цветников для одиноких стариков. Этот труд — окружен романтическим ореолом добродетели. В эти дни юношество переживает мысль: все мы станем стариками, обо всех нас будут заботиться младшие поколения. Как нужно, чтобы эта мысль переживалась в годы отрочества и юности! Она облагораживает юношу, делает его настоящим мужчиной.

Она готовит девушку к великой материнской миссии. Романтический, привлекательный труд, выражающий заботу о старости, — это самая нужная, самая благородная деятельность. Не упускайте, мой друг, ни одной возможности для того, чтобы прикоснуться к тому сокровенному уголку детской души, где хранятся думы и тревоги о старости. Забота о стариках — это самая трогательная любовь к человеку. Равнодушные к старости жестоко мстит обществу — вырастают люди с каменными сердцами.

94. ЧТО ТАКОЕ ВЛАСТЬ ПЕДАГОГА, В ЧЕМ ОНА ДОЛЖНА ВЫРАЖАТЬСЯ

Это одна из наиболее тонких и наименее исследованных проблем воспитания. Проблема власти человека над человеком. Власти старшего над младшим. Среди того фонда воспитательных средств, которые есть в распоряжении педагога, — его власть над детьми — наиболее нужное, наиболее общее, всеобъемлющее и в то же время наиболее острое и небезопасное средство. Это резец, которым можно произвести тончайшую, незаметную операцию, но можно и разбередить рану. Резец небезопасный и в то же время нужный. Инструмент, которым испытывается воля и выдержка учителя, утверждается мужество и мудрость, но который в то же время может развратить, изуродовать человеческую душу воспитанника — все зависит от того, как пользоваться этим инструментом, с какими душевными побуждениями подходить к человеку. С каждым годом я все больше убеждался, что власть над детьми — это одно из наиболее трудных испытаний для педагога, это критерий, показатель его педагогической культуры.

Переступая порог школы, решая посвятить свою жизнь благородной миссии творения Человека, помните, мой друг, что перед вами может возникнуть опасность очутиться в плену капризных, переходящих коллизий настроения. Быть рекой, в которой сливаются горячее сердце и холодный рассудок, не допускать поспешных, непродуманных решений — это один из вечных родников педагогического мастерства. Высыхает он — все книжные знания педагогики превращаются в прах.

Когда один человек безгранично доверяет другому, он в какой-то мере становится незащищенным. Я всю свою педагогическую жизнь думаю над этой истиной. Доверие ребенка к хорошему педагогу как раз и бывает безграничным.

Когда ребенок переступает порог школы и становится вашим питомцем, он безгранично верит вам, каждое ваше слово для него — святая истина, вы для ребенка — высший образец мудрости, разума, моральности. *Дорожите доверием, а значит — беззащитностью ребенка* — пусть эта педагогическая мудрость станет для вас критерием самовоспитания. Педагогическое бескультурье, невежество начинаются там, где учитель, в силу своей ограниченности, стремится превратить детскую беззащитность в клетку, куда он загоняет маленького птенца и делает с ним, что ему хочется. Непонимание детской беззащитности — одна из главных причин незавидного положения учителя, который в конце концов теряет власть над детьми — ведь человека не удержишь, как птенца, в клетке.

Вы лишь тогда имеете право быть наставником, воспитателем, когда, понимая и сердцем чувствуя безграничное детское доверие и неизбежную в связи с этим детскую беззащитность, власть свою над ребенком строите на этом доверии и этой беззащитности. Здесь надо вдуматься, сердцем вслушаться и понять, что же это такое — безграничное доверие. Может быть, ребенок сознательно отказывается от всего личного, слепо доверяя вам, педагогу; возможно, все делает для того, чтобы отказаться от личной свободы, утех, удовольствий?

Нет, дело обстоит совсем не так. Детское доверие, каким бы безграничным оно ни было, — это доверие существа, стремящегося к духовному богатству, многогранности личной жизни — к богатству впечатлений, мыслей, эстетических наслаждений, к богатству общения с людьми. Ребенку хочется, чтобы кто-то старший, мудрый, обладающий жизненным опытом, взял на себя заботу о его благе. Берегите, как бесценное богатство, это желание. Пока оно есть, путь к детскому сердцу перед вами открыт. Источник детского желания быть хорошим, если хотите, и заключается в этом — беречь детское стремление к тому, чтобы вы стали его другом и наставником.

Безгранично доверяя педагогу, ребенок сердцем чувствует, что его старший друг найдет выход из любого положения, каким бы нелегким оно ни было.

Как надо дорожить безграничным детским доверием, каким мудрым, любящим защитником ребенка надо быть воспитателю, чтобы между ним и детьми всегда сохранялась гармония человеческих, сердечных, доброжелательных

отношений. Какой мудрой должна быть власть педагога над человеком — не забывайте ни на мгновение, что ребенок — такой же человек, как и вы. Бережь детское доверие, потому что оно и есть любовь ребенка к педагогу — вот в чем средоточие мудрой власти педагога над ребенком. На нем, на этом доверии, держится стремление ребенка находить и найти защиту у воспитателя. Дорожите, как бесценным сокровищем, этим детским стремлением. До того времени, пока ребенок смотрит с надеждой на вас и верит в вас — вы настоящий воспитатель, наставник, вы учитель жизни, вы авторитет, живое воплощение жизненной мудрости, вы друг, товарищ. Помните, что это вещи очень хрупкие, их легко разрушить. Если вы разрушили их, вам как воспитателю пришел конец. Вы будете надзирателем, но не воспитателем.

95. КАК БЕРЕЖЬ ДЕТСКОЕ ДОВЕРИЕ

Самое главное в этой очень тонкой сфере воспитания — глубокое понимание, точнее, *чувствование* сердцем детского мира, *чувствование детства*.

Детство, детский мир — это мир особенный. Дети живут своими представлениями о добре и зле, о хорошем и плохом, у них свои критерии красоты, у них даже свое измерение времени: в детстве день кажется годом, а год — вечностью. Чтобы иметь доступ в этот сказочный дворец, имя которому — Детство, вы должны перевоплотиться, стать в какой-то мере ребенком — только при этом условии вам доступна будет мудрая власть над человеком — ребенком.

Не подумайте, мой друг, что я идеализирую мир детства. Я прекрасно отдаю себе отчет, что детство создается из того, что мы, взрослые, оставляем в своих детях. Но как раз потому, что ребенок — пежрый росток, который станет могучим деревом, детство и требует к себе особенного уважения. Мудрость власти педагога — это прежде всего его безграничная способность все *понимать*. Здесь не может быть никаких ограничений. Помните, что у ребенка не бывает умышленного стремления творить зло. Педагогическое невежество с того и начинается, что воспитатель приписывает ребенку это стремление, считая, что он умышленно совершает предосудительные поступки. Стремясь «подрубить корень зла», воспитатель рубит *все* корни, и живые ростки детства засыхают. Обвинение в умышленном зле,

в лени, нерадивости, которых на самом деле нет, ребенок переживает как большую несправедливость, это отталкивает его от учителя, он теряет доверие к нему. Ломая детскую доверчивость к вам, вы толкаете ребенка на то, что он начинает защищаться строптивостью, умышленным непослушанием, стремлением делать все наперекор вашим требованиям. Помните, что все это появляется там, где детское доверие к вам дало трещину.

С исключительной педагогической мудростью относитесь к самым разнообразным неосмотрительным детским поступкам, в которых — не умышленное зло, а чаще всего забывчивость, незнание или, бывает, ошибка. Не прибегайте в таких случаях к публичному осуждению детского поступка. Знайте об этом поступке только вы. У вас — большая, мудрая власть все понимать и все знать. Вы должны понимать, почему первоклассник, взяв у товарища цветные карандаши в яркой коробке, повертел их, и рука с карандашами потянулась к карману. Не поднимайте тревоги — это не кража. Вы должны понимать, почему малыши по звонку не бегут в класс, а хотят «еще немножко, еще одну минуточку» поиграть на зеленой лужайке; почему Федя не слушает условие задачи, а смотрит, затаив дыхание, на пчелу, залетевшую в класс; почему Оксанка не читает того, что все читают, а рисует на промокашке цветок; почему во время экскурсии в лес три неугомонных школьника — Миколка, Пилипко и Петрик — умышленно отстали от класса, спрятались в кустах...

Почему, почему, почему... — сотни «почему» и сотни конфликтов. Конфликт между учителем и ребенком — одно из крайних проявлений педагогической неграмотности. Это явление имеет место там, где воспитателю не хватает великодушной отцовской, материнской мудрости, большой педагогической власти, понимания того, что он имеет дело с *детскими* поступками, с детским миром мыслей и взглядов; ребенка вообще нельзя сравнивать со взрослым, нет такой единой меры, которой можно было бы измерить взрослого и ребенка.

Помню маленького Дмитрика. Это было в III классе... Представьте себе, идет урок грамматики. Вы объясняете у доски правило, все слушают, записывают примеры. Пишет как будто бы и Дмитрик, по сердцу ваше тревожится за этого мальчика. В глазах у него — как живые бусинки, чем-то он сейчас занят за своей партией, что-то ему не до

грамматики. Подходите тихо к мальчику и видите: перед ним полуоткрытая спичечная коробка, в ней что-то шевелится; и Дмитрик весь там, в коробочке его глаза и мысли. Присматриваетесь — в коробке жук, какой-то невиданный, с одним рогом, как пилой, режет он и не может перерезать дверцу своей тюрьмы.

Можно, конечно, разгневаться, можно довести мальчика до слез и покаяния (а себя — до первого дрожания), но что из этого? Единственное, чего вы добьетесь — время будет потрачено впустую, жук станет развлечением для всего класса, дети будут завидовать Дмитрику и посмеиваться над вашим гневом.

Пусть не дает вам покоя в эти мгновения мысль: что делается в твоей душе, дитя? Почему ты не смог заставить себя отложить жука на полчаса и понять грамматическое правило? Вы берете коробочку, закрываете ее, кладете в карман, ложите руку на голову Дмитрика, еще раз объясняете правило, мальчик пишет; видите, он понял: бывают же такие дети — одним глазом смотрит на однорогого жука, другим на доску — и все-таки что-то остается в детской голове.

После уроков Дмитрик подходит к вашему столу, молчит, наклонив голову. Черные бусинки глаз еще блестят, спрятанные под длинными ресницами. Но от вас он не может скрыть, что в глазах все-таки играют чертики. Отдаете Дмитрику жука и просите рассказать: где он нашел такое удивительное существо, как это ему удалось заставить жука «пилить» дверцу темницы, что он дальше думает делать с жуком? Дмитрик охотно рассказывает, он тянет вас за рукав к кустарнику, где, по его словам, такие вот жуки вылазят на свет и летают один раз в три года.

В таких рассказах обычно слышатся намеки воспитателя на то, что с вершин своей педагогической мудрости он в таких случаях опускается, снисходит к миру детских интересов, позволяя себе быть добрым к ребенку. Дети не терпят этого снисхождения. Настоящее воспитание не там, где педагог с вершин опускается на землю, а там, где он поднимается к тонким истинам Детства. Подняться, а не опуститься. Не сюсюкать с ребенком, не подстраиваться под «детскую ограниченность» интересов (нет такой ограниченности, если мы сами не ограничиваем интересов ребенка), а быть мудрым наставником.

Мудрость власти человека над человеком, а тем более

взрослого человека над ребенком — это большое творчество, глубокое сердечное проникновение в мир детских мыслей и чувств, это умение понимать язык детства, сохранить в себе каплю детства и в то же время не стать на одну доску с ребенком по уровню развития. Когда я вижу, как учитель — взрослый человек, отец семьи, привел в учительскую мальчика-пятиклассника и допрашивает: «Ну, почему ты все время смеешься на уроках? До каких пор это будет? Неужели пионер имеет право так вести себя?» — мне кажется, что учитель включился вдруг в детскую игру, но не понимает, что это игра. Мальчик молчит. Он и не может ничего сказать. И вообще было бы удивительно, если бы пятиклассник вдруг ответил учителю в том же духе, в каком поставлен вопрос. Ученик чаще всего не знает, почему он смеется, учитель же не может этого не знать. *Ему не дано права не знать, почему ребенок совершил тот или иной поступок.* Получается же взаимное непонимание: воспитатель не понимает ребенка, ребенок не понимает воспитателя; смотришь иногда на них и думаешь, не на разных ли языках говорят они?

Помните, что ребенку, а еще больше подростку, хочется в чем-то «показать себя», в чем-то утвердить свою волю, свой разум, сообразительность, изобретательность. Живое существо, с вашей помощью познающее мир, постепенно становится личностью. В этом трудном становлении власть педагога должна быть особенно осторожной: воля старшего легко может превратиться в произвол, а иногда и в расправу над человеком. Не придавить и сломать, а поднять и поддержать, не обезличить внутренние духовные силы ребенка, а утвердить чувство собственного достоинства — только так надо осуществлять свою власть над ребенком, и только при этом условии ваша власть может быть *мудрой*. Если ребенок делает что-то «не так», не допускайте «сильных», «волевых» средств влияния на него. Не допускайте, чтобы в вашу сложную лабораторию гуманизма ворвался стук кулаком по столу и окрик. Пусть не привлекает вас перспектива увидеть подвижного, смешливого, вечно неутомимого шалуна угасшим и ошеломленным, с грустными, потухшими глазами, согнутым и несчастным — плохая это перспектива. Берегите, как высшее благо, человеческую гордость, неприкосновенность личной чести ребенка; помните, что шалун, у которого обо всем своя мысль, на все — свой взгляд, — это ваше счастье,

воспитатель; а безвольный, как тень, воспитанник, у которого собственные мысли выбиты из головы вашими «спильными» средствами, который безропотно и безоговорочно всегда подчиняется вам — это ваше несчастье. Знайте, что неужимый шалун и «забияка» в необходимую минуту проявит себя добрым, сердечным человеком, а безвольный, безропотно подчиняющийся воспитанник, часто бывает равнодушным и, сам не отдавая себе отчета в этом, жестоким, готовым перешагнуть через беду ближнего во имя личного благополучия. «Сильные» и «волевые» средства воздействия, ломающие волю ребенка, делают его бессердечным.

96. ВЛАСТВУЙТЕ НАД ДУШОЙ РЕБЕНКА КНИГОЙ, РАЗУМОМ, УБЕЖДЕНИЯМИ

Был у меня умный, но своенравный воспитанник Юра. Как тонкий стебелек тростника чуток к малейшему дуновенью ветерка, так он, Юра, был чуток к правде и лжи, честности и бесчестию.

Принес я в Комнату Мысли несколько книжек о дальних странах, о природных явлениях. Загорелись глаза у Юры, когда он увидел яркую, красочную обложку книги о морских глубинах. Он попросил почтять, и когда я дал ему книгу, мальчик с волнением спросил: «А когда прочитаю — еще дадите?»

«Конечно, — ответил я. — Хоть и каждый день читай по книге».

Я неосмотрительно преувеличил: книг о дальних странах, о морских глубинах, о тропических лесах и арктическом безмолвии, о необыкновенных приключениях у меня в ту пору не хватало бы на каждый день. А Юра как раз через день принес книгу и попросил новую. Несколько недель прошли незаметно. Но полка с книгами, заинтересовавшими Юру, была небольшая. И вот пришел день, когда тревожная мысль лишила меня покоя: что же будет через неделю? Ведь мальчик, пятиклассник Юра, и представить себе не может, что запас книг у меня вдруг исчерпается. Что же будет, когда он поймет, что я обманул его? Дело не только в том, что наша дружба распадется. Не только в том, что я не увижу больше в своей маленькой комнатке доверчивых детских глаз, не услышу вопроса: «А у вас еще много книг?» (В соседней комнате была моя, маленькая тогда, библиотечка, и я не разрешал Юре

просмотреть ее, боясь, что он сразу же разочаруется во мне). Дело в том, что я потеряю власть над душой этого своеправного ребенка, обладающего — в этом я был убежден — единственным в мире, неповторимым характером: тяготением к людям, у которых слово не расходится с делом в мельчайших деталях.

И вот пришел день, когда я отправился из своего далекого села в путешествие по городам — Харькову, Полтаве, Киеву. Я истратил двухмесячную зарплату, но возвратился домой радостный. Еле донес связки с книгами. Боялся попасть на глаза Юре.

Три года учился Юра до окончания VII класса (тогда была семилетняя школа), и три года я каждый день думал о том, какую интересную книгу я дам ему прочитать. Я чувствовал, что мальчик думает не только о содержании прочитанной книги. Он как бы судит по книгам о том, кто читает эти книги. Вдумчивый, требовательный, он был в те годы моим судьей. Чем глубже был смысл прочитанной книги, чем интереснее была наша беседа, тем больше тянулся он ко мне, тем больше радости давали мне минуты и часы бесед.

Эти три года были для меня настоящим испытанием. С тех пор у меня каждый год есть несколько таких — с пытливым умом и чуткой душой — воспитанников, как Юра. Я не мог бы властвовать над их волей, если бы не книга. От книги зажигались, как маленькие огоньки, детские и юношеские интересы. Я чувствовал себя под неусыпным контролем моих воспитанников. Если бы хоть на один день прекратилась моя активная жизнь в мире книг, я бы потерял власть над душами моих питомцев. Я бы стал неужен им, потому что ничего больше не мог бы им дать. А учитель, который больше ничего не дает, становится для воспитанников досадным надзирателем, которого в меру сил терпят, но не уважают.

Дорогой друг, хочу посоветовать вам: *властвуйте над умами* своих питомцев. Нет более сильного средства подчинить волю своего питомца, чем подчинение его мыслей. Но властвовать над мыслями можно лишь тогда, когда у вас богатая, полнокровная жизнь в мире книг. Самые чуткие, обладающие неповторимой индивидуальностью, своеправные, «мятежные», непокорные патуры и характеры при умелом подходе становятся книголюбцами. Покоряйте их книгами и разумом.

Здесь не может быть никакого трафарета и рецепта. Все, что отвлекает учителя от непосредственной воспитательной работы, всякая писанина для показа — совершенно непущая вещь. Но планирование воспитательной работы не относится к такого рода деятельности. Это составная часть воспитательной работы. Без планирования я не представляю полноценного воспитания, особенно тех составных частей, которые я называю трудноуловимыми.

Планирование воспитательной работы — это прежде всего представление об идеале воспитания. Воспитатель должен представлять, что должно получиться из доставленной в его мастерскую «глыбы мрамора». От того, насколько ясное это представление, зависит понимание сущности воспитательной работы и необходимости планирования.

Вы начинаете работать с первым классом (иногда ваша воспитательная работа начинается с дошкольниками). Вам учить детей до III класса, но путь воспитательной работы вы должны представлять до конца — до окончания средней школы, до первых шагов самостоятельного труда, до полной зрелости воспитанника, до материнства и отцовства. Составьте план деятельности, которая необходима в течение дальнейших 10—15 лет (не только в школьных стенах, но и после окончания школы) для того, чтобы питомец ваш стал человеком с ясным, пытливым и развитым умом, благородным сердцем, золотыми руками. Составьте прежде всего список книг, входящих в золотую сокровищницу мировой культуры, которые ваши питомцы должны прочитать за десять лет школьного обучения. Мы составляем также «резервный» список книг, которые человеку нужно прочитать после окончания школы, в период самостоятельного труда. Как добиться, чтобы воспитанники оставались нашими воспитанниками и после окончания школы, читали книги, которые надо прочитать, — об этом мало написать и целую книгу, настолько это большой и важный вопрос.

Дальше продумайте и напишите, что должен сделать ваш питомец своими руками с первого дня обучения до вступления в пору зрелости — для матери, отца, для людей, чтобы быть настоящим человеком, знать, что такое труд, честь, достоинство, дружба, забота о человеке. Затем составьте перечень общественно полезного труда, в котором ваш питомец должен принять участие, чтобы пройти

первую школу гражданского воспитания. Я советовал бы рядом с этим пунктом написать перечень книг о выдающихся людях, которые должны стать идеалом для подростка, юноши и девушки. Чтение этих книг не принесет никакой пользы, если нет общественно полезного труда.

Дальше, имея общее представление об идеале человека, которого воспитывает школа, надо составить более конкретный, детализированный план на весь период своей работы с воспитанниками, — например, учителю начальных классов — на 3 года, классному руководителю IX—X классов — на весь период работы с классом. Здесь я советую уделить особенное внимание детству и отрочеству. 9—10-летний ребенок, 13—14-летний подросток должен, оглянувшись назад, увидеть то, что он уже сделал своими руками. Он должен знать, что такое трудовые мозоли, трудовой заработок, что такое усталость и отдых, что такое трудно.

И более общий план — на все годы школьного воспитания, и более конкретный — на период работы одного воспитателя со своими питомцами, — оба эти плана являются в какой-то мере идеалом, к которому стремится воспитатель. На основании идеала надо планировать конкретный воспитательный труд на более ограниченный период. На какой именно — планируйте так, как вам удобнее: то ли на неделю, то ли на месяц; у кое-кого получается неплохой план и на целую четверть. Надо только всегда помнить, что воспитание — живое, подвижное, вечно изменяющееся и развивающееся дело и что питомец ваш всегда в состоянии становления. Планирование воспитательной работы на небольшой срок является как бы постоянной, повседневной сверкой, сопоставлением того, что делается каждый день для достижения идеала.

План определяется прежде всего жизнью. Когда ваш питомец переступил школьный порог, вы еще не знаете, как будет развиваться его индивидуальность. Личность начинается в деятельности, в труде, в повседневных взаимоотношениях. И вот жизнь на каждом шагу подсказывает вам, что планировать: какую книгу прочитать коллективу, в какой труд вовлечь воспитанников, о чем побеседовать с Ваней и Колей, чтобы они прочитали те книги, которые им надо прочитать.

План воспитания включает все многообразие деятельности школьников, а также работу с родителями. План принесет несомненную пользу воспитателю в том случае,

если будут глубоко продуманы нравственный смысл, цель каждого вида деятельности. Необходимой чертой и планирования и практической работы является в связи с этим преемственность и развитие того, что уже достигнуто. Можно сказать, один из секретов воспитания заключается в том, чтобы постоянно делать одно и то же, но чтобы воспитанники не подозревали, что они делают одно и то же. Так, воспитание человечности, чуткости, отзывчивости, сердечности требует того, чтобы воспитанники постоянно делали что-то для людей, но эта деятельность не должна быть однообразной. Читатель здесь может подумать: хорошо было бы, если бы автор показал, как конкретно составить план на неделю или на месяц. Я умышленно избегаю этого. Передача опыта — это передача идеи, заимствование опыта — это индивидуальное творчество на основе идеи.

98. КАК ПРОВОДИТЬ ВОСПИТАТЕЛЬНУЮ БЕСЕДУ С КОЛЛЕКТИВОМ

Каждая воспитательная беседа имеет свою цель. Иногда цель общая, касающаяся всех питомцев. Иногда беседа проводится для того, чтобы воздействовать на весь коллектив, а на отдельного воспитанника оказать особенное воздействие.

Продумывая духовную жизнь коллектива, мысли, чувства, поведение отдельных воспитанников, намечая содержание воспитательной беседы, вы никогда не должны забывать, что главное ваше средство воздействия — слово, вы прикасаетесь к разуму и сердцу своих питомцев словом. А слово может быть и могучим, острым, горячим, и хилым, немощным, бессильным, — все зависит от одной исключительно важной черты вашей беседы — одухотворенности, воодушевления. В выработке убежденности, в побуждении детей, подростков, юношей и девушек к самовоспитанию воодушевление — это святая святых воспитания. Помните, что вы передаете в своем слове воспитаннику не только смысл того, о чем вы рассказываете, но и, образно говоря, частицу своей души.

Вдохновенность, одухотворенность вашей воспитательной беседы это прежде всего глубокая вера в то, что вы говорите, что вы отстаиваете всеми силами своей души. Вдохновенность появляется тогда, когда вы что-то отстаиваете, за что-то боретесь.

Вы, например, заметили в своем коллективе несколько проявлений равнодушия. Геннадий заболел, пролежал дома два дня, и получилось так, что никто к нему не пошел, не навестил. Каждый надеялся, что это уже сделал кто-то другой. У Виктора бабушка лежит в больнице, за две недели он лишь раз навестил бабушку, а больница-то совсем недалеко. Вас эти факты встревожили. Вы готовитесь к воспитательной беседе. Но об этих фактах говорить вы не будете. Есть такая исключительно важная закономерность воспитания и самовоспитания — сила нравственного суда (а нравственная оценка своего поступка — это по существу нравственный суд) зависит от того, кто судья — воспитатель или сам обвиняемый. Если обвиняемый только слушает приговор, педагогический эффект слова учителя намного снижается. Человек должен быть сам себе судьей. Я вижу воспитательное мастерство беседы в том, чтобы питомец мой, допустивший предосудительный поступок, думал и переживал свой поступок без моего напоминания о нем.

А для этого необходимо соблюдение еще одного очень важного правила воспитательной беседы: необходимо найти в жизни, в человеческих взаимоотношениях яркий факт, воплощающий в себе идею ваших слов. Сила вашей воспитательной беседы и будет заключаться в том, чтобы идея нашла дорожку к душе Виктора, к душам тех, кто живет недалеко от Геннадия. От яркости этого факта зависит в сущности и воодушевленность, одухотворенность ваших слов: частица души передается от человека к человеку лишь тогда, когда ваши слова имеют своим источником прекрасную, возвышенную идею. Берите для воспитательной беседы факт, который поразил, изумил вас. Вот один из таких фактов. В одном из сел нашей области вскоре после войны был тяжело ранен молодой тракторист. Четыре года он воевал, остался невредимым, а придя домой и сев за руль трактора, подорвался на mine. Молодой тракторист пал духом. Если бы не жена — верная подруга, мужественная женщина, любящая мать, вряд ли мог бы человек подняться на ноги. Человек без ног, без левой руки снова встал на ноги — научился ходить на протезах, снова сел за руль трактора. Мужество, твердость, непоколебимость в страшном горе, верность — эти черты одухотворили вас, как только вы узнали об этом ярком факте. Свою одухотворенность вы передаете воспитанникам.

Воспитывать — это значит заставлять человека думать о самом себе. Рассказывая об изумившем вас факте, вы обращаетесь непосредственно к Виктору и Николаю, Александру и Юрию — к тем, в чье сердце почему-то брошено и дало ростки зерно равнодушия к человеку. Перед вами не некий абстрактный ученик, какого нет в природе, а конкретные Виктор и Николай, Александр и Юрий. Вы знаете, о чем они сейчас думают. Вы рассчитываете свои слова прежде всего на них. Вы стремитесь к тому, чтобы их, как и вас, изумил, потряс факт человеческой верности и преданности, чтобы, отталкиваясь от факта, подростки мысленно перешли к идее. Только там, где предметом раздумий является идея, человек начинает думать о самом себе.

При этом нельзя говорить воспитанникам: думайте о своей жизни, о себе... Призыв должен заключаться в самой логике мышления. Только мысль о самом себе пробуждает в юном сердце вдохновение — ваше вдохновение передается подросткам. Вдохновением называется подъем сил и способностей человека в процессе мышления, творчества. Познание Человека разумом и сердцем — это и есть подлинное творчество. Этот подъем характеризуется ясностью сознания, потоком мыслей, образов, стремлений. Поток личных мыслей об окружающем мире и прежде всего о самом себе — вот что нужно вызвать в конечном счете своей воспитательной беседой. Воспитанник может забыть о факте, о котором шла речь, но эмоциональный след от воспитательной беседы — если только она по-настоящему воспитательная — никогда не забывается. Чем в большей мере вы одухотворили питомцев благородной идеей — в данном случае идеей верности человека человеку, идеей чуткости, душевности — тем больше вы побудили своих воспитанников к самовоспитанию, самоанализу. Вы на какое-то мгновение встречаетесь взглядом с Виктором (нельзя, чтобы вы искали глазами этой встречи; она должна быть как бы случайной). Вы видите в знакомых вам до мельчайших черточек глазах подростка два чувства: пытливый взгляд в самого себя и смятение. Это значит, что слова ваши, как говорят, дошли. Начинается сложная душевная деятельность, сложная работа ума и сердца. Пусть уйдет от вас подросток в смятении — так и надо. Пусть несколько дней находится под впечатлением рассказанного вами, пусть при ярком свете идеи, зажженной

вами, видят, что таится в глубоко скрытых от чужого взгляда уголках его сердца.

Беседа — это только условное название. На самом деле здесь нет беседы: ученики слышат слово педагога. И не надо, ни в коем случае не надо побуждать их: ну-ка, расскажите, что вы думаете о жепщине, десять лет боровшейся за душу дорогого ей человека? Так, к сожалению, иногда делают отдельные воспитатели. Такое завершение беседы разрушает все, что было достигнуто. Воспитание — не пересказ прочитанного или рассказанного педагогом. Воспитательное мастерство состоит прежде всего в том, чтобы человеку захотелось быть хорошим, а для этого он должен понять и почувствовать, какой он есть.

Иногда делается так: набедокурил кто-нибудь из подростков (или юношей), и воспитатель строит свою беседу на этом факте: начинает с него, отталкивается от него. Как говорит один мой знакомый учитель, — «обыгрывает факт». С первого взгляда это кажется очень заманчивым — можно хорошо «пробрать», «потрясти». Но с чем это можно сравнить? Представьте себе, что у вас очень запылен пиджак, и чтобы очистить его от пыли, берут палку и бьют по спине. Польза-то есть, пиджак освобождается от пыли, но вряд ли кто-нибудь согласится на такое «очищение». Все-таки лучше снять пиджак и вычистить его хорошенько... Воспитание не должно быть наказанием, не должно превращаться в наказание. Приближайте воспитание к идеалу мастерства.

Если смысл воспитательной беседы с коллективом вы видите только в осуждении зла — никакого воспитания у вас не будет. Ведь вы говорите с коллективом, а зло, порок свойственны не всему коллективу. Вот тут-то нередко и допускает ошибку воспитатель, забывающий о том, что прикосновение к человеческому пороку требует большой осторожности и тактичности, тем более, что мы имеем дело с детьми, подростками, с зарей юности — а все это очень хрупкое, тонкое... Нельзя стремиться вырвать порок одним махом, выжечь его одним прикосновением горячего, негодующего слова. Помните, что коллектив относится к человеку, у которого порок, как к бедствующему, и если вам кажется, что, призывая коллектив направить всю силу своего негодования против того, кто не смог еще до сих пор расстаться с пороком, вы достигнете поставленной цели, вы ошибаетесь. Вместо коллективного негодования

вы получите коллективное сочувствие к тому, кто бедствует. И это совершенно закономерно. Так не стремитесь же мгновенно вырвать болячку с корнями — получится кровоточащая рана. Воспитание — очень тонкая медицина, оно предполагает лечение и полное излечение болячек и нарывов и не признает вырывания. С вашей воспитательной беседы человек ни в коем случае не должен уйти с кровоточащей раной. Это потрясет и коллектив, но потрясет совершенно не так, как вам хотелось бы.

Проводя воспитательную беседу с коллективом, как раз и рассчитывайте на то, что коллектив относится к моральному пороку как к горю, беде (вернее, учитывайте *это*). Больше того, стремитесь углубить сочувствие к бедствующему. Доводите это коллективное чувство до желания видеть своего товарища нравственно красивым, свободным от пороков.

99. КАК БОРЬТЬСЯ С ЛЕНЬЮ

Этот вопрос не случайно поставлен предпоследним. Для того, чтобы не было лодырей, надо делать все то хорошее, о чем шла речь во всех девяноста восьми предыдущих советах. Лень излечить нелегко. Не легче ее и предупредить, но *предотвращенная* лень оборачивается трудолюбием в тысячу раз более ценным, чем трудолюбие, полученное в результате излечения лени. Поэтому разберемся вначале, мой юный друг, как предупредить лень. А для этого надо знать ее источники.

Лень — дитя праздности и пустого времяпровождения. Ленивым становится тот, чьи желания в раннем детстве удовлетворяются заботами старших, а ребенку остается только повелевать и капризничать. Лодырь рождается там, где все легко дается и человек не знает, что такое трудно. Самой благоприятной почвой для превращения нормального ребенка в лодыря является та атмосфера беззаботного и безбедного детства, в которой у ребенка рождается мысль, что детство будет вечным. В таких случаях родители обычно в один прекрасный день спохватываются: как это произошло, что мы и не заметили, когда наш мальчик стал взрослым? Вчера боялся выйти во двор с наступлением темноты, а сегодня ухаживает за девушками, гуляет до полуночи... Лень — пена на волне беззаботности. Это явление глубоко духовного порядка, его корни кроются в бездеятельности

души. Ленивым становится тот, кто ничего не припирает близко к сердцу.

Лень зачастую сродни отсутствию чувства собственного достоинства: человеку безразлично, что о нем думают люди.

Лодыри, как правило, всегда расточители богатства, созданного другими людьми, но обилле потребляемых ими благ, образно говоря, — шея, на которую они садятся, — еще не говорит о богатстве их духовной жизни. Лодыри — люди духовно убогие, нищие. Один из столбовых корней лени — пустота, убогость духовных интересов. Лодыри вызывают прежде всего чувство сожаления, и, кстати, одним из средств радикального излечения лени является то, чтобы человек, ставший, к несчастью, лодырем, взглянул на самого себя, увидел свое несчастье, почувствовал его сердцем. Нельзя забывать и того, что речь идет о детской лени.

Важнейшее условие предупреждения лени — не должно быть праздности и пустого времяпровождения. Не должно быть такого периода в духовной жизни человека, чтобы он ничего не создавал. Уродливым во всех отношениях является то, что взрослые специально создают условия для праздности и безделья, называя эту праздность детским летним отдыхом. Отдых должен быть только активным, представляя собой изменение характера деятельности. Из душного города детей надо вывозить в села, пусть они здесь, среди полей и лугов занимаются посильной деятельностью, закаляют свои силы.

Могучее средство предупреждения лени — ограничение желаний. Пусть с детства человек на собственном опыте познает сущность понятий: нельзя, надо, можно. Вместе с родителями следует добиваться того, чтобы ребенок с малых лет сам себя обслуживал.

Пусть человек с малых лет испытает трудности, преодолевая их определенным напряжением физических и духовных сил. Слияние физических и волевых сил воспитывает трудолюбивого, деятельного, волевого человека.

Лень не проникает в душу, если родители видят в нем завтрашнего взрослого человека, представляют его взрослым, думают: а как же он будет на свете жить, если понесет в юность и зрелые годы вот этот порок — лень, нерадивость, боязнь трудностей? Могучее средство предупреждения лени — *взрослые* заботы. Не может быть и речи о серьезном воспитании трудолюбия, если до вступления в раннюю юность человек не узнал на собственном опыте,

что важнейший элемент человеческой жизни — это зарабатывать собственными руками на одежду, обувь, питание.

Лень — это не только физическое безделье, но и лень мысли. Лень мысли овладевает человеческой душой тогда, когда мысли даются в готовом виде, и для добывания их не надо прилагать никаких усилий. Как бездумное потребление материальных ценностей, созданных чужими руками, порождает нежелание работать физически, так пережевывание мыслей и вкладывание «их в рот» в готовом виде порождает мысли. Заставить добывать знания — значит предупредить инертность мысли.

Путь к предотвращению лени — в богатстве духовных потребностей. Только при этом условии, когда уже в детстве и особенно в годы отрочества человек воспитывает в своей душе такие потребности, как потребность в радости труда, в книге, в общении с другим человеком, в созидании, в творчестве — он получает *противоядие* от лени. Активное воспитывание потребностей как важнейших духовных ценностей личности — одна из очень интересных проблем педагогической теории и практики.

А что же делать, если человек уже стал лодырем? — спросите вы. Вот приходит мама пятиклассника Степы в школу и разводит руками: «Что мне делать с ним? Пришел домой, положил книги, пообедал и — до вечера гуляет».

Что делать в таких случаях?

Спасать ребенка. Мы советуем матери: «Если уж вы вырастили маленького лодыря, то будьте настойчивыми в его перевоспитании. Заставьте два часа сидеть над уроками. Привыкнет — сам почувствует радость выполненного труда. Заставляйте без крика, без наказания: ведь вы делаете ему не зло, а добро. Выполнил уроки — пусть часа два потрудится физически. Поднимайте с постели в пять часов утра. Скажите ему: я готовлю для семьи завтрак — тружусь, ты готовься к урокам — тоже трудись. Все это без крика, без напоминания о том, что он, сын ваш, лодырь. С того дня, как он поднялся в пять часов и поработал до семи — он уже не лодырь. Его надо похвалить за трудолюбие.

Не бывает случая, чтобы такие простые меры не перевоспитали человека. Единственным препятствием на пути к перевоспитанию лодыря может быть лень родителей.

Я не случайно говорю о перевоспитании лодыря в семье. Лень рождается и выкорчевывается прежде всего

в семье. Если в семье нет атмосферы трудолюбия, школа не может достигнуть положительного результата собственными усилиями. Во всех отделениях родительской школы мы изучаем вопрос: откуда берется лень? Делаем психолого-педагогический анализ поведения, труда, учения, взаимоотношений младших и старших. Предупреждение лени — одна из важнейших точек соединения усилий школы и семьи.

100. ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТ — ПО СЕКРЕТУ...

Все, что я в этой книге советую, надо знать только вам, педагогу, и необязательно знать вашим питомцам. Педагогическая осведомленность, педагогическая «просвещенность» учеников приносит, как правило, не пользу, а вред. Дело в том, что одним из условий высокой эффективности педагогического воздействия является обстановка непреднамеренности этого воздействия. Другими словами, ученику не надо в каждый данный момент знать, что учитель его воспитывает. Воспитательное намерение должно быть скрыто обстановкой дружеских, непринужденных взаимоотношений.

Почему человек не должен знать, чувствовать, что его воспитывают? Потому, что настоящее воспитание — это самовоспитание. Надо создать такое общение воспитателя и воспитанников, чтобы каждое слово, обращенное к юному разуму и сердцу, пробуждало внутренние духовные силы, вызывало внутреннюю работу ума и сердца, направленную на самопознание и самосовершенствование. Если же человек на каждом шагу чувствует и понимает, что его воспитывают, способность к самопознанию и самосовершенствованию притупляется. У него зарождается мысль: каким мне быть и что мне делать — об этом подумают взрослые. А мое дело — ожидать советов и указаний.

Выдающийся советский педагог А. С. Макаренко не один раз говорил о том, как важно для воспитателя не показывать воспитанникам, что они подвергаются каким-то специальным педагогическим процедурам¹⁸. Я всю жизнь учился этому у своего учителя и убедился, что сделать свой воспитательный замысел незаметным — один из очень важных элементов педагогического мастерства.

Необходимо, чтобы воспитание детей, любовь и уважение к детям, требования к ним и дружба с ними, — чтобы все это было самой сущностью вашей духовной жизни, мой юный друг.

ПРИМЕЧАНИЯ

Книга написана на русском языке в 1965—1967 годах. В полном объеме на русском языке до сих пор не публиковалась. Отрывки из работы печатались в журнале «Народное образование» (№ 5, 6, 9, 12 за 1969 г.) и в газете «Радянська освіта» (№ 75, 76, 78, 79, 83, 86, 90, 94, 99, 103 за 1971 г. и № 4, 8, 10, 15, 19, 23, 39 за 1972 год).

Печатается по тексту рукописи, написанной на русском языке, с небольшими сокращениями.

В работе даются советы учителям по различным вопросам организации, содержания, форм, методов и приемов учебно-воспитательной работы, по вопросам самовоспитания учащихся, формирования у них коммунистических идеалов, воспитания гражданского долга, социалистического гуманизма и др. Широко освещается в этом плане опыт Павлышской средней школы.

1. Цитируется статья Д. И. Писарева «Погибшие и погибающие». Писарев Д. И. Избр. пед. соч. М., Изд-во АПН РСФСР, 1951, с. 338).— 450.
2. См.: К у н а н б а е в А. Назидание.— В кн.: Собр. соч. М., Гослитиздат, 1954, с. 387.— 452.
3. Это положение В. А. Сухомлинского перекликается с утверждением Жан-Жака Руссо о стремлении к тому, чтобы у воспитанника Эмиля из произведения «Эмиль, или о воспитании») «глаза были в концах пальцев» (Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании. М., 1896, с. 157).— 517.
4. К. Д. Ушинский в книге для учащихся «Родное слово» писал: «Но дитя, если можно так выразиться, мыслит формами, красками, звуками, ощущениями вообще, и тот напрасно и вредно насилуовал бы детскую природу, кто захотел бы заставить ее мыслить иначе» (Ушинский К. Д. Собр. соч. М., Изд-во АПН РСФСР, 1949, т. 6, с. 266).— 539.
5. И. П. Павлов, говоря о других типах человеческого мышления, писал: «...Нужно констатировать, что, благодаря двум сигнальным системам и в сплу давних хронически действовавших разнообразных образов жизни, людская масса разделилась на ху-

дожественный, мыслительный и средний типы» (Павлов И. П. Полн. собр. соч. 2-е изд. М.—Л., Изд-во АПН СССР, 1951, т. 3, кн. 2, с. 346).—548.

6. В. А. Сухомлинский, вероятно, использовал здесь слова Г. С. Сквороды о «безначальной», вечной и всеохватывающей причине, кроющейся в самом человеке («...Безначальная вина, в которой и от которой все, а она сама от самой себя и всегда с собою есть и будет»). См.: Скворода Г. Твори. В 2-х т. К., Вид-во АН УРСР, 1961, т. 1, с. 259.—571.
7. Цитата изложена в сокращенном виде. Ее полное звучание таково: «Итак, пусть жепщины поймут свое высокое назначение в вертограде человеческой жизни. Пусть поймут, что они, ухаживая за колыбелью человека, учреждая игры его детства, научая его уста лепетать и первые слова и первую молитву, делают главными зодчими общества. Краугольный камень кладется их руками» (Пирогов Н. И. Избр. пед. соч. М., Изд-во АПН РСФСР, 1952, с. 83).—572.
8. К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», характеризуя коммунистическое общество и подчеркивая, в частности, что коммунизм совпадает с гуманизмом, писал: «Мы видим, как на место политико-экономического богатства и политико-экономической нищеты становится богатый человек и богатая человеческая потребность. Богатый человек — это в то же время человек, нуждающийся во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как нужда. Не только богатство человека, но и бедность его получает при социализме в равной мере человеческое и потому общественное значение. Она есть пассивная связь, заставляющая человека ощущать потребность в том величайшем богатстве, каким является другой человек» (Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956, с. 596).—585.
9. Цитируется статья К. Д. Ушинского «Три элемента школы». (Ушинский К. Д. Собр. соч. М., Изд-во АПН РСФСР, 1948, т. 1, с. 63—64).—597.

10. См.: Луначарский А. В. Что такое образование? — В кн.: А. В. Луначарский о народном образовании. М., Изд-во АПН РСФСР, 1958, с. 61.— 597.
11. К. Маркс писал об игре физических и интеллектуальных сил в процессе труда в I томе «Капитала», где имеются строки: «Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 189).— 606.
12. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 62.— 620.
13. См.: Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года.— В кн.: Избр. статьи. М., «Детская литература», 1973, с. 207.— 621.
14. В. А. Сухомлинский пересказывает в сокращенном виде отрывок из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», в котором говорится: «Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно, в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою, (подчеркнуто нами — В. С.) до того, чтобы мог, наконец, достичь, через послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя избежать участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе (подчеркнуто нами — В. С.) не нашли» (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.— Л., Гослитиздат, 1970, с. 32).— 641.
15. Идет речь о высказывании Л. Н. Толстого в сборнике «Круг чтения. Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении. 1904—1908, том первый», которое полностью звучит так: «Думай хорошо, и мысли созреют в добрые поступки» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., Гослитиздат, 1957, т. 41, с. 559).— 642.

16. Автор имеет в виду ответ К. Маркса на вопросы анкеты от 1 апреля 1865 г. о черте, которую он больше всего ценит в людях (См.: М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 491).—650.
17. Цитируется письмо С. Г. Лазо к одному из своих братьев, написанное в 1915 году, в котором говорилось: «...когда у человека появляются осознанные убеждения, видное место здесь занимают книги, но не они создают убеждения. Убеждения — нечто более важное, более значительное — я не говорю более трудное,— чем знания. Они, и только они, делают нашу личность самобытной и цельной. Убеждения появляются как сложный результат чтения и взаимодействия с окружающей жизнью. Убеждения нужно выстрадать, нужно проверить их жизнеспособность, нужно обтереть их о чужие убеждения... Человек должен скорее пойти на гибель, нежели отказаться от своих убеждений. (Л а з о С. Дневники и письма. Владивосток. Приморское книжное издательство, 1959, с. 94—95).—677.
18. Имеются в виду установки А. С. Макаренко в работе «Методика организации воспитательного процесса», где сказано: «Воспитатель должен всегда хорошо знать следующее: хотя все воспитанники и понимают, что в детском учреждении их учат и воспитывают, однако они не очень любят подвергаться специальным педагогическим процедурам и тем более не любят, когда с ними бесконечно говорят о пользе воспитания, морализируя каждое замечание.
- Поэтому сущность педагогической позиции воспитателя должна быть скрыта от воспитанников и не выступать на первый план. Воспитатель, бесконечно преследующий воспитанников явно специальными беседами, надоедает воспитанникам и почти всегда вызывает некоторое противодействие». (М а к а р е н к о А. С. Собр. соч. М., Изд-во АПН РСФСР, 1951, т. 5, с. 93).—698.

3. Единство учебных и воспитательных целей	107
4. Раскрытие идей — важное условие формирования нравственных убеждений в процессе обучения	116
5. Активная деятельность учащихся в процессе обучения — необходимое условие формирования убеждений	120
6. Направленность нравственных идей на формирование норм и правил коммунистического поведения	133
7. Коммунистическая принципиальность — это единство коммунистических убеждений и высоконравственного поведения	149

КАК ВОСПИТАТЬ НАСТОЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

Введение	159
Любовь к социалистической Родине, высокая идейность и гражданственность	168
Отношение к людям и долг перед ними	196
Отношение к родителям, родным, близким	215
Понимание жизни, добра и зла в ней	236
Воспитание высоких нравственных качеств и норм поведения	266
Любовь к знаниям, к школе, учителю	356
Дружба, любовь, семья	386
Отношение к красоте в природе и обществе	436

СТО СОВЕТОВ УЧИТЕЛЮ

Часть I

Вместо предисловия	447
1. Что такое призвание к труду учителя? Как оно формируется?	449
2. О здоровье и полноте духовной жизни учителя. Несколько слов о радости труда	454
3. Как предотвратить истощение нервных сил в процессе повседневной деятельности	458
4. Будьте доброжелательны!	462
5. Помните, что нет и быть не может абстрактного ученика .	466
6. Где брать время? Сутки имеют только 24 часа	470
7. Время учителя и взаимозависимость этапов обучения . .	473
8. О сохранении в памяти школьника элементарных знаний .	475
9. «Две программы обучения», развитие мышления школьника	477

10. О работе с «трудными» школьниками	480
11. Знания — и цель, и средство	483
12. О добывании знаний	485
13. Как вести учеников от фактов к абстрактным истинам	487
14. Первое изучение материала	490
15. Осмысливание нового материала как этап урока	492
16. Как проверку выполнения домашних заданий сделать эффективным умственным трудом	494
17. Оценки должны быть весомыми	496
18. Мать учения не должна стать мачехой	498
19. Как быть с проверкой тетрадей?	500
20. Содержание активной деятельности учащихся при изучении предмета	502
21. Учите наблюдать, учитесь видеть	504
22. Как чтением развивать знания	505
23. Чтение — важное средство умственного воспитания «трудных» учеников	506
24. Не допускайте диспропорции между умениями и знаниями	507
25. В чем секрет интереса	511
26. Боритесь за мысль и сердце своих питомцев	514
27. Как слить мысль и чувство гражданского достоинства	518
28. Знания и участие в общественной жизни	520
29. Как распределить труд школьников по временам года	521
30. Об интеллектуальной жизни воспитанника	523
31. Чтобы не было перегрузки — необходимо свободное время	525
32. Учитесь ребенка пользоваться свободным временем	525
33. Приведите каждого ученика к очагу увлеченности	530
34. Воспитывайте трудовыми увлечениями	532
35. Как добиться, чтобы ученики были внимательны	536
36. Наглядность — тропинка познания и свет, озаряющий эту тропинку	538
37. Советы учителю, начинающему работать в школе	542
38. Советы учителю, готовящемуся работать с первым классом	546
39. Как в дошкольный период изучать мышление детей	547
40. Как развивать мышление и умственные силы детей	550
41. Как воспитывать память	551

42. Падите и в то же время развивайте память подростков, юношей и девушек	552
43. Воспитывайте у детей любовь к рисованию	554
44. Как готовить детей к беглому письму	556
45. Учите детей работать и правой, и левой рукой	557
46. Советы учителю, работающему в большой школе	558
47. Советы учителю одноклассной школы	560
48. Какие планы писать учителю	562
49. Советы относительно дневника учителя	564
50. О воспитании своих детей	566

Часть II

51. Кто и что воспитывает ребенка? Что в воспитании зависит от Вас, педагога, и что — от других воспитателей?	568
52. Как готовить мать и отца к школьно-семейному воспитанию их детей	572
53. Как добиться, чтобы слово воспитателя доходило до сердца воспитанника	576
54. Как добиться, чтобы отец и мать как воспитатели выступали в единстве	579
55. Какой же должна быть школа воспитания чувств	582
56. Что делать, чтобы детям хотелось хорошо учиться	585
57. Как углублять воспитательную работу с родителями по мере роста и развития ребенка	587
58. Как совместно с семьей руководить детским трудом	590
59. Как трудом облагораживать сердце, воспитывать человечность	592
60. Как вместе с родителями воспитывать будущих матерей и отцов	593
61. Как воспитывать уважение к женщине — девушке, матери	595
62. Какими качествами надо обладать педагогу как воспитателю	597
63. Коллектив как орудие воспитания. Как создается коллектив, на чем он держится	600
64. Как коллектив становится средством всестороннего развития личности	604

65. Как воспитывать умение подчиняться и руководить. Как воспитывать в духе высокой требовательности	607
66. Как воспитывать юных ленинцев. Роль учителя в жизни пионерской организации	608
67. Как доносить до ума и сердца юных ленинцев идеи Коммунистической партии	612
68. Как добиться, чтобы красный комсомольский билет с изображением великого Ленина, прикасаясь к груди, заставлял трепетать сердце, чтобы юноши и девушки дорожили званием комсомольца	614
69. Как воспитывать комсомольцев, чтобы каждый из них всегда стремился стать лучше	618
70. Как побуждать человека к постоянному моральному развитию и совершенствованию	620
71. Как добиться того, чтобы юное сердце не было равнодушным к нашей жизни и борьбе	621
72. Как духовную жизнь комсомольца наполнить мыслями о социалистической Родине	624
73. Как же приходит духовная зрелость юношества	626
74. Не бойтесь трудностей. Пусть будет трудно — без этого нет идейного воспитания юношества	628
75. Оберегайте чистоту душевных порывов юношества	629
76. Как учить комсомольцев жить в мире общественных интересов	631
77. Как создать трудовые отношения внутри школьного коллектива	633
78. Разновозрастные коллективы нельзя строить на пустом месте	635
79. Заботьтесь о том, чтобы Ваши воспитанники были и воспитателями	637
80. Воспитывайте коллектив так, чтобы юноши и девушки не проходили мимо одиночества	638
81. Оберегайте своих питомцев от пустословия	639
82. Как учить своих питомцев воспитывать самих себя	641
83. Овладевайте искусством индивидуальной беседы с воспитанником	643

84. Как побуждать к самовоспитанию в нравственной сфере .	648
85. Как побуждать к самовоспитанию в труде и учении . . .	652
86. Как воспитывать самодисциплину в умственном труде . .	656
87. Как побуждать к самовоспитанию в физической культуре	659
88. При каких условиях коллектив успешно выполняет свою функцию воспитателя личности	661
89. Что можно и чего нельзя обсуждать в школьном коллективе	665
90. В чем заключается самодеятельность коллектива	669
91. В чем заключается идейное воспитание на уроках	672
92. Как донести до ума и сердца подростков и юношества дух современности	677
93. Умейте сделать добродетель привлекательной	679
94. Что такое власть педагога, в чем она должна выражаться	681
95. Как беречь детское доверие	683
96. Властвуйте над душой ребенка книгой, разумом, убеж- дениями	687
97. Как планировать воспитательную работу	689
98. Как проводить воспитательную беседу с коллективом . .	691
99. Как бороться с ленью	695
100. Последний совет — по секрету...	698

ПРИМЕЧАНИЯ